АНДРЕЙ НИКОНОВ

Alt-кот

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая книга последней, четвертой части цикла БР. Советую просмотреть — «На другом берегу осени» — последние главы «Билет в один конец» — пролог и первая глава Ну и остальные книги — все события в серии взаимосвязаны, а персонажи переходят из одной книги в другую. Приятного чтения!

- ALT-КОТ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - ЭПИЛОГ

ALT-KOT

Глава 1

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (ЗАПОЛНЯЕТСЯ ПО ЗАПРОСУ)

I must be gone and live, or stay and die. («Romeo and Juliet»)

— Это случилось само собой, пастор, — произнес Янковский, глядя с экрана телевизора на кого-то справа от меня. — У меня был друг, он меня предал. У меня была любимая — она отреклась. Я улетаю налегке. [1]

Завибрировал смартфон, я даже тянуться к нему не стал, мысленно отключил. Жора Богданов, звонит узнать, как дела. А что ему сказать? Дела как дела, лежу, смотрю телек — обычную панель, не голографическую, и не в голове. Как все нормальные люди. И вообще, ночь на дворе.

Последнее, что помню — каменная плита с сидящей на ней девочкой Каллистой, голос Пашки, убеждающий меня, что все будет хорошо, черная клякса, стекающая с его руки. Элика, спокойно на все это взирающая. И темнота. Небытие.

А потом — белые буквы на темно-синем фоне.

«Блок интерфейса активирован принудительно, для обеспечения безопасности пользователя второстепенные функции отключены. Пользователю рекомендуется не превышать лимит нахождения в блоке переноса».

Отлично, хоть кто-то обо мне заботится.

«Доступен модуль хранения. Все предметы перемещены до выбора узла переноса».

Я попытался себя ощупать, но тела как такового не было, собственно, и щупать тоже было нечем. Ну и ладно. Давай, таинственная система, поиграем в слот-машину. Что мне выпадет на этот раз?

«Время нахождения в блоке переноса — пять стандартных минут. Желаешь сделать выбор узла?»

Нет, не желаю пока, у меня есть незаконченное дело. Представил, что я действительно существую, и вообразил, что сейчас нарисую в пустоте символ, который мне подсунул хранитель. Но только собираюсь это сделать. Открыть рот, но не сказать, отвести руку, но не ударить. Намерение.

«Добавлено время», — тут же отреагировала таинственная система, — «Жди».

И я ждал, может быть десять минут, может быть — десять

секунд, а вполне возможно — десять лет. В пустоте, среди ничего, время летит не так, как обычно. Его не чувствуешь.

«Наличие сообщения подтверждено», — появились новые буковки. Печатный текст, а кто-то обещал мне новый интерфейс. — «Система благодарна тебе за бездействие. Система предупреждена о сообщении и деактивирует его при необходимости. Марку Травину Уришу будет присвоен третий уровень».

Потом, как всегда? Видимо, я оказался прав насчет этой системы.

«В следующее посещение блока переноса», — сообщила система. Ох уж мне эти мессенджеры, женский голос хоть какими-то эмоциями обладал. — «Перечень возможностей третьего уровня доступен в справочной системе модуля переноса. Напоминаю, что модуль переноса доступен только в узлах переноса».

Предупреждает, молодец.

«Пора сделать выбор».

— Исходный узел? — спросил я.

И тут же возник берег речки возле моей дачи. Только зелени сейчас было поменьше, совсем мало для середины сентября.

«Возврат в исходный узел производится. Оборудование, не соответствующее исходному узлу, помещено в модуль хранения до возвращения в блок переноса».

Короткая вспышка, и я ощутил себя лежащим на мерзлой траве — в легких белых кроссовках, светлых штанах, рубашке с коротким рукавом, вот как в подземелье спустился, в том и попал в свой мир. Ни оружия, ни такт-костюма. Налегке.

Поздравляю себя, Марк. Я вернулся. Судя по данным модуля, прямо в 20 ноября, в утро пятницы.

Модуль тут же сообщил, что мир, в котором я появился — с нестабильными колебаниями поля, и рекомендуется до окончания периода адаптации особой активности не проявлять. Ядро и способности ощущались, но уровнем ниже, прям как тогда, когда браслет Уриша отжирал у меня одну часть тела за другой. Нет, еще ниже, гораздо ниже, чем были, светляка я создать мог, и даже маленький плазменный шарик, но на что-то существенное сил уже не хватило бы. Например, нападение монстров отразить, или полетать. Но здесь, в этом привычном для меня мире, первое не водилось, а второе не приветствовалось.

Что сказать, среди слепых и кривой — король.

Интересно, обратно я мог вернуться хоть сейчас, модуль высветил нули в таймере ожидания, вот только я не хотел. Я так долго добивался возврата в свою реальность, что не мог просто

оглядеться и уйти. И, по правде, уходить-то особо некуда было, дом, милый дом, как же давно я тут не был. Год с гаком.

В таком виде появляться на даче не рекомендовалось категорически — не хватало только мать до инфаркта довести. Я бы вылечил, медицина не требует приложения значительных усилий, в основном нужна точность и тонкость схем, с этим, слава шумерским богам, проблем у меня вроде нет. Но рисковать не захотел, к тому же, надо было оглядеться сначала, а то вдруг за год все изменилось.

От речки до дороги, соединявшей наше скромное дачное товарищество с городом, было всего каких-то два километра, пройти его предстояло по заиндевевшей траве, еще зеленой, но уже прибитой морозцем, через лес с уже практически опавшей листвой. С терморегуляцией как-то разберусь, хоть какая-то польза от моих метаний из реальности в реальность, и одежка может, и сам я способен. Хотя нет, только я способен, одежка сдохла, превратившись в совершенно обычную, ну да, голопроекции батарей показывали нулевой заряд.

Поскользнуться не боялся по тем же причинам, кроссовки были такие, как я люблю, с цепкой ребристой подошвой, легкие и мягкие, в них и бегать удобно, и просто ходить можно по любому покрытию. Сколько там до границ города, двадцать километров — бегом за час спокойно можно дошлепать в среднем темпе, потом еще минут десять до дома, тоже бегом, мало ли идиотов сейчас ведут здоровый образ жизни, и голышом бегают в сорокоградусные морозы, не то что я — одет, обут, и даже побрит.

Только определился с направлением и целью, как рядом тихо мяукнули. Прямо у левой ноги позади меня на земле сидел маленький черный котенок. И как я только сразу его не заметил. Совсем маленький, с большой головой, висящими ушами, коротким хвостом, косолапый и толстый.

Нет, я помотал головой, уж слишком много совпадений. Если я не наклонюсь и не возьму с собой этот черный комочек, год жизни навсегда останется в прошлом, и я смогу вернуться к своему спокойному обычному существованию. К нормальному, среди обычных людей, которые забивают гвозди молотком, освещают комнату лампами и ездят на вонючих машинах. С космосом, который недоступен, с Россией, Бразилией и Камеруном на своих местах, с глобальным потеплением и все тем же президентом. Надо только отвести взгляд, сделать шаг вперед и не оглядываться.

Котенок снова мяукнул. Требовательно и настойчиво. Выпустил коготки, зацепил лапкой за штанину, попытался

забраться по ноге вверх.

Вздохнул, проклиная себя за нерешительность, наклонился, подхватил пушистого зверька. Может, я ошибаюсь? Где здесь призрачность, обычный малыш, вон, даже замерз, дрожит весь. Подал чуть энергии, окутывая мохнатое тельце тоненькой сеточкой, котенок смешно зевнул, потянулся и, вцепившись когтями в рубашку, пополз повыше к плечу.

На дорогу я выбрался вдвоем, ну просто рука не поднялась оставить живое существо, кем бы оно ни было, в лесу. Сначала думал бежать по опушке, но даже магам, к которым я себя самонадеянно причислял, надоест, когда корни, упавшие ветки и мусор цепляются за ноги. На обочине прижал покрепче к груди и так вполне надежно закрепившегося кота, и в легком неспешном темпе направился к городу. Мимо пролетали машины, время еще раннее, только рассвело, те, кому на работу к девяти, еще только просыпаются. Старался особо не поворачиваться, народ по этому направлению отдыхает не то чтобы хорошо знакомый, но меня вполне могут узнать, а лишние расспросы мне сейчас совершенно ни к чему.

Иномарки различной свежести и статуса светили мне ближним в спину, осень, с дач и загородных домов в город по утру ехали люди в основном среднего возраста. Молодежи даже летом в сельской местности немного, а уж в конце ноября и подавно в городе живут, и развлечения под боком, и поспать можно подольше, неохота им сидеть, выдыхая пар, под водочку и шашлыки. Это ближе к среднему возрасту начинаешь ощущать, что жизнь состоит не только из больших радостей, но и из маленьких.

Красный сильно подержанный лексус проехал мимо меня, метрах в сорок притормозил. Я добежал — из окна выглядывала девушка. Вроде незнакомая, да что там — точно не знаю ее, у меня глаз теперь алмаз.

— Парень, с тобой все в порядке? Ты куда так бежишь налегке?

Я притормозил, первым желанием было дать себе ладонью по лбу. Какой там узнают, я же выгляжу теперь лет на десять моложе. А то и на пятнадцать. Точно ан Траг говорил, после прыжка человека лучше к другим людям не выпускать какое-то время — с мозгами проблема и могут за сына принять.

Девушка, а точнее женщина лет тридцати, сероглазая и светловолосая, требовательно смотрела на меня. Собственно, чем я рискую? Стереть воспоминания — дело непростое даже для опытного псиона, а вот чуть изменить и я кое-как смогу.

— Марк, — представился я. — Вот, кота в лесу нашел, а так я бегаю, спортом занимаюсь.

— В брюках? — девушка в лексусе недоверчиво поджала губы.

— Да. Не в трениках же бегать, неприлично.

Хуже всего начать врать. Всего-то и надо, сказать правду и ничего не объяснять, люди сами додумают себе то, что хотят.

— В город?

Я кивнул.

— Садись, подвезу. Ты-то может добежишь, а котенок может замерзнуть.

Спасибо тебе, добрая женщина. На бегущего в рубашке на голое тело плевать, пусть сходит с ума как хочет, а вот кошка — это святое. Поблагодарил, залез на переднее сидение, пристегнулся под строгим взглядом. Женщина даже адреса не спросила, втопила педаль газа и помчалась, словно за нами гнался кто-то.

— Откуда ты?

— Из Ключей, — назвал я деревушку по другую сторону от дороги, к ней, в отличие от мест пребывания власть имущих, вела раздолбанная грунтовка, километра три, прямо вдоль ЛЭП. И в другую сторону еще столько же, до шоссе, по которому ходил автобус. По грунтовке бригадам было легче добираться до опор, а местные пользовались раздолбанным подарком цивилизации в своих целях.

— Понятно, — женщина покивала каким-то своим мыслям. — Закаляешься?

— Стараюсь.

— Много вас там в деревне народу живет?

В этом вопросе я был подкован — на велосипеде обьездил всю округу. В Ключах жило четыре семьи — три пары стариков и одна молодая пара, прибабахнутые на голову, уехавшие с детьми из города на природу. Он — какой-то менеджер очень среднего звена, она — медсестра. С какого перепуга эти двое посчитали, что отсутствие канализации, высоковольтная линия и связь с перебоями благоприятно скажутся на детском здоровье, не знаю, но они родители, им виднее. Детей жалко было, двое, мальчик и девочка, пока еще совсем маленькие, не осознавали своего счастья, но как подрастут, так сразу и поймут.

Так что до десяти я считать умел.

— Так у Федоровых вроде старуха померла, — мадам за рулем шарила в этой теме получше меня, — а старика дети забрали. И Синичкины съехали в город.

Я пожал плечами. Если допрос — это плата за проезд, то я

предпочитаю идти пешком. Но лексус не думал останавливаться, машина влетела в пределы города и помчалась совсем не в ту сторону, куда мне надо было.

Через четыре квартала мы свернули во дворы и остановились около обычной девятиэтажной панельки. В пристройке за окнами, забранными решетками, горел свет.

— Идем, — женщина даже и мысли не допускала, что я попробую соскочить.

Разве мог я разочаровать ее? Тем более что надпись «Ветклиника. Круглосуточно» как бы намекала на цель нашего визита сюда. Не торопился, предоставил женщине право самой открыть тяжелую металлическую дверь, за что был вознагражден презрительным взглядом.

— Семен Петрович здесь?

Заспанная девушка за стойкой кивнула, ткнула ручкой в глубину коридора и продолжила дальше сонно что-то писать в толстой тетради. Ручкой. В тетради. Куда я попал…

— Идем, — снова повторила властная хозяйка старого Лексуса, и помчалась вперед, ни секунды не сомневаясь, что я за ней пойду. А я пошел, мне и самому стало интересно, какие болезни сможет найти ветеринар у этого существа. Слишком здоровый — это болезнь или нет?

Семен Петрович, очень толстый и очень вальяжный пожилой мужчина в темно-синем комбинезоне, с зачесанными назад седыми волосами, сидя в роскошном кожаном кресле, что-то неспешно и тихим голосом втолковывал средних лет женщине с каким-то огрызком собаки, не знаю, может шпиц, может еще какой-нибудь чихуа-хуа. Женщина пыталась возразить, ветеринар сразу замолкал, она тут же извинялась и слушала дальше. Перстни на пальцах посетительницы намекали, что тут она неспроста — при таких ее доходах обычные ветеринары должны в очередь становиться и в задницу ее собакена целовать.

Моя новая знакомая, так себя, кстати, и не назвавшая, остановилась у приоткрытой двери и неожиданно робко постучала.

— Лена, погоди чуток, — Семен Петрович помахал нам рукой, потом снова повернулся к даме с карликовым волкодавом и однокомнатной квартирой на пальцах, — Жанна Леопольдовна, еще раз узнаю, что вы мои рекомендации нарушаете, мы с вами расстанемся. На прием завтра к Сергею, и никаких вот этих рецептов из интернета. Договорились?

Посетительница угодливо кивнула, поднялась, подхватив собачонку, прошла мимо нас, небрежно кивнув Лене головой.

— Ну что там, давай, проходи, — ветврач с кресла вставать

не стал, вес перевешивал правила хорошего тона. — На этот раз кто?

Лена четко и без запинки доложила, что некий молодой человек нашел в лесу маленького котенка и нес с собой на холоде, по загазованной трассе. Сволочь. Скотина бессердечная. Может быть, даже хотел утопить.

— Ну что, молодой человек, давай сюда животное, — Семен Петрович протянул руки, и котенок сам на стол прыгнул, потерся головой о запястье. — Ого, какой контактный кот.

Ветеринар мигом определил пол, обнюхал зачем-то совершенно спокойного отнесшегося к этому котенка, посмотрел зубы, глаза, уши, промял пальцами всего от носа до хвоста. Все это время Лена заметно нервничала.

— Ну что там, дядя Сема? — наконец не выдержала она.

— На вид три, нет, даже два месяца, по виду чистокровный скоттиш-фолд, но такая черная шерсть — в первый раз вижу, смотри, она даже на свету такой же остается, без шоколадного оттенка. Абсолютно здоров. Единственное, что меня смущает, уж слишком спокойный.

Котенок тут же исправился, наделав на смотровом столе лужицу. Ветврач не расстроился, наоборот, чуть ли не носом в это дело залез.

— Да, превосходно. Что будешь с ним делать?

— Возьму на время, Бигуль приглядит, а потом пристрою кому-нибудь, — Лена поморщилась.

Подошел, подхватил кота на руки. Нефиг моим животным распоряжаться, всяким Бибигулям отдавать.

— Семен Петрович, сколько я должен?

— А ну отдай, — Лена попыталась отобрать у меня кота, и заполучила за это три глубоких царапины на руке.

— Так тебе и надо, — усмехнулся Семен Петрович, вытирая ей кровь салфеткой. — За осмотр — ничего, молодой человек.

— Марк.

— У вас есть опыт содержания животных?

— Нет, — честно признался я. — Но на миску сметаны этот негодяй всегда может рассчитывать.

Ветврач расхохотался, а Лена, наоборот, покраснела от гнева. Еще чуть-чуть, и царапаться начнет она, прямо по глазам моим и щекам.

— Давайте так сделаем, — Семен Петрович писал что-то на листке бумаги, — купите эти капельки и вот такой корм, подавайте пару недель, капли — если только глаза будут слезиться. А потом приедете сюда в будни, с десяти до восьми, к Сергею — это если никаких проблем не будет, глазки там с гноем,

жидкий стул, я все это написал. Прием стоит пять тысяч. Устраивает?

— Вполне, — кивнул я. Никакому Сергею кота я показывать не собирался — и надобности нет, и пять тысяч за прием, это грабеж, люди дешевле лечатся. Ветеринар это сразу понял, покачал головой.

— Молодой человек, мы договорились, правда?

— Я проконтролирую, — пообещала Лена. — В наручниках привезу, если надо.

— Она может, — Семен Петрович сложил руки на выдающемся животе. — Не советую уклоняться, Марк.

В Лексус мы сели молча, видно было, что женщина очень недовольна.

— Послушай, — повернулась она ко мне, не заводя машину. — Самостоятельность в твоем возрасте — это хорошо. Ты студент?

— Нет, я фрилансер, — ответил ей совершенно честно. — Путешествую, потом рассказываю, где был, что видел.

— Блогер, что-ли? Вот вас развелось, тунеядцев. Дай мне свой телефон, я тебе напишу свой. Если будут сложности, звони, ты просто не понимаешь, что домашние животные — они требуют ухода. Вот нассыт он тебе в тапки, что будешь делать?

Кот, прищурив левый глаз, тоже на меня посмотрел, мол, чем ответишь, зу Марк Уриш?

— Прибью на месте гаденыша, — сказал я. Не для этой любительницы брошенных животных, а для хитрой черной морды. Кот понял, а женщина — нет, все-таки животные поумнее людей будут. — А телефона у меня нет, потерял в лесу. Так всегда, чтобы что-то найти, надо что-то потерять.

— Тогда покажешь мне его через неделю, чтобы все было в порядке, — пригрозила она. — Где живешь?

Я назвал адрес дома. Лена еще раз оглядела меня, теперь уже недоверчиво, буркнула, что деревенское население стремительно растет в материальном плане, и через несколько минут мы уже подъезжали к моему ЖК. Перед въездом хозяйка машины ткнула в камеру каким-то удостоверением, ворота разъехались, и мы подрулили прямо к подъезду. Сервис.

Видимо, я с виду такой несамостоятельный, внутрь меня тоже одного не пустили. Лена решительно прошла за мной, притормозила только возле стойки охраны. Сегодня дежурил Женя, хороший парень, ответственный, инвалид — без одной ноги, но и руками мог нашу собственность защитить, служил

одно время у каких-то знакомых дяди Толи. Тот его сюда и пристроил. Женя к своим обязанностям относился очень серьезно, хотя посторонних иногда пропускал, ориентируясь на свое безошибочное чутье. И вправду, никого пока в его смену не грабили, впрочем, в другие — тоже, люди в доме жили в основном мало того, что небедные, так еще и приближенные к власти, чужое хапнуть всегда были готовы, а со своим расстаться — никогда.

— Елена Павловна, вы тут какими судьбами, — раздался голос от лифтового холла, мужчина в черном пальто, из новых жильцов, вроде в мэрии работал, помахал моей новой знакомой, та отвлеклась на минуту. Ну и хорошо.

— Жека, привет, — я наклонился к охраннику, чуть состарив лицо. Тот какое-то время на меня смотрел, прям как в поговорке про новые ворота.

Потом нерешительно спросил.

— Марк Львович?

— Он самый, — кивнул я. — Да не смотри так, омолаживающие процедуры в Бразилии.

— Слушайте, не узнал сразу, — охранник внимательно всматривался в мое лицо, — на собственного сына похожи. Ну если бы был. Извините. Лет на пять точно моложе.

— Пока еще не обзавелся детьми, а на Западе медицина чудеса творит, — пояснил я охраннику. Елена Павловна, судя по всему, завязла в каком-то серьезном разговоре, изредка бросая на меня косые взгляды. — Ключи где-то посеял, сам видишь, в каком виде, только из аэропорта, вот, добрая женщина подвезла. В сейфе запасные возьму.

Женя кивнул. В комнате охраны находились ячейки, куда жильцы могли складывать при необходимости разные мелочи. Многие этим пользовались, чтобы не таскать с собой те же ключи, или если передать их надо было кому-то из домашних. Я всегда хранил там запасной комплект.

Ключами явно пользовались — лежали они не на том месте, где я их оставлял. Код, кроме родителей и брата с сестрой, знали Пашка, Жорик и Леха. Ну да, за год чего только не случится. Забрал связку из ячейки, Лена уже распрощалась с моим соседом и ждала, строго глядя на Женю. А тот робел, прям как пацан, а не бывший краповый берет.

— Двадцать шестая квартира, — я покачал связкой ключей на пальце. — Поднимитесь? Чай не обещаю, но воды из-под крана налью.

Глава 2

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент, когда Жора еще не совсем решил, что пора вставать, и плохо понимал, сон это или явь. К тому же звонок наложился на вопли сигнализации под окном, под утро Жору во сне кто-то душил, а потом дул трубой в ухо.

— Да?

— Привет, сын.

— Да, папа, доброе утро, что случилось?

— Какое нахрен утро, день уже. Ты все дрыхнешь? — генерал Богданов с детьми особо не церемонился. — Слушай сюда новость. Приятель твой объявился.

— Какой? — Жора абсолютно ничего спросоня не понимал, но точно знал, что отец просто так, по пустякам, звонить не будет. Даже с днем рождения поздравить — и то обычно более весомый повод находился.

— Раздолбай этот, который пропал или утонул. Марк.

— Шутишь, — Жора скатился с кровати, краем глаза отметив, что в постели он — один, и тут же вспомнив, что жена с детьми уже второй день как в Тае. — Прилетел? И где он?

— У себя на квартире должен быть, в городе. Лену Сельчинскую помнишь, из следственного управления?

— Племянницу генерала ФСО, который год назад умер?

— Да, ее. Вот она его на дороге подобрала. Говорит — бежал непонятно откуда. Но вроде адекватный. Пробивала его адрес через контрольный отдел, они мне и позвонили.

Второй рукой Жора набрал телефон Марка, там никто не отвечал. Да, точно, Марк же сам ему этому отдал, как его, родственнику Пашки, Артуру.

— Я к нему.

— Давай, — Богданов-старший кашлянул. — Предупреди, что его вызвать могут в полицию, дело-то о пропаже до сих пор почему-то висит. И вообще, чтобы меньше мелькал, сам помнишь, какие с его дядей непонятки были, а он там тоже засветился.

Жора кивнул, хотя никто его не видел. С Марком вообще что-то странное творилось с момента пропажи. Сначала его искали, месяц почти, а потом появился странный парень Артур Громов, вроде как сын Анатолия Ильича, грозного спецназовца, которого даже отец слегка побаивался и очень уважал. Промелькнула мысль, что неплохо бы Артуру позвонить, а потом следующая, что только что это сделал.

Уже садясь в Мультиван — старую Тундру отдал дальнему отцову родственнику, дяде Саше, подумал, что Лехе Милославскому надо сообщить. Но ехать тому из Москвы часа три, не меньше, сначала с он сам Марком повидается, а потом уже видно будет.

* * *

Звонок домофона меня буквально из душа выхватил, хорошо, что кто-то оплачивал за меня коммуналку, и бдительные управляющие товарищи ничего не отключили. Я прошлепал по плитке к двери, снял трубку.

— Марк Львович, к вам Богданов.

— Старший или младший? — охранник по своей должности знал всех мало-мальски значимых в области людей.

— Георгий Павлович. Говорит, не пущу — убьет.

— Тебя?

— Вас.

— Запускай, а то и вправду убьет, он такой. Спасибо, Женя.

Жорик ворвался в квартиру, как ураган, схватил в охапку, потряс, как погремушку. Блин, до чего на Пашку похож, подлеца, такой же здоровый.

— Жор, ты чего к мужикам в халате приставать начал? — я кое-как освободился от дружеских объятий, мотнул головой, мол, на кухню пойдем, туда, где все нормальные люди важные дела обсуждают.

Жора никогда лишней стеснительностью не страдал. Вот и сейчас зарядил капсулы в кофемашину, обследовал холодильник на предмет пустоты, бар на предмет выпивки, достал бутылку вискаря, налил себе и мне по стакану и уселся за стол.

— Ты, засранец, во что влип? — вместо расспросов, где я был и чего вернулся, прямо заявил он. Вот что в Жорике ценного, никогда на мелочи не разменивался, если женился — так по любви, детей — так, чтоб погодки, и минимум трое, и вообще, умел отделять настоящее от наносного. И раз сказал, что проблемы, значит, это важнее всяких подробностей личной жизни.

— Поясни.

— Ты, когда утоп, — Жора отхлебнул виски из стакана, словно сок, не поморщившись, — тебя искали, тщательно, но сам понимаешь, обычный человек, пусть не совсем рядовой. Но и не чиновник важный пропал, и не авторитет криминальный. А потом

брат Пашки откуда-то появился, Артур Громов, с твоим письмом, какими-то документами на имущество, а после этого вообще странные вещи начались. Что-то с партнерами твоего дяди связанное, он вроде как не с теми людьми скорешился перед тем, как в Южной Америке пропасть.

— Ну и что?

— Женщина, которая тебя подвезла — Лена Сельчинская, следователь. Она о тебе ни слухом, ни духом, новенькая, недели две назад перевели, по блату. Попросила в контрольно-следственном отделе тебя по адресу пробить, зачем, непонятно, может понравился ты ей, не знаю. И все, теперь полиция в курсе, что утопленник нашелся.

— Ну и ладно, — я равнодушно пожал плечами. — Что, арестовывать меня приедут?

— Нет, зачем ты им, наоборот, висяк с них снимут.

— Ну вот видишь. А Пал Евсеич-то что говорит?

— Отец сказал, чтобы я тебя предупредил, и чтобы ты осторожнее себя вел, а он, сам знаешь, просто так не говорит ничего. Марк, объясни, я вообще ничего не понимаю. Ты год пропадал, мог бы хоть через интернет сказать, что да как.

— Не мог. В джунглях жил, там интернета нет. Бразилия — страна диких обезьян, а они и без порнухи живут нормально.

— Хорошо, ты темнишь, но наверное, не просто так. Если схорониться надо, есть у меня одно местечко, там родич один живет, дядя Саша, полковник в отставке, сейчас дом у него пустует, деревенька небольшая, зимой почти никого нет. Отвезу, хрен кто тебя отыщет.

— Да кому я нужен? — я усмехнулся. — Что Анатолий Ильич тут крутил, мне-то откуда известно, ну подъедут, спросят, отвечу, как есть. Меня даже пытать не надо, явки, пароли, все сдам — личной выгоды у меня там не было почти, а дядя Толя в лучшем мире, ему все равно. И чего с меня брать-то? Сам знаешь, не миллионер, да и если было что, давно бы уже на родных наехали, в этой квартире другой бы хозяин был. Так что расслабься, глотни вискаря. Все путем.

— Да ну тебя, — Жора допил янтарный напиток, принялся за кофе, — я в ваши с дядей Толи дела никогда не лез, но говорят, у его партнеров деловых проблемы серьезные. Кое-кого даже убили.

— Кого? — вот это серьезно. Пашка что-то говорил про Лейбмахера, который его самого чуть ли не пристрелил, ну или подручные его, а тут еще и другие. Хотя нет, дядя Ёся не особо с отцом пересекался, правда вот с друзьями его — плотно общался.

— Я слышал только про Майера и Пименова.

Пименова я всего раз видел, дядя Толя в начале

двухтысячных прикупил казино где-то рядом с Москвой, по Ярославке, и Пименов этот там управляющим у него работал. Потом бизнес этот прикрыли, на государственном уровне, и Громов из него вышел. Насколько я помню, с прибытком. А вот Викентий Павлович Майер личность была более чем солидная, хоть годков дедуле было под восемьдесят — и сам бодрячком держался, и очень много всего в своих руках держал. Я в этот бизнес не только не лез, наоборот, обходил за сто верст, потому что несло от него чем-то нехорошим. У Майера связи были на самом верху, и если такого человека грохнули, то меня не глядя сотрут. Попробуют стереть.

— Это серьезно, — озвучил я свои выводы Жоре. Без подробностей. — Но все равно, ты сам посуди. Твой отец что сделал?

— К тебе послал.

— Стал бы он так тебя подставлять, если бы мне что-то угрожало?

— Пожалуй, что нет, — согласился Жора. С соображалкой у него всегда тормоза были, не то что у Лехи, тот бы сразу все просчитал.

— Ну вот, тогда чего волноваться. Ты лучше расскажи, как тут мои, а то я сразу сюда, на дачу и не заезжал еще.

Вместо ответа Жора уставился на дверь.

— Марк, а это ты вообще? Или с твоим мозгом что-то сделали?

— В смысле? — я обернулся, котенок решил нам компанию составить, сейчас шел, смешно перебирая лапками, чуть покачивая большой головой.

— Ты и кошки. Нет, ты и собаки, я еще понимаю. Доберманы — это супер. Но кошек ты всегда ненавидел.

— Стоп.

Котенок подпрыгнул и заскочил мне прямо на колени. А оттуда — на стол. Палится, падла, не прыгают так маленькие мимимишные твари. Это Жоре вон похрен, а Лена эта кошатница опытная, застукает, задумается, хотя мозгов там немного, риск небольшой.

— Не ненавидел, просто мы не любили друг друга. Раньше. И — какие доберманы, Богданыч? — спросил я.

— Ты что, не знаешь?

Следующие двадцать минут я много чего узнал о себе и других. Пока меня не было, жизнь-то на месте не просто не стояла, бежала с приличной скоростью. Пашка, хоть и просветил меня насчет двух месяцев после моей пропажи, но все равно, многого не застал.

Родители мои все так же жили на даче. И не одни. Во-первых, них появились два добермана, об этом я уже был наслышан, только насчет породы Пашка тогда не уточнил, для него все собаки были крупные или мелкие. А во-вторых, у них теперь жила маленькая девочка Вика. Откуда она взялась и зачем родители взяли ее себе, Жора не знал. Но как-то странно на меня поглядывал, когда рассказывал.

— Что, думаешь, моя? — в лоб спросил я друга.

— Не знаю, Марк, не то чтобы похожа. Но иногда как взглянет, вылитый ты сейчас, — дипломатично ответил Жора. — И вообще, тебе лучше знать, твоя или не твоя.

— Что я знаю точно, так это то, что детей у меня нет, — успокоил я Богданова. — За этим строго слежу. Ладно, съезжу к ним завтра-послезавтра, выясню, может, замену уже мне нашли.

— Звонить не будешь?

— Позвоню, наверное, мать нельзя так сразу своим появлением шокировать, мало ли что с сердцем. Только вот телефона у меня нет, свой Артуру отдал. Не знаешь, где он?

Где Артур, Жора не знал. Вообще видел его он всего три раза, первый — когда юный на вид повелитель потоков покупал у него мотоцикл, второй — когда он с моей бывшей на Лехину отвальную пришел, и третий уже здесь, в области. По всей стране реорганизовывались детские дома, какой-то фонд под это дело сделали, и Артур возглавил местный филиал, да так, что, говорят, его можно было иностранцам показывать в качестве витрины российской ювенальной системы. Вот только сам детдом находился под строгим надзором компетентных органов, и туда не то что иностранцев — своих не пускали. И вообще, вслух об этом не говорили, только шепотом, среди своих, но не только в стране — в мире начались какие-то странные шевеления и пертурбации, сначала вроде как эпидемия началась, потом также резко закончилась, под это дело одни люди уходили, другие, совершенно посторонние, появлялись, и тут же перераспределяли сферы влияния.

Странно все это. Жоре я, естественно, свои мысли озвучивать не стал, но шумеры никогда ничего просто так не делали, а тем более — такие могущественные. Можно пыжиться, считать себя близким корешем богини и великим прыгуном, но что такое повелитель потоков, я примерно представлял. Один по глупости подставился, точнее — по незнанию, но это не значит, что и остальные такие же долбоебы. И уж если Арраш отзывался об ан Уре Громеше практически как о равном, не мне с моим рылом в этот калашный ряд лезть. Хотя бы до тех пор, пока мои родители в заложниках, насчет реальной роли собак в их жизни я почти не

сомневался.

— Катьке позвони, — Жора полумер не любил. — И спроси, она с него только что пылинки не сдувала. Любовь до гроба. Чуть ли не замуж собиралась.

— Так себе идея, — не согласился я.

— Да что там, дело житейское. Ну подумаешь, спали вместе, все в прошлом, теперь-то вы друзья. А Артур тебе зачем?

— Так, дела у меня с ним общие. Ладно, Жора, я только прилетел, отдохнуть надо. И не бойся, не тронет меня никто, а если попробуют, пообломаю. Я в Южной Америке научился боевому танцу, затанцую до смерти.

— Давай останусь, — предложил Богданов. — Если что, вдвоем отбиться легче.

— От гопников? — я усмехнулся. — Нет уж, потом Кира меня живьем сожрет. Так что давай-ка ты собирайся, и двигай на работу. А я сегодня высплюсь, а завтра с тобой к моим рванем. Только не с утра, а часов в двенадцать, ты как, свободен?

— В субботу? Конечно. Слушай, давай ко мне. Кира с детьми в Тае сейчас, — Жора долбанул себя в лоб, — как я сразу не сообразил.

— Я год шлялся непонятно где, дома побыть хочу, уж извини. И не выдумывай, никто меня убивать не будет. Да, и Лехе пока ни слова, сам ему скажу. Все, на созвоне, — выпроводил я упирающегося товарища, пожав на прощание руку. Какая-то хрень у него была в правой почке, это я еще при его обнимашках почувствовал, сомневаюсь, что местные врачи разглядят даже не опухоль, а пока еще скопление дефектных клеток, ну а мне несложно, небольшой и практически не требующий энергии конструкт проник через кожу в артерию, и дальше по кровотоку, дойдя до пораженного органа, должен был в течение десяти минут все поправить. Сбегает парень лишний раз в туалет, ничего, это даже полезно.

У каждого уважающего себя женатого мужчины есть заначка — не обязательно стянутая резинкой пачка сторублевок в старом ботинке, это может быть и отдельная карточка, и виртуальный счет, известный только ему, и стопочка тысячных в сантехшкафу. Я женат никогда не был, деньги мне прятать было не от кого, так что даже сейф я особо и не закрывал. Лежала там небольшая сумма денег, на случай, если произойдет локаут и банки работать перестанут. За время моего отсутствия сейф открывали, но вот деньги никто не тронул. Это хорошо, значит, у близких проблем нет.

Там же лежала карточка, полгода еще можно пользоваться.

Вот есть на ней деньги или нет, я точно не помнил, но раз лежала, то не просто так, пин-код мне теперь никогда не забыть — потерял такую способность.

А еще в сейфе лежал телефон — совершенно новый айфон, купленный два с половиной года назад. Им я прямо в лицо получил от одной знакомой, которая посчитала, что раз мои подарки ей не нужны, то ими можно кидаться. Коробка была не распечатана, только один угол чуть замялся — а зуб, в который она попала, почти полтора года шатался, пока инореальная медицина не поправила. И паспорт лежал, с собой я в то утро только права взял. Кстати, и они тоже были в сейфе, значит, родители заезжали и позаботились. И верили, что я вернусь.

В ближайшем магазине прикупил симку, оператор в очередной раз предлагал самые лучшие условия, как было не согласиться на такое. Мог бы и восстановить, но с Артуром я еще рассчитывал связаться. Как-никак, мы тут практически родственники.

А потом сделал то, что, в принципе, местными технологиями не поддерживалось. Установил прямую связь телефона с модулем, и слил в него телефонную книжку.

Послание от модуля об установлении связи с сетью я получил еще утром, вместе с сообщением о том, что специфика узла связи предусматривает ограниченный режим работы моего паразита. В очередной раз восхитился теперь уже понятно кем — защита от всемогущего дурака работала во всех реальностях. Так что, как бы не хотелось мне побыть хакером, все, что я мог — так это взломать пароли от сетей, напрямую к ним подключаться, или вот так — с одного устройства на другое переписать информацию. Проникнуть в секретные хранилища я, наверное, тоже мог, но проще было хакеру заплатить. Так модуль напоминал мне, что я человек могущественный, но не всемогущий.

Родителям решил не звонить, отложил это на завтра, к разговору надо подготовиться, продумать, что и как говорить, чтобы не выдергивать пожилых людей из привычного мирка, где Марк — приличный молодой человек со скромными запросами и начальной стадией гастрита.

Погулял по городу, заглянул в пару знакомых мест, жизнь не менялась. В баре все тот же бармен разливал коктейли, которые после моего чамби просто помоями казались. Нет, вкус неплохой, на неискушенного дегустатора. Но все в сравнении познается. Впрочем, немного энергии, и вполне можно было пить. Даже угостил какую-то одинокую девушку, которая сидела у стойки в

ожидании обеспеченных кавалеров, и халявную выпивку как должное принимала. После бокала мартини она уронила голову на столешницу и уснула. Неожиданный эффект.

Зашел в зоомагазин, что там толстый ветеринар поручил купить? Поглядел на цены, присвистнул, чтоб я так жил. Ягненка в гранатовом соусе для блохастой животины? Роскошно. На вид, правда, вся эта еда выглядела одинаково — что ягненок, что лосось с яблоками, или вальдшнепы с чечевицей, и воняла тоже мерзко, независимо от состава. Взял несколько пакетиков на пробу, может, для котов это такое же лакомство, как для шведов — лютефиск или сюрстрёмминг. И еще глазные капли.

— По капельке в каждый глаз раз в день, — продавщица магазина строго на меня посмотрела, видимо, доверия я ей не внушал. — Не перепутайте.

Сложно перепутать последовательность цифр 1-1-1 и место применения, когда на флаконе написано — глазные, но я пообещал.

Собственно говоря, других-то дел особо и не было. Что уезжал, что вернулся, никакой разницы. На улицах все так же шел ремонт, перекладывали асфальт — наверное, меняли летний на зимний, шипованный. Из магазинов выкатывали телеги продуктов, грузили в машины. Не везде, на некоторых улицах новый мэр ввел платную парковку, и там машин не было вообще, все — во дворах. Афиши зазывали на концерты, возле аптеки раздавали флайеры с рекламой нового барбершопа.

Можно было бы и постричься сходить, но я предпочитал сам регулировать рост волос. Только за то, что бриться не надо каждый день, адептам магии и чародейства стоило поставить памятник. Некоторым, мне знакомым — желательно, посмертно.

И все же какие-то изменения были, незримые, но я их чувствовал. Как там у классика переводов — в земле, в воде, и в воздухе чем-то запахло.

Достал телефон, повертел в руках, представил, как буду говорить в пустоту, руки в карманах, и набрал номер по-человечески. Трубку сняли почти сразу.

— Алло, Елена Павловна?

— Кто это? — в недовольном женском голосе читалось сожаление об ответе на звонок с незнакомого номера.

— Это Марк, хозяин черного котенка, — слово «хозяин» я специально выделил. — Хотел спросить, когда приедете его проведать. Что-то он заскучал, не ест и не пьет, ждет вас около двери.

На том номере воцарилось молчание, на несколько секунд, видимо, владелица решала, что со мной делать.

— Марк Львович Травин? — раздался мужской голос. Муж, наверное, судя по экспрессии.

— Он самый, — не стал скрывать я.

Собеседнику не мешало бы представиться. Вместо этого он спросил:

— Не могли бы вы заехать к нам, в следственное управление? Скажем, завтра, в три?

— Нет.

Мужчина озадаченно примолк. Я терпеливо ждал.

— Спасибо, — неожиданно отозвался собеседник и положил трубку.

Вот и поговорили. Что бы это значило?

Осенью темнеет рано, только пообедал, глядишь, и сумерки на двое, фонари зажглись, звезды на небе засияли. Так только говорят, на самом деле некоторые вовсе и не звезды, а целые галактики, одинаково недостижимые и для местных землян, и для нулевой реальности. Загадка, в которой старый Уриш, похоже, немного разобрался. Сжатый в информационную сингулярность кристалл, найденный в хранилище, все так же надежно сохранялся внутри модуля, тут, на этой Земле, я точно не найду достаточно мощностей, чтобы его раскрыть. Но кое-что урвать из того, что он в системе Оранжевой оставил, удалось, что с этим секретом делать, и секрет ли это вообще, не знаю пока. И, честно говоря, знать не особо хочу, даже на мою долгую пси-жизнь реальностей хватит, сумасшедший старик смотрел в будущее, в такое далекое, что никому из современников не дожить. Может, правнукам только проблемы разгребать придется.

Красный Лексус остановился возле подъезда обычной девятиэтажки. Светловолосая женщина выпорхнула с водительского сиденья, хлопнула дверью, достала из багажника объёмную сумку, уже отойдя, не глядя, нажала кнопку на брелоке сигнализации, и уткнулась в меня. Я, если хочу, могу быть очень настойчивым.

— Елена Павловна, что же вы меня игнорируете? — я отобрал у женщины сумку. — Да тут килограммов семь, куда же вы такую тяжесть тащите, могу помочь. Хрупким симпатичным женщинам носить сумки категорически противопоказано.

Лена посмотрела на меня мрачно, потом кивнула. Обреченно. В лифте она старалась отодвинуться от меня подальше, но в девятиэтажках только один, пассажирский, в нем особо личное пространство не сохранишь, волей-неволей ей приходилось терпеть мое близкое присутствие. Но бедная женщина зря

беспокоилась, в квартиру я проходить не стал, оставил сумку на пороге, и ушел, оставив оторопевшую от такого нахальства Лену одну. С меткой, с утра не догадался поставить, а теперь вот исправился.

И отправился домой — хоть я и уверенный в себе Видящий, а может даже Усмиряющий, но перед разговором с родителями стоило подготовиться. Только когда поужинал и улегся перед телевизором, понял, что меня весь день беспокоило. Мое ядро. Пусть оно съёжилось, и вообще способности сильно ужались, но они были. А у того же дяди Толи, сколько я воспоминания не прокручивал, магию в этой реальности практиковать почти не получалось, хотя в обычных условиях мы сейчас на одном уровне должны были быть. И модуль тут проснулся, подтвердил, что какие-никакие, а гармоники пси-полей есть. Это что же за время моего отсутствия произошло?

Глава 3

Жора появился ровно в двенадцать ноль-ноль, отдохнувший и бодрый. Выспался, наверное, жена со спиногрызами на морях, вот и цветет человек, подтверждая своим видом, что холостая жизнь улучшает иммунитет, настроение и фигуру. Я же, наоборот, при виде него картинно зевнул, мол, кошмары ночью снились, ворочался и глаз не сомкнул.

По меркам местных, спал я действительно немного, полтора часа, все остальное время разбирался с оставшимися делами — в разговоре с Жорой я слукавил, не с головой, но в кое-какие дела Громова-старшего и его друзей я посвящен был, и не только. Не то чтобы я там ключевой фигурой был, так, на подхвате, и со своей стороны старался все закрывать как можно быстрее, но оставался один проект дяди Толи, там денег давно не было, но хвосты надо было подчистить. Пропал-то я внезапно, считай, бросил на самотек, а дела этого не любят. Ну еще были два стремных дела, в которые я, превозмогая лень и сибаритство, ввязался по наводке Левы Гурвича. Просмотрел по ним, переписку, кто бы сомневался, все ушло другим людям, и это правильно, если один шлимазл пропадает без следа, то бизнес страдать не должен. Естественно, никаких комиссионных там не перепало, последнее грозное сообщение датировалось зимой этого года, а потом все, тишина, так что эту страницу своей деловой биографии я с легким сердцем перевернул. Вообще, с Левой так всегда было, сначала хипеш до небес с обещанием роскошного гешефта, потом вялая работа, и почти нулевой результат. Ввязывался исключительно после долгого нытья моего обрезанного друга, сопровождаемого битьем пяткой в грудь и воспоминаниями о совместном изготовлении куличиков в песочнице. Кстати, от него письмо тоже было, сообщал, что сваливает на Землю Обетованную, и обязательно вышлет адрес, как только с ним определится. Судя по тому, что после письма полгода прошло, а адреса не было, с Левой все было понятно.

С делами шумерского спецназовца было сложнее — доступ к нужному серверу мне перекрыли, и что там происходило, я не знал. Попробовал взломать, модуль легко с этим справился, но и тут меня ждал облом, информации не было физически. Кто-то изъял ее из дата-центра, и оригиналы, и заархивированные копии. Тут тоже никаких угроз мне никто не посылал, и вообще, все контакты были неактивны. А большая часть так вообще удалена, люди, и без того известные только по никам, стерлись бесследно. Нет, при желании можно было найти, подергать за

ниточки, вот только желания такого не было вообще. Умерла, значит умерла.

Кстати, про мёртвых, у Мейера, который всеми делами заведовал, помощница была, его дальняя родственница какая-то. Лида Хмельницкая, противная дамочка с большими претензиями и невеликим умом, домик еще был у нее неплохой, с бассейном и вековыми дубами. Подумал, может быть ей позвонить, но потом решил, что проблем у нее и без меня выше крыши, да к тому же знакомы мы с ней были шапочно, один всего раз и виделись, ну и иногда сообщениями обменивались. Ладно, пусть живет себе мирно и спокойно. А, нет, не живет, в сети обнаружилась запись о смерти. С Майером почти в несколько дней разница, Викентий Павлович, видать, всю свою кодлу за собой потянул.

Родители, судя по счетам, особо не шиковали, но доллар с рублем делал что хотел, и часть вкладов, тех, что в деревянной валюте, существенно обесценилась, несмотря на банковские проценты. Те, что были отданы в надежные брокерские руки, тоже были не в лучшем виде, равно как и сами брокеры, мир, похоже, вошел в череду кризисов, из которых выходить не собирался. Ну и ладно, на первое время должно было хватить, а уж как заработать, идей было полно. Хоть в экстрасенсы подамся, у меня и образование есть соответствующее. Месячные курсы повышения квалификации и индивидуальные занятия в классе боярина Ухтомского. Человека в багажнике не то что найду — сам вылезет.

А потом модуль обнаружил, что в этом мире есть биржа, и я было подумал, что с деньгами проблема решена, но потом оказалось, что заработать тоже особо не получится, так, на хлеб хватит, а чтобы захватить мир — пока нет. Он уже был захвачен, модуль проанализировал основных игроков и выяснил, что по сути всего несколько определяют, как и куда будет двигаться мировая экономика. Десятки тысяч мелких инвестиционных, хедж и пенсионных фондов действовали абсолютно независимо, но связь определенно была. Кто их дергал за ниточки, узнать не удалось, родные алгоритмы защиты мира-ноль не позволили, наверное, Анур так тут разгулялся. Если знать и анализировать, по сути, тот же инсайд получается, выпустил модуль в свободное плавание, поставив несколько ограничений. Заработать — иногда проще, чем потратить, лишнее внимание мне пока ни к чему.

— Ты решил четвертого завести вместе с пятым? — спросил я у Жоры, залезая в черный подержанный Мультиван. Жора новые машины принципиально не покупал, считая это пустой тратой денег. С его детишками — разумная позиция, эти из любой новой

вещи сделают старую за пять минут.

— Чур тебя, — Богданов замахал руками, — от троих в голове гул постоянный. Это мне мать все твердила, что мол, один ребенок за руку держится, двое — за две руки, а трое — друг за друга. Народная замудрость, блин, за что только не цепляются, но все равно за меня.

— Ты все-таки подумай. В старости будет кому упаковку пива принести, пакетик чипсов, подружку подогнать.

— От них дождешься, — неуверенно сказал Жора, но было видно, что о такой возможности он задумывался неоднократно.

Кстати, с почкой у него теперь все в порядке было. Конструкт сработал как надо, может соленое есть бочками.

Мы вырулили из ворот направо, родителям я звонить не стал, пусть буду приятным сюрпризом, заодно, если что, и подлечу. Котенок, словно прочитав мои мысли, заурчал и потянулся.

— Вот чего ты с собой его взял? — Жора обьехал стоящий на остановке автобус, посигналил перебегавшему дорогу пешеходу, — но вообще он забавный, ушастенький такой, косолапый. Как зовут?

Тут я призадумался. Поглядел на кота, действительно, надо как-то его называть. Не говорить же каждый раз — о великий эр-асу вечной богини Эреш-кигаль, властительницы реальностей и попирательницы вероятностей. Эр-асу, асу-эр… Асер.

— Прикольно, — Жоре имя понравилось. — У меня планшет такой есть. Был. До того, как детям отдал, а они его из окна выбросили, чтобы проверить, спланирует он или нет. Не спланировал, сука.

Вспомнив о потерянном имуществе, Богданов загрустил, но ненадолго — печалиться о чем-то дольше нескольких минут он никогда не умел.

А вот по котенку чувствовалось, что вариант с великим эр-асу все-таки воспринимался бы куда более благосклонно. По крайней мере, на попытку обозвать черную скотинку Асером я получил нехилую такую царапину на руке, аж кровь брызнула. Коготь он вел медленно, так, что казалось, звук разрываемой кожи слышно было по всему салону. Жора-то за дорогой следил, так что зарастить царапину я успел, а то у мужика нервный срыв был. И так дети, жена, а тут еще в салоне кот-убийца. Но положительный момент в порче моей руки был, сегодня с утра ядро вело себя чуточку бодрее, и я, залечивая царапины, это почувствовал. Не так чтобы до конца все восстановилось, но десятые доли процентов вернуло. К чему бы это?

— Что у тебя с Леной Палной? — с животных Жору потянуло на женщин. Мы выехали за пределы города и по прямой

помчались к моей фазенде — эту дорогу держали в порядке всегда и незаметно, я даже не помню, чтобы ремонтные работы проводились какие-то. Власть для себя нужные вещи делала качественно и на десятилетия. — Говорят, ты в гости к ней приходил? У дома ждал, а потом набросился? Напугал женщину, она не то чтобы заяву на тебя накатала, ума хватило не делать этого, но начальству пожаловалась.

— Помог сумку на седьмой этаж поднять, тяжелую, — пожаловался я. — Гадина неблагодарная, сама бы перла. Ты прикинь, Богданыч, ветеринар ее за один прием пять штук требует, просто чтобы кота погладить и дерьмо его понюхать. Наверняка в доле она с ним сидит.

— Сельчинская? Зачем ей? Родители не самые бедные, у отца какой-то свечной заводик и склады, да и дядя, пока жив был, помогал как мог. Это она, как дура, от всего отказывалась, а то сейчас бы не здесь сидела, а в центральном аппарате бумажки двигала. А так, за красивые глаза, ей звездочка на погон еще сто лет будет падать.

— Идейная, значит? Замужем?

— Марк, — Жора прям расцвел, — уж не глаз ли ты на нее положил? А что, она ничего так, хорошенькая.

Я объяснил Богданову в нескольких словах, что я положил на полоумную кошатницу. И под его ржание мы подкатили к воротам.

Створка поехала влево, освобождая проезд, на площадке было чисто, значит, никого кроме родителей нет. И то хорошо, ну да, Лиза учится еще, ей один год в ординатуре остался, а Серега должен уже закончить был свою аспирантуру, на работу устроиться. В ноябре им здесь делать нечего, в их возрасте мало кто к родителям просто так, без повода, приезжает.

На участке было пусто, все убрано на зиму, деревья присыпаны и покрашены чем-то белым — отец особо возиться на огороде не любил, но и имуществу пропасть не дал бы. Только я приоткрыл дверь, как возле нее, снаружи, раздался грозный рык.

— Собаки, — Жора, потянувшийся к рычажку, убрал руку. — Надо тете Оле звонить, а то сожрут. Здоровые, как телята. Я первый раз чуть кучу не наделал.

С моей стороны был только один доберман, подобрался он как-то незаметно, и, в отличие от других больших собак, не старался залезть в окно. а терпеливо ждал, когда я вылезу. Чтобы в ногу вцепиться или еще куда побольнее.

— Эй, ты чего? — Жора не на шутку забеспокоился, когда я, не обращая внимания на внешние угрозы, толкнул дверь, отпихивая собачку.

Доберману моя наглость не понравилась. Он больше не рычал, а отошел на несколько шагов, и стоял неподвижно, с напряженными задними лапами, явно приготовившись к прыжку. Здоровый такой лось, явно переросток, с весом чуть ли не под пол центнера. И оскаленные зубы блестели странно, словно металлом покрыты. Я пригляделся — на кончиках ушей мелькали оранжевые искорки. Ух ты, он еще к тому же и с подпиткой магической, прям живая пси-машина для убийства. Не иначе как мой знакомый повелитель потоков постарался, оставил тут охрану.

Скастовал небольшой конструкт, крохотный белоснежный символ получился почти сам собой. Кобель словно что-то почувствовал, хотя не должен был, но собачье чутье — оно никуда не делось, подобрался весь, готовый уже не нападать, а дать отпор. И тут вперед вылез котенок. Спрыгнул с сидения, смешно переваливаясь, подошел к слегка охреневшему от такой наглости псу, остановился в полуметре. И зашипел.

Моим первым движением было рвануть вперед и выхватить крохотный черный комочек из зубов монстра, который только назывался доберманом, а на самом деле исчадием ада был, или похлеще. Но вместо того, чтобы сожрать наглеца, пес внезапно улегся на землю, перевернулся на спину, заскулил, закрыл лапами морду, Второй, появившись из-за машины, тоже упал на брюхо, подполз к котенку и подставил свой живот. Асер гордо поглядел на меня, мол, вот как надо с собаками обращаться, подошел сначала к первому, прихватил его за ухо, чуть потрепал, потом проделал то же со вторым. Мяукнул, псов как ветром сдуло.

— Это что такое? — когда говорят про глаза, что они как блюдца, наверное, имеют ввиду вот такие, какие сейчас у Жоры были. — Что твой кот с ними сделал? Он заговоренный у тебя?

— Специальная бойцовая порода, — пояснил я. — Экспериментальная. Такой один полляма баксов стоит.

Котенок недовольно поглядел на меня.

— В месяц, — поправился я. — А когда вырастет — в день.

Жора не поверил, и правильно. Настоящую цену тут даже в ману сложно назвать, если она вообще есть.

От дома уже спешил отец. Увидев меня, он остановился на секунду, смахнул с глаза слезу, но тут уж я помчался к нему навстречу, обнял.

— Мать в Москву уехала, будет к вечеру, — стараясь сохранять спокойствие, отец пожал Жоре руку. — Позвонить не мог заранее?

— Нет уж, лучше так, — ответил я.

— Давайте в дом, сегодня мы одни. А как ты с собачками поладил? Убежали куда-то. А это кто у тебя?

— Кот. Одна знакомая попросила приглядеть, — при этих словах котенок прищурился, и совершенно справедливо, но не мог же я сказать, что это за мной приглядывают. — А мама как, здорова?

Резонный вопрос, кстати, отец на вид выглядел лет на десять моложе, чем год назад, и у него со здоровьем все было отлично. За исключением того, что в районе солнечного сплетения сидел чужой конструкт, который как раз за этим здоровьем и следил.

— Ага, Артур за нами приглядывал, как ты просил, — поглядев на Жору, отец не стал дальше пояснять. Ну да, Богданов хоть и друг, но в узкий круг должным образом информированных товарищей не входил.

Схема внутри отца была неплохая, но с подвохом. Пока мы шли к веранде, и так и эдак крутил, вроде и на поддержание функций организма рассчитана, и на сопротивляемость внешним воздействиям, только вот один элемент беспокоил, знак подчинения — не такой, чтобы прям в рабство, но все равно, с условиями определенными. А когда разобрался, успокоился, и взял себе на заметку.

— А давно Артур приезжал?

— Да месяца два назад, наверное, может больше, не помню. Раньше-то, как ты пропал, а он от тебя весточку привез, он тут часто гостил, а потом с делами закрутился, детский дом у него тут в области, фонд какой-то, сначала здание перестраивал, потом спонсоров искал, хороший человек, добрый.

Дверь на веранду приоткрылась, в образовавшуюся щель протиснулась девочка лет семи-восьми.

— А это — Вика. Викусь, иди сюда, познакомься, это дядя Марк, — отец поманил девочку к себе. — Вот, взяли на воспитание, от тебя-то не дождешься.

— Здравствуйте, дядя Марк, — Вика присела в подобие книксена, немного смутилась, потом помахала рукой Богданову, — привет, дядя Жора.

— Привет, — Жора достал из кармана огромный чупа-чупс, — приставка в машине, как и обещал, на заднем сидении лежит.

— Ура! — закричала девочка и умчалась было на улицу. И тут увидела кота. — Ой, это мне?

— Нет, но он может с тобой поиграть, — дипломатично ответил я.

Котенок оценил оборот речи, позволил девочке себя погладить и даже взять на руки. И даже унести.

— Не отдаст, — отец снисходительно улыбнулся. — Дети, они такие. Только покажи, и все, право собственности перешло навсегда. Ты надолго?

— Сегодня — только повидаться, — честно ответил я. — Дела сейчас, дня за три разгребу, а потом уже на подольше приеду, наверное. Как там Серега, Лиза?

— Лиза учится, пишет, что все в порядке, будет у нас свой кардиолог. А Сережа после аспирантуры хорошо устроился, теперь в органах работает, его туда твой знакомый порекомендовал.

— Это какой?

— Уфимцев. Тут такое дело, — отец вздохнул, посмотрел на меня, словно думая, стоит ли говорить.

— Его дочка с Артуром встречается? — помог я ему. — Да, знаю. Это же здорово, совет им да любовь, как говориться.

Жора на меня неодобрительно посмотрел. Он вообще Катю как-то опекал, что-ли, хотя та совершенно об этом не просила, и когда мы разошлись, расстроился куда больше меня. Точнее говоря, все, кроме меня, расстроились, и родители, которым она очень нравилась, и Леха с Жорой. А уж как их жены печалились, что я все еще, сволочь такая, свободный человек, и не описать.

— Ты не против? Ну ладно. Только не отец ее, а дядя, он теперь какая-то шишка большая в Москве. В смысле, и раньше был, а теперь совсем большая.

Жора кивнул, подтверждая. Ну да, генерал Богданов, а, следовательно, и его сын, должны быть в курсе таких карьерных подробностей.

— Ну и ладно, — я пожал плечами, — устроил и устроил. Серега парень с головой, будет хакером. Устроит Штатам внеочередные выборы, взломает все их сети, зря, что ли, штаны столько лет протирал.

Вика снова появилась на веранде. В одной руке у нее был кот, схваченный поперек живота. Он обреченно свесил лапы, и только один глаз, чуть приоткрытый, задорно сверкал. В другой она держала сумку, из которой торчали какие-то провода.

— Дядя Жора, поможешь подключить?

— Не вопрос, — Богданов вскочил, отличный повод оставить нас с отцом одних.

— Ну что, ты правда был там? — отец проводил взглядом гостя, подождал, пока дверь за ним закрылась, махнул головой, показывая, что там — это очень далеко.

Я вместо ответа зажег над ладонью шарик, подержал с секунду, загасил.

— А Пашка как, добрался?

— Пашка? А чего ему будет, с ним все в порядке, он с отцом сейчас делами занят, виделись недавно, — словно о чем-то, меня не касающемся, равнодушно ответил я. И вправду, без эмоций, словно не со мной случилось то, что случилось. — Но сюда его больше ничем не затащишь, у него там целая семья. Кроме отца, дед, прадед, тетка и жена даже есть. И ребенок намечается.

— Вот! — отец поднял палец. — А ты, поганец, все тянешь. Пашка, смотри, моложе тебя, а уже с семьей и детьми.

— Ты прям как мать, — засмеялся я. — Послушать, так на внуках свет клином сошелся. У вас вон, есть уже внучка, да и со здоровьем, смотрю, все хорошо, лет на пятьдесят ведь выглядишь, а то и моложе. Можете еще одного мелкого заделать.

Неожиданно отец покраснел, закашлялся. Ну да, если так помолодел, то и мать тоже, наверное, из пенсионного возраста вышла.

— Тут такое дело, — он перешел на другую тему, — не знаю, как Пашке передать, но он должен знать. Тетя Света пропала.

— В смысле?

— Вот так. В Индии была в командировке, вместе с дядей Ёсей, каких-то дикарей спасали, как всегда, и самолет их исчез, на котором в какое-то горное село летели. Ищут уже почти год, но надежд никаких не осталось. Не знаю, что Пашке сказать. Когда ты его увидишь? Ты надолго?

— Надолго, — успокоил я отца. — Я же не супер-пупер маг, чтобы по мирам свободно скакать. Время нужно, и вообще, соскучился, буду тут сидеть.

Тут я слукавил. Модуль показывал, что прыгать я могу в любой момент, когда захочу. Только вот что я забыл в этих мирах, кроме Милы, которой уже нет и не будет, и Элики, которой для меня вроде как тоже нет. Здесь моя родина, тут и останусь.

— Ну и хорошо. Со своими способностями ты хоть кем работать устроишься, — отец всегда подходил к жизни прагматично, думаю, магия для него была таким же инструментом, как шуруповерт или домкрат. — Вон хоть людей лечить. Или клады искать.

— Осмотрюсь пока, — не стал разочаровывать я его. — С Артуром переговорю, он вроде как более опытный в таких делах. Посоветует что-нибудь.

— Осторожнее с ним, — внезапно сказал отец. — Он парень свойский для своих сорока лет, приветливый, вежливый, плохого нам ничего не делал, врать не буду. Говорит складно, улыбается, к любому подход найдет, но глаза у него холодные и властные. Если что не по его будет, разотрет и переступит не думая.

— Сто.

— Что сто?

— Сто лет ему, батя, а не сорок. Он на ихней родине что-то вроде принца, — не стал я скрывать, — так что властности ему хватает. С виду да, простой, рубаха-парень, я тоже в первый раз на это купился. А сейчас насмотрелся таких же, по сути люди хорошие, но положение обязывает иногда быть говном.

Про то, что и способностей у этого Артура хватает, я добавлять не стал. Нечего отца расстраивать, родителям всегда тяжело осознавать, что их дети — не самые крутые в песочнице. И их совочек не самый красивый. И ведерко не самое большое.

— Дядя Марк, — Жора выглянул на веранду, — ты с телевизором нам не поможешь? Как там чего настроить, не пойму, понапридумывали техники.

— Не вопрос, — я кивнул отцу, мол, сейчас вернусь, прошел в комнату Лизы — она теперь была под детскую переоборудована. Обои со слониками, светильник в виде тучки, ковролин с арифметикой. Котенок валялся на полу, изображая спящего, при виде меня он приоткрыл глаз, и тут же закрыл, вроде как подмигнул.

Вика сидела перед панелью, вертя в руках пульт, изображение на телевизоре чуть двоилось. Ну да, знаю я эту проблему, надо переименовать канал, делов-то на минуту, даже традиционным человеческим способом.

Точно, через минуту все было как надо. Девочка сосредоточенно смотрела на экран, где бегали монстры, и быстро-быстро жала кнопки пульта. Очень быстро, пальцы так и мелькали. А вокруг ладоней у нее светилось небольшое облачко, оранжевого оттенка. Очередная одаренная — везет мне на страных незнакомых девочек. Неспроста Артур ее сюда привез, ох неспроста.

— Вика?

— Угу? — девочка отвлеклась на меня ровно настолько, насколько это позволяла игра.

— У тебя татушки случайно нет никакой?

Глава 4

Мать приехала к вечеру — Жора успел сходить на рыбалку, поймать четырех лещей и еще какую-то рыбу, которую он ласково назвал кефалью. Отец определил ее как белого амура, они спорили минут пять, пока не догадались залезть в интернет и там посмотреть. После чего посрамлённый Богданов был отослан чистить улов. Я речную рыбу не очень любил, уж очень костлявая, и тиной несет, но подумал, что толика кулинарного таланта, доставшаяся мне от матери, ужину не повредит.

Рыбка с добавкой щепотки магии ушла на ура, и отец, и Жора уверяли, что такой вкусноты сроду не ели. А я всерьез задумался о профессии ресторатора. Открою небольшую кафешку, через месяц все окрестные жители станут моими клиентами. Да что там местные, из других городов будут прилетать и приплывать. Со временем слава о шикарном месте с пятью звездами Мишлена разнесется по всей вселенной, и инопланетяне построят рядом с нашим районом космодром, спецом чтобы пожрать земной еды. Столица автоматически переедет в наш город, который станет называться Нью-Москва, или Нью-Париж, или… Ну и дальше как у классиков.

— Ты о чем задумался? — два заядлых рыболова закончили вытаскивать из всех мест косточки и перешли к шахматам.

Иногда мне казалось, что идеальным сыном для моих родителей был бы Жора, и работа престижная, и рыбак, и охотник, и футбол обожает, и пельмени умеет лепить, а материно крыжовниковое варенье, которое я ненавидел, так вообще был готов есть днем и ночью. Ну и ко всему красавица-жена и трое детишек, читай — внуков. И в шахматы вон рубятся, а мне покер подавай, к которому отец относился как к вредной и затратной буржуйской забаве.

— Конь на С4, мат в четыре хода, — вернувшись к мыслям о странном исчезновении информации с серверов, на автомате ответил я.

Богданов, уже тянувший руку к слону, остановился буквально в сантиметре, наморщил лоб. И за несколько минут поставил тот самый мат. Мог бы и быстрее, только отец никак не желал поверить, что без ферзя его противник выиграет.

— Марк, ты на шахматные курсы в Южной Америке ходил? — осторожно спросил Жора.

— Да, — лучше уж соглашаться, меньше будут распрашивать. — Это часть медитации была. Шаман сказал, что шахматные фигуры очень похожи на демонов, которых мне надо

было истребить. Вот, практиковался, с допингом, конечно.

— А ну-ка давай, сыграем, — мой приятель расставил фигуры, — дядя Лева, я с Марком сначала сражусь, а потом с вами, хорошо?

— Давай, — батя благосклонно кивнул, проигрыш его не очень расстроил, во-первых, проиграть кмс по шахматам не так уж и позорно, а во-вторых, по сути, это я выиграл, а родители всегда гордятся успехами детей.

— Будешь поддаваться, продолжим снова и снова, — предупредил Жора, когда я попытался слить партию.

Ладно, не жалуйся потом, сам попросил.

Следующую я выиграл за одиннадцать ходов, пожертвовав ладью в обмен на пешку. Иначе он бы меня еще долго мучил, вот ведь увлекающаяся натура.

— Как так? — на Жору было больно смотреть, он только что испытал сильнейший когнитивный диссонанс. Не то что в шахматы, в шашки я мог у него раньше выиграть, если только мы играли в Чапаева, вот там да, я был на высоте, сила его ударов с лихвой компенсировалась моей точностью.

— Духовные практики, говорил же, — обтекаемо объяснил я.

— Ты мне наводку на эту местность дай, я все брошу, семью, детей, работу, и уеду на год, — Жора аж возбудился, пришлось похлопать его по руке, чтобы снять напряжение. — Артур говорил, что ты в командировке, но это же в голове не укладывается, что так можно научиться играть. Может, у тебя жучок какой стоит, а в кармане компьютер, дай посмотрю?

Угадал, гад. Только жучок этот глазом не разглядеть, внутри сидит. Один внутри, а еще один снаружи, пришел, черный толстый комочек, забрался ко мне на колени и заурчал требовательно.

— А рыбки-то мы ему не оставили, — спохватился отец.

— Он больше по пельменям, да? — с сомнением поглядел на котенка.

Тот на мгновение примолк, а потом снова заурчал. Ну да, такой хоть что сожрет, один из его близких родичей вон даже человеческую руку откусил, и не поморщился.

Вообще мысль о том, что это один и тот же кот, периодически возникала. И тут же уходила, не чувствовал я пока той же родственной связи с котенком, как с его наглым толстым предшественником, пролежавшим на моих ногах вмятину. Интересно, кто они друг другу? Может, отец и сын, или два брата. Гадать было бесполезно, об эр-асу я не знал ничего вообще.

Миску пельменей со сметаной призрачный котик встретил

благосклонно, и не покашляй я на пятнадцатом пельмеше, сожрал бы всю дочиста. Но опомнился, остановился, не может объём еды превышать объём самого кота больше чем в два раза.

А потом ворота раздвинулись, и рядом с Жориным Мультиваном припарковался мой старый Крузак. Из него вышла молодая стройная женщина и неторопливо направилась к дому, по-хозяйски оглядывая участок.

— Жора к нам в гости приехал, молодец, — она зашла на веранду, увидела меня, — ой, Марк.

И осела на пол, закатив глаза.

Я метнулся к матери, отмечая, насколько она помолодела — сейчас ей никак старше сорока было не дать, морщины куда-то почти ушли, и фигура изменилась, стала подтянутой, спортивной. Но не до этого было, подскочил, не давая ей упасть на пол, схватил за руку, погружая в легкий сон.

— Довел мать, — обеспокоенно проворчал отец, выскакивая из комнаты с пузырьком в руке.

— Давай я, — забрал у него нашатырь, можно было и без лекарств обойтись, но Жора смотрит, рано пока ему к волшебству приобщаться, поднес к лицу. Мать открыла глаза, увидела меня, снова решила в обморок упасть, но я не дал.

Ну а потом были слезы, обнимашки и вообще теплая семейная встреча, в отличие от отца мать на эмоции не скупилась. Так что Жора, деликатный товарищ, быстренько закруглился и отчалил домой, оставив меня на растерзание помолодевшим родителям. Только при расставании сказал, что мать моя выглядит после процедур, на которые ездит, просто супер, и что его мать уже сожрала просто и Жору, и Леху, требуя телефон этого косметолога и адрес клиники.

— Артур сказал, это Пашкина племянница, — огорошила меня мать в ответ на вопрос, мол, чего это они решили приемную девочку взять. Резонный вопрос, между прочим, не так просто она в обморок падала, похоже, месяцев через восемь будет у меня сестричка еще одна. Мне, как сертифицированному магу-лекарю, ни УЗИ, ни прочие подобные процедуры для этого не нужны были, достаточно прикоснуться.

— Каким боком?

— У Толи приятель был, Викентий Павлович. Ну как приятель, разница в возрасте большая была, но все равно они дружили и работали вместе.

— Знаю я этого Викентия.

— Откуда? Хотя да, втягивал тебя Толя непонятно во что, уж я ругала его, ругала. Ох, бедный Толя. Вспоминаю его постоянно,

как он там, интересно? И еще, как бы тебе сказать, — мать замялась, — Паша — вообще-то не Светин сын.

— И это знаю, — махнул я рукой.

— Откуда?

— Дядя Толя проговорился как-то, давно еще. Думаю, хотел мою реакцию на это проверить, не поведусь ли на их семейные сложности. Но мы с Пашкой с детства как родные братья. Были.

Мать оговорку не заметила.

— Так вот, у настоящей Пашиной матери — эта бедная девочка умерла, и Толя Пашу себе забрал, была сестра-близнец, она родила девочку через два года, и тоже при родах умерла, прям как проклятье какое-то на семье лежало. Родители этой девушки забрали ребенка себе, не стали в детдоме оставлять. Толя про девочку знал, заботился, как мог — хоть и чужая, но все равно, через Пашку родственники, а потом, когда она выросла — познакомил ее с сыном этого Викентия, она за него замуж и вышла. Родила Вику, а потом случилось что-то с ней, не знаю, Толя рассказывал, но память-то с годами теряется, а теперь спросить не у кого.

Эту историю я знал. Мораль — если занимаешься темными делишками, лучше семью не иметь. Майер думал, что его собственной семьи разборки не коснутся, и прогадал, похоже. По официальной версии, яхта, на которой его сын и невестка путешествовали, оставив ребенка деду, затонула где-то возле Антильских островов. Спасательная операция почти полгода длилась, Викентий Палыч денег не пожалел, но результатов все равно никаких не было. Нашли шлюпку, пустую, что-то еще там было, но людей — нет. Хорошо хоть ребенка с собой не взяли, у деда оставалась. Только вот девочка, насколько я знал, больна была какой-то страшной генетической болезнью, смертельной, это Лейбмахер мне рассказывал, его приятель, Аарон Иванович, одно время ее лечил. И не то чтобы отказался, но сказал — безнадежно. А тут живая, здоровая, бодрая, мать мою вон как родную встретила и опять в комнату убежала, кота с собой забрала. И ведь дал себя унести, может, не для меня этот кот?

Мысль и приятная, и неприятная одновременно. С котом вроде как надежно и безопасно, а без него — спокойно. За себя постоять он может, вон как доберманы его сторонятся, боятся, а выбросил им отец половину говяжьей ноги, сожрали в один присест вместе с костями. Человека перегрызут, если необходимость возникнет, а от вида маленького безобидного котика чуть не обделались. Но другой вопрос, будет ли он защищать меня, или просто смотреть будет, качественно ли меня разделают, чтобы потом меч отобрать и отдать более достойному,

с его точки зрения.

Мысль пришла и ушла, махнул рукой — а, что будет, то и будет. За последний год случилось столько всяких странностей, одной больше, одной меньше. Но вот что у Пашки родственница тут есть, это новость важная. К Громешам эта девочка никаким боком, но Артур ее как-то нашел, вылечил, судя по всему, да еще и одаренная попалась. И моим родителям привез неспроста, это знак доверия.

— Что-то Артурчик нас совсем забросил, — в унисон моим размышлениям сказала мать. — Уже месяца три как не появляется, а раньше часто бывал. Ты с ним не виделся?

— Не успел еще, — успокоил я ее. А то как же, вон с Жорой встретился еще вчера, а к родителям только сегодня. — Я только что прилетел.

— Оттуда? — мать мотнула головой вверх.

— Ага.

— Так ты тоже волшебник, как Артур?

— Да, отцу уже говорил.

— А ты можешь…

И понеслось. Ну да, одно дело — сын маминой подруги, который всегда присутствует в жизни каждого мужчины. Не то, чтобы я когда-то это слышал от родителей, но догадывался, что этот поц существует и портит мне жизнь. А другое, когда собственный ребенок вдруг оказывается кем-то, кто на голову превосходит остальных. Только одно омрачало матери жизнь — не расскажешь ведь другим, какое счастье привалило.

— Я чего в Москву ездила, — вдруг вспомнила мать, — отец сказал тебе, что тетя Света пропала?

Я кивнул. Со стороны могло показаться, что и мать, и отец к этому факту относятся равнодушно, но на этом событии и связанными с ним эмоциями стоял блок, не перекрывающий, а сглаживающий, убирать его я не стал, только истерик не хватает. Тетя Света и ее лучший друг дядя Ёся вполне могли сбежать, их нежные чувства до того, как материна сестра встретила эн Громеша, секретом не были, а старая любовь не ржавеет, особенно после того, как муж навсегда сбегает в другую реальность. Только вот блок на это Артур ставил, значит, в курсе того, что на самом деле случилось.

— У них с Толей в Москве недвижимость была, так она на нас ее переписала, как знала, что пропадет, прямо перед командировкой. Странно, правда? Там две квартиры в одном доме, трешка и однушка. В трешке сейчас Сережа живет, а ты можешь в однушку переехать. Или брата туда переселишь, жирно

ему одному в трехе, когда старший брат без угла своего.

— Может, я с вами поживу? — закинул удочку.

— С нами ты можешь жить сколько угодно, — мать строго посмотрела на меня, — но второго такого случая я не переживу. Поэтому первым делом ты женишься и нарожаешь троих ребятишек, как у Жоры. Чтобы сидел дома и не рвался непонятно куда. А для этого тебе нужно место, куда невесту привести, приличное, не курятник твой на одном участке с родителями.

Курятник — это она про мои хоромы с тремя спальнями так?

— И чтобы мы под ногами не мешались, да, отец?

Батя кивнул. Он всегда кивал, сколько помню, и ни разу об этом не пожалел.

— Здесь надо себе жену искать, а не хрен знает где, чтобы к другому не ускакала потом, — не унималась мать.

— Что ты имеешь ввиду? — осторожно спросил я.

— Эту твою блондиночку, на которой ты там женился. Усвистела к другому, только и видели.

— А откуда ты знаешь? — разговор становился все интереснее и интереснее.

— От верблюда. Артур рассказал, когда в последний раз приезжал. Но ты не беспокойся, хорошо, что эта стерва вовремя себя проявила. Показала свое сучье лицо. Ух я бы ей его расцарапала, твари такой.

— Мы по обоюдному согласию расстались, — успокоил я мать. — Не сошлись характерами и взглядами на жизнь. Так что я только рад.

Пока что ситуация складывалась интересная. То, что Анур Громеш делился тут с родителями подробностями моей личной жизни, это полбеды. На них стоял блок, все тот же самый, что я с самого начала обнаружил — обсуждать эти вопросы могли только с ним или со мной, и без посторонних. А так просто блокировались воспоминания и знания, словно и не было, кстати, сам блок был сделан не просто с изяществом — с таким мастерством, что я аж восхитился. Крохотный белый значок, и все, никаких подпиток, сложных итераций и условий, все опции в крохотной простой схеме. Потренируюсь чуток, и тоже смогу, я способный, по крайней мере, мать так считает.

Но меня больше волновало то, что Анур знал. Был здесь, и все равно получал сведения из мира-ноль. И умотал он куда-то ровнехонько после того, как меня Пашка кляксой одарил, а Эрешкигаль — котом. Хотя нет, кот позже появился. Если есть канал связи с тем миром, не оставят зу Марка Уриша, носителя и хранителя, в покое. Не сейчас, так через год, два, десять или сто лет кто-то появится, жизнь у шумерских псионов длинная, память

— долгая, а характеры как на подбор — скверные. Почти у всех.

— А что еще тебе Артур рассказывал? — спросил я у матери.

Но тут на веранде появилась Вика, сонная, с пультом и моим котом.

— О чем? — мать тут же позабыла, про что говорила, отец, по ходу, тоже. Вот что конструкт делает. Пожалуй, надо его подновить. — Ой, а кто это?

— Котик, — снисходительно ответила девочка. — Тетя Оля, хотите погладить?

Я даже ревность почувствовал какую-то, подбираешь животину, заботишься, а сливки другие собирают. Котенок, словно прочитав мои мысли, хотя почему словно, наверняка что-то такое почувствовав, зевнул прямо на меня. И дал себя погладить.

— Приедешь, к Сереже зайди сразу, — выслушивал я наутро наставления матери, садясь в такси. На попытку вернуть мне Крузак я ответил решительным «нет», до Москвы доберусь, с транспортом там проблем никаких, в крайнем случае у Лехи одну из тачек заберу на время, не обеднеет. Видно было, что матери с отцом неудобно, как же, свою машину другому сыну отдали, а эту под себя загребли. Как мог, заверил их, что безлошадным не останусь, вот приеду, и сразу куплю новую.

Вика тоже вышла попрощаться, грустно погладила котика, но попросить оставить не решилась. Хорошая девочка, скромная, наверняка богатая, Анур неспроста ее сюда привез, под защиту доберманов. Наследство от Викентия Павловича должно было достаться немаленькое, одно поместье на Рублевке чего стоило.

Такси с московскими номерами терпеливо ждало, пока мы попрощаемся, белый мерс хоть и был подержанный, но видно, что ухаживали за ним, берегли. Да и поездка выходила для водителя выгодная, считай, три часа затратит, а заработает как за полный день.

Мать заверила, что квартира полностью для проживания готова, там даже кофемашина есть шикарная. Спасибо, переживу. Если что, у меня в этом мире дом есть, хоть формально, но мой, в охраняемом поселке. Там и кофемашина, и все условия, а еще и убираются там, и еду, если надо, принесут. В общем, не собираюсь я по углам ютиться. Но матери об этом знать не нужно пока, а то еще на день расспросов будет.

Расцеловал их с отцом, и уселся на заднее сидение. Котик послушно улегся рядом, на сложенный плед, мать пустила слезу, отец тоже что-то такое сентиментальное пробормотал. Вика

отнеслась как к приезду, так и отьезду равнодушно, ее больше кот волновал, чем я. Рады были только доберманы, увидев, что черный властелин покидает поместье, они оживились и даже рыкнули пару раз.

Из такси я написал Лехе, что приехал. Но Милославский и так уже был в курсе, разведка донесла. После того, как его с отцом из города вышибли, он в Новой Москве обосновался, не так уж далеко от дома Громовых, обещал подьехать к вечеру, настучать мне в табло за то, что друзей бросил и не появлялся так давно. И напоить вусмерть.

На улице зима постепенно подгребала под себя природу, снег еще не лег, но температуры были минусовые, воскресным утром машин на дороге мало было, а те, что попадались, пролетали, словно за ними кто гнался. Водитель вел свой мерс аккуратно, скоростной режим соблюдал, машины в попутном направлении пропускал, если те торопились, и вообще мне понравилось, как он рулил, а точнее говоря — рулила, уверенно, но без лихачества. И молча, не то что большинство таксистов, лишь бы языком почесать. Да и машина ухоженная, удобные сидения.

— Как вас зовут? — спросил я. Странно, вроде водителем мужчина должен быть, а за баранкой сидела женщина, совсем еще молодая. Симпатичная.

— Ирина, — представилась она. — Геннадий Семенович — это диспетчер, да и проще так, некоторые, когда узнают, от меня отказываются, баба за рулем и все такое. Обидно, вожу я вроде неплохо.

— Хорошо, — подтвердил я. Она действительно вела машину уверенно, да и вообще, на пол водителя мне плевать, главное, чтобы доехал нормально. И не трепался по дороге, а с этим у девушки все в порядке было.

Остаток дороги мы провели молча, на дороге не лихачили, но и не плелись по крайней правой, на мой взгляд — идеальная поездка. Даже притормозила перед шлагбаумом она мягко, словно родилась за рулем. Раньше бы точно подкатил, а сейчас пока не до личной жизни мне было.

В обмен на деньги девушка протянула мне свою визитку.

— Если вас не пугает водитель-девушка, и будут заказы — звоните. Если понадобится машина на несколько дней, или месяц, намного дешевле получится. Я живу неподалеку, Москву и область хорошо знаю.

Глава 5

С коттеджным поселком творилось что-то странное, большинство домов были пусты, да что там большинство — почти все. На КПП охранник показал пачку объявлений — практически все продавались. Действительно, прав Богданов, творится что-то странное в этом государстве, куда вот государевы люди сорвались, имущество распродают, обжитое место бросают.

— Покупателей-то много?

ЧОПовец только рукой махнул, головой покачал, мол, ажиотажа нет. Ну и ладно, главное, чтобы воду, свет и газ не отключали, мне-то все равно, а вот со стороны странно будет, если в доме без коммуникаций кто-то отдыхает в свое удовольствие.

Поместье дяди Толи встретило меня тишиной и чистотой. Пыль хоть и была, но в минимальном количестве, приходящая прислуга отрабатывала свои деньги на совесть. Что и как включать, я знал, не первый раз, прошелся по комнатам — словно и не жил тут никто. Спустился в подвал, в бильярдную, там явно что-то произошло, свежий ремонт практически скрыл выбоины на стенах, поврежденный пол и стойку для киев, но сам факт того, что тут пришлось практически все реновировать, говорил сам за себя. Пашка утверждал, что его пытали — наверное, здесь.

За стойкой скрывался сейф, сейчас почти пустой. Чемоданчик с шестью пачками американской валюты. Я-то знал, что это хранилище — обманка, дядя Толя хранил деньги совершенно в другом месте, точно уж не здесь, в доме.

В спальнях никаких личных вещей не было, словно и не жил никто. Хотя нет, в хозяйской на тумбочке лежал блестящий предмет — привет из прошлой жизни. Одна из сережек, которые я Уфимцевой дарил, видимо уборщица нашла, но себе не оставила, чтобы не связываться со стремными клиентами. И я не стал, оставил сережку на месте.

А вот кухня меня порадовала, обычных продуктов не было, зато запасов столько, что хватило бы на месяц — и консервы, и выпивка, и бакалея на скорую руку — только разогревай или кипяточком залей, и ешь.

На всякий случай залез в базу Росреестра, посмотрел, что вообще с этим домом творилось. Артур с имуществом родственников особо не церемонился, перевел на себя, паразит. Но потом сделку расторгли, по каким-то юридическим причинам, и я так и остался владельцем. В принципе, нормальный размен, я

дяде Толе звездную систему, а он мне — коттедж. Хотя, если вспомнить, кто там на плоском камушке лежал в храме, у эн Громеша сложности могут возникнуть с доверенным имуществом.

Коту загородная недвижимость понравилась. Он побегал по участку, залез на яблоню, помяукал, изображая нормальное домашнее животное, только не учел, что так себя коты ведут весной, и на полгода старше. В доме сразу же выбрал хозяйскую спальню, улегся там на кровать и засопел, изображая всем видом, что безумно устал.

С братом разговор ожидаемо не получился, тот с детства считал меня бездельником, вот такой правильный человек рос в семье бояр Травиных. Мало того, что Серега злился на меня за то, что я родителей на год бросил, так еще и на работе у него какие-то неприятности были. Зато сестра обрадовалась неожиданно, даже порывалась прилететь, но я ее отговорил. Еще успеем повидаться.

Оставалось только купить что-то к вечерней пьянке.

— Остаешься за старшего, — предупредил я котенка. Тот лениво зевнул, мол, нечего и так очевидное рассусоливать, но с кровати слез, дошел за мной до двери и проследил, чтобы я дверь закрыл.

Леха примчался, стоило мне сказать, что на месте уже, мы посидели хорошо, вот что значит женатый человек, каждая свободная от семьи минута на триста процентов используется. И коту он понравился, даже когда вискаря налил в блюдце, хотя может именно поэтому понравился.

— Это же еще кошачий ребенок, ты чего, — попытался я возмутиться, но кошак отобрать блюдце не дал, за что получил от Милославского почетное звание «своего человека». Мой выбор он одобрил, у самого две кошки жило.

Разговор, начавшийся с моего рассказа о Южной Америке и индейских практиках, как-то быстро перетек на общих знакомых, Леха считал, что мое отсутствие — отличный повод вывалить на меня все что за год накопилось. Ностальгия иногда утомляет, часть моего сознания взяла на себя роль собутыльника — слушала старого друга, тело кивало, пило, закусывало, поддерживало беседу, а другая часть отдыхала. Отвык я от вот таких дружеских посиделок, когда никто подлянку какую-нибудь не готовит.

Наконец Леха угомонился, вызвал такси и уехал — семейная жизнь, отпустив его ненадолго, снова затянула в свой омут. И хорошо, а то я от него чуть устал. Вот вроде новости, знакомые люди, а что с ними произошло, не казалось мне не только

важным, а вообще — интересным. Какие-то мелкие проблемы, кто-то купил завод, кто-то — триста гектаров на Алтае, сестра его закрыла три магазина и вложилась в какой-то новый бизнес, вроде как в экстрасенсов. Да, прикольно, чего только люди не придумают, но не тот масштаб. Хотя, думаю, придется как-то привыкать, что покупка космического корабля тут ни за какие деньги невозможна. Проще свой построить, кстати, для меня — да, проще. Полет на Луну — уже достижение, так и не полетел никто, а на Марс планируют лет через двадцать, но нет, и через пятьдесят не доберутся, то кризисы, то вирусы. Как так можно, с такой короткой жизнью, планировать, да еще так неспешно? А к звездам тогда как, через тысячу лет?

Кот был со мной полностью согласен. Он попал в этот скучный мирок только ради меня, виски и пельмени только временно его развлекли. Я протянул руку, с ладони белые искры стекли на угольно-черную шерстку. А потом нарисовал на столешнице символ — аналога Эр-асу на изначальном языке не существовало, но для конкретного, вот этого котенка нашелся. Недовольная мордочка дала мне понять, что не стоит вот так словами разбрасываться. Тогда представил мышь, страшную огромную мышь, уместившуюся в одну крохотную закорючку. И заставил белый символ двигаться по столешнице, котенок смешно за ним охотился, поймал, поглотил, потом еще несколько, под конец я выпустил десяток закорючек одновременно.

И тут животинка проявила себя, котенок дернулся, и сразу десять прозрачных проекций котят бросились за десятком мышей, поймали и втянулись. Усложнил задание, теперь «мыши» помчались по всей комнате. С тем же результатом, эр-асу легко ловил и десять, и сто целей, на любом расстоянии. Я уж было собирался заставить его побегать по участку, но котейка посмотрел на меня, как на слабоумного, мол, что, не наигрался еще, человеческий детеныш? Одним взглядом пристыдил.

— Привет, — я помахал рукой подъехавшей Ирине. Машина с водителем лучше, чем просто машина, на этот день у меня были большие планы. Доехать до торгового центра, приодеться, к брату в гости заехать, он хоть и бука, но не чужой человек. И еще — вчерашние слова Милославского о сети салонов экстрасенсорных услуг хоть и не воодушевляли особо, но надо ведь чем-то заняться. Открою такой где-нибудь в центре, буду судьбу предсказывать. Всем — хорошую. Я, хрустальный шар, черный кот, да люди будут в очередь вставать, чтобы попасть ко мне.

Девушка распахнула пассажирскую дверь, вот молодец, не чурается своих обязанностей, понимает, что это не

прислуживание, а всего лишь часть оплаченных услуг. Кот запрыгнул за мной, кожаные сидения не царапал, вел себя прилично, хорошенькая водительница только головой покачала, у богатых — свои причуды, коты это так, мелочь.

— А у нас один пассажир с ручным вараном ездит, — поделилась она. — Двойную ставку платит. Ой, я не для того, чтобы… Котик не мешает, вы не подумайте. Никаких доплат не нужно. Куда едем?

Я назвал адрес.

— Там парковка дорогая, — виновато улыбнулась девушка. — Придется где-то рядом высадить.

— Ничего, бензин, парковки — за мой счет, — успокоил я ее.

На самом деле, моему шоферу было о чем беспокоиться, за тот год, пока меня не было, мэрия столицы наступление на личный транспорт усилила, цены скакнули раза в два.

Воскресенье ожидаемо встретило московскими пробками на МКАДе у торговых центров и на вьезд, Ирина нравилась мне все больше — никаких попыток «поговорить». Включила негромко магнитолу, явно свой плейлист туда загрузила.

Fly me to the moon
And let me play among the stars
Let me see what spring is like
On Jupiter and Mars [2], — пел приятный женский голос.

Я поморщился

— Если вам не нравится, могу выключить, — тут же отреагировала Ирина.

— Нет, оставь. Красивая песня, ей уже лет семьдесят.

— Спасибо, — Ира улыбнулась чуть виновато, — только это из аниме. Там в конце каждой серии одну и ту же песню разные исполнители поют. Мой друг, бывший, очень аниме любил, это его подборка.

— Давно расстались? — на самом деле, этот вариант мне даже понравился. Голос плосковат, нет той глубины, что у Синатры или Джули Ландон, но сносно получилось.

— А как думаете, люди смогут жить на Марсе и Юпитере? — не слишком изящно сменила тему девушка. Надо же, разговорилась. Да еще прямо мысли мои вчерашние чуть ли не процитировала.

— На Юпитере точно нет, это газовый гигант. А на Марсе — да, купола, уплотнение атмосферы, — поделился я своими знаниями.

— А к звездам полететь? — Ирина, видимо, решила, что тема мне зашла, и развивала коммуникации.

— Мы на Земле-то разобраться не можем, куда там к звездам. Да и что там делать, человек — существо нежное, ему определенная атмосфера нужна, температура, давление, чуть что не то, помрет. Стоит ли куда-то тащиться, чтобы там неудобства терпеть. Ты больше тепло или холод любишь?

— Тепло, конечно.

— Тогда на Марсе тебе весна не понравится, слишком прохладная, — улыбнулся я. — И на Луне тоже.

Экстрасенс занимал помещение на первом этаже дома рубежа 19–20 веков в Большом Козихинском переулке, с химерами и кошками на стенах, с парковкой и правда была беда, узкая одностороняя улочка с немногочисленными карманами была забита машинами. причем как на подбор — роскошными, водители высаживали пассажиров и оставались ждать, продвигаясь, чтобы освободить место для вновь подьезжающих. Мы встали в импровизированную очередь, точнее говоря — Ирина встала, а я вышел, оставив кота в машине, и направился к стеклянным дверям, откуда только что вышла пара, средних лет подтянутый мужчина в дорогом пальто и модельной внешности молодая женщина. Женщина что-то горячо втолковывала своему спутнику, тот морщился, но кивал.

На ресепшне три девушки старательно улыбались посетителям, удобные кожаные кресла были заняты. Все.

— Здравствуйте, — еще одна длинноногая подскочила ко мне с папкой в руках, — вы на какое время записаны?

— Да я просто зашел, — о том, что к шарлатанам надо записываться, я как-то не подумал.

— Иннокентий Генрихович без записи не принимает, — секретаршу это ничуть не смутило, равно как и мой скромный внешний вид. — Но вы можете записаться на март.

— Могу, — согласился я. — Но лучше на апрель. Тепло будет, и вообще, середина весны — лучшее время для предсказаний.

Секретарше на эти изыски было плевать, теплая улыбка сменилась равнодушной, она кивнула на трудящуюся троицу за стойкой и пошла окучивать новых посетителей. Но что я хотел — увидел. Спрос на услуги уж слишком большой, место раскрученное, или вот так пахать, как этот неведомый Иннокентий, или сидеть без клиентов в спальном районе. Повернулся, чтобы уйти.

— Марк!

Лучше бы я совсем сюда не приходил. Подруга детства

нарисовалась, Светка Милославская. Когда Леха сказал, что его сестра переключилась с бижутерии на шарлатанов, я не подумал, что сама будет точки контролировать, раньше вроде из дома не вылезала, все через менеджеров. А тут принесло.

— Привет, Светик, — я улыбнулся, поймав испуганный взгляд секретарши. Как же, отшила друга хозяйки, за такое и поругать могут, перед увольнением. — Ты все цветешь. Как муж, дети, внуки?

— Ты — свинья, — вместо ответа заявила моя бывшая несостоявшаяся невеста, совершенно не стесняясь присутствующих, — а ну за мной.

Кабинет бизнесвумен не впечатлял, скромный стол, удобные, но не роскошные кресла, Света всегда была девушкой рациональной.

— Ты что делаешь? — усевшись, тут же накинулась она на меня. — Почему Кате не позвонил?

— Света, знаешь, у меня дел еще полно сегодня, — я присел на край стола, — если наезжать будешь, уйду. Катя тут при чем?

— Он еще спрашивает, — Милославская всплеснула руками, — между прочим, плачет уже месяц, мог бы хотя бы спросить у нее, как дела, друг, называется.

Вообще-то, назывались мы совсем не друзьями, о чем я Свете напомнил.

— Ну и что, — та только отмахнулась, — ты дурак, Марк? Это только вам, мужикам, кажется, что все, разрыв и дальше ничего, на самом деле ты для нее не чужой. А теперь, когда ее приятель этот пропал, она вообще никого видеть не хочет. И кстати, Лекс сказал, ты работу ищешь, какие-то практики там изучал в Америке, могу тебя взять. Но в обмен ты должен с Катей встретиться и успокоить.

Если Леху могло что-то взбесить, так это имя Лекс. Так его называли родители и сестра, мне даже казалось иногда, что наша дружба поначалу строилась именно на том, что я называл его по-другому.

— Не нуждаюсь я в твоих одолжениях, надо будет, свой салон открою, — пообещал я Свете. — Вот прямо рядом с вами, тут вроде стоматология какая-то? Куплю ее, твоих клиентов переманю, будешь знать.

Милославская только рот открыла, чтобы мне что-то гадкое сказать, как дверь открылась, и в кабинет зашел молодой совсем человек, высокий, лысый и в очках.

— Свет, хватит уже своих друзей ко мне направлять, я тоже отдыхать должен иногда. Давай все по записи делать, — бесцеремонно, не обращая на меня внимания, заявил он. —

Договорились?

— Кеша, ты уж постарайся, — Света вздохнула. — Очень нужные люди, понимаешь?

Кеша понимать отказывался. Он взмахнул руками, гневно так, и вышел, дверью хлопнув. Я смотрел во все глаза — номер два.

Второй человек в этой реальности, разбрасывающий оранжевые искорки. А парень-то неплох, ему бы знаний соответствующих да учителя нормального, но с этим, видимо, напряженка здесь была. Да и не видел он бору, в упор не замечал, а то бы так не разбрасывался. Света не заметила, куда ей, но дверь немного поменяла структуру, когда этот хмырь ей хлопнул, материал постарел немного. Еще несколько таких выходок, и развалится. Свалят все на халтурщиков-производителей, а дело-то в московском экстрасенсе.

— Талант, — Света наконец-то отошла от темы моей бывшей личной жизни, — настоящий медик, кандидат наук. Лечит людей просто прикоснувшись, причем реально. У ребенка моего астма была, представляешь, вылечил за десять минут. Уже полгода никаких приступов. Люди в очередь на год вперед записываются, но бывает, что нужно протолкнуть кого-то. Да что я тебе объясняю, сам знаешь, один позвонил другому, третий попросил, и приходится уступать.

— У тебя три салона, — напомнил я.

— Уже четыре. Этот Кеша — самый способный, другие два послабее, хотя мозги клиентам пудрить умеют, — бизнесвумен повертела карандаш в руках. — Ну что, завтра созвонимся? Или что там созваниваться, можешь прямо сегодня начинать, я ж говорю, у меня еще салон только недавно открылся. Там девочка одна, новенькая, Кеша ее смотрел, говорит, толк будет, но с людьми совершенно не контачит, поможешь ей. Договорились? Процент будешь получать, я одна не справлюсь. Заодно и тебя подлечит, хотя что-то ты подозрительно хорошо выглядишь. Не бросишь же подругу детства?

— Сама додумалась, или Леха подсказал?

Света только губы поджала.

— А, ладно, давай. Помогу. Где он находится, на Ленинском? Договорились.

— И не забудь..

— Даже не проси, — оборвал я. — И еще, Света, давно вот эти экстрасексы активизировались?

Милославская никогда за словом в карман не лезла, а тут задумалась.

— Знаешь, — наконец сказала она, — где-то с год, даже

меньше. Как всплеск. Деверь мне посоветовал этим заняться, сказал, перспектива будет. Ладно бы просто посоветовал, фактически заставил, он теперь вроде как при власти.

— Так он и раньше был.

— А сейчас — совсем, представляешь? Юру к себе забрал, и никто не пикнул, что два брата фактически в одной службе работают. Не знаю, чего они так с этими экстрасенсами носятся, но думаю, что не хотят тему в чужие руки отдавать. В планах отделения в государственных больницах даже есть, это полсотни точек по Москве, а у меня дочка маленькая, первые шаги, зубики, когда она «мама» сказала, с ней только няня была и видеорегистратор. Вот нафига такое счастье, а?

— Пошли своих родственников лесом, — посоветовал ей. — Нет ничего важнее семьи. Не семейного бизнеса, а семьи. И губу особо не раскатывай, своего согласия я не дал, посмотрю, как и что. Девушка-то хоть симпатичная?

— Дурак, она ребенок еще, двадцать лет, третий курс. Козел старый. Ты, кстати, как помолодел-то, гормоны пьешь? Или действительно дзен постиг? Ладно. Марк, знаешь, в чем твоя проблема?

— Ты, подруга, не наглей.

— Нет, я скажу. Ты гребаный индивидуалист. Причем идейный, такие хуже всего. Может, кто в детстве тебя обидел, в салочки играть не позвал, или девочка посмеялась, только заперся ты в своей раковине, не выковырять, а когда сам вылезти захочешь, поздно будет. Помнишь, как ты с Катей поступил, едва она о свадьбе заикнулась? И ведь вспомни, просто так, в шутку.

— Но придет мой час? — я улыбнулся. — Светик, я уже большой мальчик. В своих бедах буду теперь только тебя винить, после таких слов.

Света только вздохнула.

— Ладно, у меня еще несколько встреч, не обиделся?

— На тебя — никогда, — заверил я Свету. — А с Лехи за такую подставу еще спрошу.

Глава 6

Выйдя из кабинета, я не пошел на улицу, а направился вдоль по коридору к кабинету местного волшебника. Секретарша было дернулась остановить меня, но вспомнив, что я лицо, приближенное к власти, занялась своими другими делами. Иннокентий Генрихович обитал за роскошными дубовыми дверьми с позолотой, возможно, оставшимися еще от старых жильцов этого дома.

За ними скрывалась маленькая приемная, в которой сидела помощница — ее великий волшебник явно подбирал сам, наличие такой толстогубой кукольной блондинки иначе как сексуальными фантазиями кандидата медицинских наук я объяснить не мог бы. При виде меня блондинка уткнулась в экран, потом похлопала ресницами, явно пытаясь вспомнить, что надо делать при появлении лишнего посетителя.

— К Кеше, — строго кивнул я секретарше.

Такое фамильярное именование начальства сразило куколку наповал, она открыла рот, потеряла мысль и снова закрыла, а я уже входил в кабинет.

— Я занят, дождитесь своей очереди, — Иннокентий и вправду был занят — на стуле сидела женщина, на диване возле стены мужчина наблюдал за манипуляциями врача. А тот держал руки возле головы посетительницы, о конструктах этот парень явно ничего не знал, давил голой силой, интуитивно догадываясь, куда ее приложить, чтобы унять воспаленный тройничный нерв. Молодец, уважаю — Кеша лечил, а не дурью маялся.

Так что я наглеть не стал, извинился, и дверь прикрыл с внешней стороны.

Семейный бизнес Уфимцевых явно процветал — доставшаяся мне точка занимала половину отдельного здания во дворах. Рядом были припаркованы несколько люксовых машин, охранник, заранее предупрежденный начальством, без вопросов распахнул дверь, в холле сидели две женщины, по виду и похожести вроде как мать и дочь. Хотя что там гадать, я подошел поближе — человек дышит, воздух из легких разлетается на метры. Бесконтактный анализ. Ядро за утро снова чуток прибавило, прям радовало меня своим хоть и небольшим, но стабильным приростом.

Ирину я отпустил, неизвестно насколько задержусь, да и дела наверняка у девушки были свои, сказал, что с утра во вторник позвоню, а до этого она может быть свободна. Белый мерседес

умчал стройное девичье тело, видимо, постарел я, пассивно эстетствую вместо того чтобы активно домогаться. Хотя какие мои годы, триста лет минимум обещано.

Из кабинета вышла пожилая женщина в очень дорогом плаще, вытирая слезы. Впрочем, жидкость на щеках высохла быстро, а новая не появлялась. Наоборот, даже улыбка проклюнулась. Женщина подошла к кассе, протянула бумажку, неодобрительно покосившись на котенка в моих руках.

— Социальный тариф, милочка, — и добавила пятитысячную бумажку.

Кассирша, она же секретарь, выбила чек, недовольно поморщилась, а улыбка на лице пациентки превратилась в торжествующую. Она вышла с гордо поднятой головой, видимо, день удался.

— Эй, — я подошел к стойке, оперся на локти, — привет. Я — Марк Львович. Должны были сообщить.

— Здравствуйте, — появление нового начальства секретаршу не обрадовало. Скорее, еще больше вогнало в тоску, — да, Светлана Прохоровна звонила. Я — Настя. А Анастасия Ивановна освободилась, через десять минут у нее следующий пациент.

Имя и отчество тезки Настя произнесла так, словно что-то гадкое попробовала и теперь не знает, как выплюнуть поприличнее.

— Хорошо. А что за бумажку тебе эта грымза отдала?

Секретарша наконец-то улыбнулась. Но не мне, а коту.

— Анастасия Ивановна систему ввела, для привлечения клиентов. Если кто нуждается, то по льготной цене идет, за десять процентов.

— И многие идут?

— Да почти все, — настучать одному начальнику на другого, святое дело. — Но посетителей все равно мало. Светлана Прохоровна присылает тех, кого в центральном офисе не успевают принять.

— Разберемся, — пообещал я. — Значит так, Настюха, всех впускать, никого не выпускать, а я пойду твоей этой тезке мозги вправлю. Бумажки больше не действуют. Договорились?

Секретарша кивнула, улыбнулась кокетливо. Вот и хорошо, подчиненные своего начальника любить должны до беспамятства. Или хотя бы делать вид.

— Вы ко мне? — за столом в белом халате сидела типичная серая мышка, никакой косметики, никакое лицо и торчащие из-под никаких волос уши. — С животными сюда нельзя. Ой, какой хорошенький, можно погладить?

— К тебе. Я — Марк Львович, новый директор этого филиала, — протянул девушке руку, та ее машинально пожала.

Первое правило псиона, нет, наверное, десятое, но тоже очень важное — никакого тактильного контакта с другим псионом без установки защиты. Я-то это правило знал, а вот местная волшебница и слыхом не слыхивала. Белый конструкт сполз на руку, потащился вверх, удобно устроился на макушке, девочка посильнее Кеши будет, минут на тридцать схемы хватит, а потом обновлять придется, если заметит. Или запитывать на носителя. Котенок смешно мордочку сморщил, чихнул — от его носа отлетела искорка, привязывая схему намертво.

— Ну рассказывай, Настя, как ты дошла до жизни такой.

Собеседница поняла вопрос уж слишком буквально, да и куда там промолчать, если на откровение тянет. Так что детские воспоминания, школьные страдания и прочую чушь пришлось выслушать — в ускоренном варианте, а то бы и недели не хватило. Но опыт не пропьешь, Настя рассказом о жизни с рождения до поступления в институт уложилась в несколько минут. В медики она пошла, потому что страдала от головных болей. Очень сильных, лекарствами практически не купировались, вот и решила, что выучится и вылечит себя сама. Получалось не очень, на первых курсах врачей лечить не учат.

В начале этого года, когда еще на втором курсе была, к ним в институт приехал какой-то ученый, отбирал внештатников для исследований, вот он Настену и приметил. Вместо четвертого семестра их привезли куда-то на восток Москвы, и что происходило в этом таинственном месте, Настя особо не запомнила — ну обычные лекции, практика, еще больница там была какая-то, таскались группой, Иннокентий Генрихович, кстати, там работал. Весь процесс в голове у студентки отложился хорошо, но вспоминался плохо, явно не без внешнего вмешательства.

А два месяца назад их учить перестали, перевели на дистанционное обучение, и больше никого из своих одногруппников она не видела, саму вот недавно сюда посадили, работать. И беспокоили девушку галлюцинации, которые она исключительно с последствиями головных болей связывала, будто иногда вспыхивают на кончиках пальцев искорки.

— Сколько вас было в группе? — спросил я. И получив ответ, что около сотни, задумался.

Что-то точно случилось на Земле за этот год. Точнее говоря, в этом мире. Каким-то образом у засланца с Земли-ноль получилось пробудить у обычных людей способности, только вот пользоваться этими способностями он их почти не научил,

бросил, считай, на произвол судьбы. Схемы — дело хорошее, они созданы для эффективного использования пси-сил, но и просто так, голой силой, можно дел понаделать.

— Ладно, разберемся. Смотри сюда, — приказал я Насте, протягивая ладонь. — Внимательно, и рассказывай, что видишь.

Котенок потянулся, подошел поближе, ему вроде как тоже охота было посмотреть.

— Ой, — девушка аж рот рукой прикрыла, — словно смерч крохотный, и искорки, закручиваются, а теперь в пирамидку выстраиваются. Что это?!

— Светляк, — вздохнув, объяснил я. — Эй, хватит там стучать, доктор занят, ждите.

За дверью потоптались, угомонились.

— Попробуй свои искры в линию выстроить, — я положил ладонь девушки на свою, корректируя ее потуги. Настя очень старалась, аж пот выступил на лбу. — Ты представляй, что делаешь, оно само получится. Ну как-бы помечтай.

— Голова опять разболелась, — пожаловалась она. — Ой, прошла, как это вы сделали?

— Тоже так сможешь, если будешь стараться. Пирамидку помнишь? Концентрируйся. Пока не получится, будешь так сидеть. А плохо будешь стараться, устрою тебе мигрень на неделю.

Угроза подействовала не очень, видимо, девушка за свою жизнь к боли привыкла, а вот желание научиться было огромным, настолько, что светляка она создала через двадцать минут, дверь несколько раз штурмовали, мне даже пришлось голос усилить, после этого раздался топот в сторону туалета.

— Ну вот, молодец, — похвалил я девушку, завороженно смотревшую на крохотный белый шарик над ладонью. — Миллион долларов — твой.

— Какой миллион? — сумма Настю впечатлила гораздо меньше, чем светляк.

— Премия Рэнди, ты ж, считай, суперспособностью обладаешь. Хотя сейчас, наверное, конкурентов у тебя хоть отбавляй.

— Да, — мир девушки сузился до крохотного сверкающего шарика. Тот парил над ладонью и не думал гаснуть. — А что с ним делать?

— Развей.

— Жалко. Он красивый.

— Ну тогда так и сиди, — пожал я плечами, — только кто лечить твоих больных будет? Там уже толпа за дверью.

— Ой, и правда, — Настя взмахнула рукой, пытаясь погасить

светляк, но тот словно приклеенный следовал за ладонью.

— В центре пирамидки искру видишь? Представь, что гасишь ее. Вот, молодец. Урок окончен.

— А вы будете меня учить?

Я посмотрел на кота, тот — на меня, мол, сам решай, нужен тебе этот геморрой.

— Давай сначала посмотрим, что ты умеешь.

Девушка не умела ничего. В отличие от Кеши, который ничего не видел, но что-то чувствовал, и на этих ощущениях кое-как направлял пси-энергию в нужное место — потому что анатомию знал не только теоретически, но и практически, Настя ориентировалась на слова больных. Если ей говорили, что болит печень, она лечила печень. И плевать, что у человека панкреатит, и он просто перепутал правую и левую сторону. От такой врачебной практики печень становилась здоровее, что на самом деле было хорошо, у кого она вообще здоровая, а вот настоящая болезнь никуда не исчезала.

— Ну что сама скажешь? — после того, как мать с дочерью вышли, я отослал секретаршу за кормом для кота, лечение лечением, а обед по расписанию. Оставшиеся клиенты разорались, пришлось их успокоить. Заодно задуматься над устройством еще одного санузла.

— Не пойму, вроде все делаю по учебнику, а ощущение такое, что не то лечу, — призналась Настя. — В слепую, да?

— Да. Доверься силе.

Девушка хихикнула.

— Давай покажу, а ты смотри, но молчи, при пациентах ни слова, — на всякий случай предупредил я девушку. На самом деле мог бы и не говорить, мой блок прижился и спокойно себе существовал в районе правой лобной доли.

— Не понимаю, — от обиды Настя чуть не плакала.

— Что? — вроде старался. Мужчина с циррозом пришел, так я слепил для лечения самую большую и неуклюжую, но вполне рабочую схему, такую, чтобы моя новая ученица могла за ней следить, и запустил в тело пациента. Кот одобрительно наблюдал за моими действиями, и вообще, вид детеныша животного посетителей настраивал на нужный лад — женщины становились добрее, а мужчинам было плевать, у каждого свои маленькие странности, кто-то котов на работу носит, кто-то в кабинете закрывается и в доту или контру играет.

— Как вы это делаете. Я не успеваю следить. У меня ничего не выйдет.

— Не выйдет — выгоню, — пообещал ей.

— Как это выгоните? Я же вроде как учусь.

Я вздохнул. Зажег над ладонью плазменный шар.

— Знаешь что это такое?

— Ша… ша… ровая молния? — девушка побледнела, ну да, было с чего, не каждый день такое увидишь.

— Именно, душа моя. И если ты не будешь стараться, я создам такую же в твоем мозгу. Представь, что с тобой получится.

— Ну и создавайте! — странно, а раньше отлично срабатывало. — Я людей лечить хочу, и буду, и никто мне не помешает, и я смогу. И вообще, зачем тогда взялись учить, не надо было.

Тут я полностью с ней согласился. Ну да, тщеславие свойственно увлекающимся натурам, надо же, своя ученица. Это вроде как на одну ступень с ан Трагом меня ставило. Уми — звучит гордо.

— Значит, выбираешь смерть? — уточнил я.

— Вы не посмеете, — неуверенно заявила Настя.

— Посмею, — устало вздохнул, вот ведь не было забот. — Только захочу ли, вот вопрос. Ты уж постарайся, чтобы не захотел.

До конца дня мы приняли еще шестерых — из них четыре женщины пришли совсем не с медицинскими проблемами. От одной ушел муж, и его срочно надо было вернуть. Я тихо сидел в стороне и посмеивался, пока Настя пыталась объяснить, что тут такого не делают. Дама напирала на ее женскую совесть и солидарность, на то, что уже заплатила деньги, грозилась салон закрыть и всех тут уволить, при этом поглядывая на моего питомца — черный кот, по ее мнению, был типичным антуражем гадалок и прочих волшебников. Кот не возражал, даже вроде как головой кивал в такт ее словам.

Двадцать минут эта великосветская дура давила на бедную Настю, я успел и кофе сходить попить, и прогуляться просто так. Наконец нашему штатному недоврачу это внезапно надоело.

— Хорошо, — встала девушка с кресла, подошла к клиентке, села перед ней на стол. Вытянула ладонь. Крохотная искорка зажглась в воздухе, женщина уставилась на нее, как на благодатный огонь. — Знаете, что это такое?

— Знак, — неожиданно ответила дама, — это знак. Ты настоящая, да? Остальные только деньги берут, а ты можешь помочь. Умоляю, сделай так, чтобы он вернулся, заплачу сколько скажешь. Пятьдесят тысяч хватит? Евро?

— Хорошо, — Настя дунула на огонек, тот полетел клиентке

прямо в лоб и изчез. — Будет тебе муж. Позвони ему завтра за час до полуночи, будь настойчива. Но помни, что сама это попросила, не жалуйся потом. А теперь пошла вон, деньги, когда вернется, передашь.

Женщина вскочила, и мелко кланяясь, исчезла за дверью.

— Молодец, — я даже похлопал. — Растешь в моих глазах, прям ведьма. Ну что ты, успокойся.

— Я не знаю, как это получилось, — Настю трясло, — я даже не представляла, что могу так разговаривать. Меня теперь точно уволят. Марк Львович, что со мной? В фильме такое видела, вот и повторила.

— Ты становишься настоящим врачом, — совершенно искренне ответил я ей. Уж медицинской братии навидался, спасибо продажному братцу. — Вот вспомни, как ты себя чувствовала, зафиксируй это, и продолжай. А насчет увольнения не беспокойся, пока я тут работаю, никто тебя не тронет. Кроме меня.

Следующая дама, у которой в жизни наступила черная полоса, прошла по уже накатанному варианту. Настя освоилась, легко перешла на «ты» с женой важного чиновника, светящийся шарик сработал, как надо, да и пирамидка в этот раз получилась изящнее немного, а сам светляк — чуточку больше.

— Ты особо не осторожничай, это не плазма, от светляка никому вреда не будет, — наставлял я девушку. — Хлопай по лбу, да посильнее. И центральный ключ убирай. А можешь из одной руки сначала в другую провести, представь, что натягивается струна между ладонями, и по ней схема скользит. Уяснила?

— Ага, — кивала девушка. И следующей озабоченной личной жизнью клиентке уверенно заехала ладонью по лбу. Та не возражала, котенок подыграть решил, зашипел, шерсть забавно встопорщилась. Девушка, чуть старше самой Насти, при виде такого грозного животного даже разрыдалась. И деньги сразу отдала, прямо в руки совала мимо кассы.

Правда, вот со следующим посетителем пришлось повозиться мне, а Настя сидела и внимательно наблюдала, что я делаю.

Мужчина пенсионного возраста почти не жаловался — к шарлатанам, по его мнению, отца отправил заботливый сын. Денег на Кешу не хватило, вот Света сюда и послала члена семьи своего шапочного знакомого. Не очень нужного человека, судя по всему.

— Эмфизема легких, — тут же ответила Настя, когда я описал ей симптомы. Внутренние, с виду-то пациент был скорее жив, чем мертв. — Не лечится, сколько вы говорите, половина поражена? Операции делают, часть легкого удаляют.

— Эка невидаль, я думал, может что новое скажете, — подключился клиент. — Врачи мне то же самое сказали, мол, жить недолго осталось. Я даже курить бросил, не помогает.

— И не поможет, — авторитетно сказала Настя, — там альвеолы задеты, не восстанавливаются.

Мужчина вздохнул, с сомнением посмотрел на меня.

— Сынок, ты это прям так увидел, без рентгена?

— Ага, — кивнул я. — Способности у меня такие, людей вижу насквозь. Одежда — не помеха.

Настя дернулась, чтобы прикрыться.

— Ну тогда я пойду? — мужчина встал. — Спасибо, что посмотрели.

— А лечиться? — сказал я ему в спину.

— Сказали же, что не лечится.

— Ну мало ли кто что сказал, садитесь, — я показал на стул.

Мужчина помедлил, сомневаясь, но уселся. Усмехнулся, видно было, что не верит.

— А мне вера ваша не нужна, все, что нужно — чтобы вы посидели тут ровно одну минуту.

— И все пройдет? — пациент развеселился. Ну да, клоуны на выезде. — Только деньги я по результату заплачу, сейчас ни копейки не дам. Значит, вылечите меня?

— Естественно, — я даже прикасаться к нему не стал.

Создал конструкт, прилепил к груди, тот ушел в плоть, опутывая легкие. Настя во все глаза смотрела, ну да, не все я ей показал, большую часть не увидела, но и то, что подсмотрела, ей достаточно. Кашель лечить сможет, если освоит.

— Только не я, она. Приступай, — кивнул я девушке.

Пациент расширившимися глазами наблюдал, как светящийся шарик исчезает в его рубашке. Даже дернулся, хотя там никаких ощущений быть не должно.

— Вот и все. Послезавтра — на рентген. Если улучшение будет, приходите, оплачивайте, — выпроводил я мужчину за дверь. — И курить не надо начинать, в следующий раз может и не помочь.

— А он выздоровеет? — пациентов больше не было, мы с Настей собирались по домам.

— Вот придет завтра, узнаем, — не стал я обнадеживать девушку.

— Почему завтра, на рентген он ведь только во вторник пойдет?

— Увидишь. Тебя подвезти?

— Нет, я тут рядом живу, две остановки на троллейбусе.

— С пачкой баксов поедешь? — подмигнул я ей.

Настя ойкнула, кинулась к столу, достала деньги, протянула мне.

— В сейф положи, — я подхватил кота, который совершенно не высказывал недовольства от бездарно проведенного дня. — Завтра увидимся. Пока.

Глава 7

Вышел на улицу, собираясь взять такси, белый мерседес стоял перед входом.

— Машина подана, шеф, — Ирина распахнула передо мной заднюю дверь.

— Я же сказал, домой езжай, — изобразил я удивление. Метка — великая вещь. Уже десяток по городу бегал, а сколько их еще будет. Не паранойя, а здоровое любопытство.

— Так нет у меня сейчас клиентов, только вы, — блондинка уселась за баранку, улыбнулась. — К тому же, все уплачено. Куда едем, шеф?

— Не знаю, сколько сейчас, семь? В ресторан какой-нибудь, или может в клуб. Нет, рано еще. Погоди.

Зазвонил телефон, номер был знакомый. Брат звонил, хотел поговорить.

— Ира, планы меняются. Давай домой меня вези, семейные обязанности. Что ты так смотришь? Не жена, брат хочет наставить на путь истинный.

— Вас? — Ирина деланно удивилась.

— Меня.

— Он, наверное, намного вас старше?

— Куда уж там. Моложе на десять лет.

Братья — это друзья, дарованные природой. Не знаю, я на подарки не жаловался, а вот Сергей — тот явно был недоволен. С какого-то возраста он решил, что именно ему придется заботиться о родителях в старости, и с тех пор любой наш поступок рассматривал именно под этим соусом. Он и Лизу уговорил в медицинский идти, чтобы был у отца с матерью собственный врач на старости лет. На меня он, похоже, давно махнул рукой. Нет, мы с ним не ругались, и тепло относились друг к другу, уверен, случись что, он бы первый на помощь пришел, но вот взял моду лезть в мою жизнь.

То, что в воскресенье вечером у него нашлось время приехать за город — дело обычное, всегда легко подрывался, мчался куда-то, решал чьи-то проблемы, попутно наращивая свои. И ладно, если бы это радость ему приносило, так ведь слишком серьезно ко всему относился.

— Выпить хочешь? — на всякий случай спросил брата. То, что он не пьет и не курит, служило для родителей дополнительным поводом для гордости.

— Воды без газа.

— Даже из-под крана с пузырьками идет, — я пожал плечами, кинул ему бутылку минералки. — Слушай, ты чего такой напряженный, расслабься. Посмотри, природа тут какая, скоро снег ляжет, снегокат стоит в гараже, приезжай, покатаемся. Тут река недалеко, прямо по замерзшему руслу, знаешь, как классно.

— Нам поговорить надо, — Сергей крутил бутылку в руках, так и не открыл. — Как раз об этом, разговор серьезный.

— Залетел от тебя кто-то? Нет? У тебя болезнь неизлечимая? Тоже нет? С Лизкой что-то? Серег, я гадать так долго могу, а ты сидишь, словно арбуз родишь сейчас, — вполне обоснованная уверенность в том, что большинство местных проблем я решу легко, не давала мне относиться к разговору так основательно, как этого требовал собеседник.

— Мать сказала, ты в однушке будешь жить.

Я вместо ответа головой покрутил, рукой махнул вокруг.

— Понимаю. Но мать считает, что ты живешь в однушке. Я так понимаю, про этот дом она не знает.

— Нет.

— Ты хоть понимаешь, что у нее сердце может не выдержать? Ладно, раньше ты жил как хотел, в дела дяди Толи ввязывался, но проблем особых не было. Родители волновались, а потом дядя Толя исчез и все вроде затихло, так?

— Продолжай, — я улыбнулся.

— Вот всегда ты веселишься, — брат разгорячился. — Пропадаешь неизвестно куда, у отца инфаркт был, мать с ним сидела в больнице две недели, потом этот Артур появляется, вроде их успокаивает, но ты понимаешь, что они на пределе уже? А теперь этот дом, криминальные делишки. Что дальше, Марк, я тебя отмазать не смогу, не тот уровень у меня. Друзья твои тоже, Богданов этот на кресле одной половинкой жопы сидит, того и гляди переведут куда-нибудь на Дальний Восток, Милославского уже вытолкнули, Уфимцевы прочно вроде сидели, но точно знаю, что у старшего — неприятности большие, а с такой должности просто так не уходят. Начальник его погиб смертью храбрых год назад, никто до сих пор подробностей не знает. Что улыбаешься?

— Давно у старшего Уфимцева неприятности?

— Чего?

— Ответь.

— Месяца два. А что?

— Свету вчера видел, она не сказала ничего.

— И не скажет, мы же в разных с ним ведомствах, так слух пошел. Говорят, что все службы в одну сольют, и Уфимцевым там, обоим, места может и не быть.

— Увольняться будешь?

Брат немного помолчал, словно размышляя, стоит ли мне говорить. Решился.

— Я вообще не хотел туда идти работать.

— Так чего тогда? Ты же умничка, тебя любой газпром с руками оторвет.

— Ну не оторвет, там своих дармоедов полно, но — да, предложения были. Не нравится мне, как тетя Света пропала. Все было нормально, и тут раз, и нет ее.

— В Индии что только не происходит.

— Не было ее в Индии.

— Как это?

— В общем, я залез куда не нужно залезать, и посмотрел — таможенные декларации, билеты, справки о прививках, все было задним числом оформлено. Так, с первого взгляда, и не поймешь, но если копнуть, кто когда кому написал или сделал запрос, получается, на них с дядей Есей потом документы составили, причем на обоих одновременно.

— Будешь дальше копать?

— Пока не разберусь, — горячо заявил Серега. — А то чудеса какие-то получаются.

— Это хорошо, что ты сказал, — задумчиво произнес я.

— Чего хорошего-то?

— Смотри сюда. Только спокойно.

Я вытянул ладонь, зажег над ней светляк.

— Что это, какая-то игрушка китайская с Али? — брата просто так было не удивить.

Вместо ответа я подтолкнул шар к нему.

— Потрогай.

Серега небрежно ткнул пальцем в шар, рука спокойно прошла через светляк, тот оставался на месте.

— И что это?

— Как тебе обьяснить, реалисту хренову, что твой брат теперь — волшебник, — приготовился я долго и нудно, с примерами обьяснять Сереге диспозицию.

Но тот как-то спокойно это воспринял. Порылся в кармане, достал смартфон, разблокировал какой-то файл пальцем и сетчаткой, запустил видео и протянул аппарат мне.

На экране парень в спортивном костюме и бейсболке входил в магазин на заправке — не у нас, вывеска была на английском. Следующая сьемка велась уже внутри. Покупатель прошелся по рядам, набрал полную тележку еды. подошел к кассе. Негритянка за прилавком пробила покупки, что-то проговорила, вместо ответа парень вытянул вперед руку. Огненный шарик сорвался с ладони и впечатался прямо в лоб кассирше, ее отбросило назад,

было видно, как лопнул и почернел череп. А местный маг как ни в чем не бывало покатил тележку на выход.

— Интерпол. Провисела активной четырнадцать секунд, потом ее удалили, — Сергей убрал телефон в карман, — этой записи полгода, с тех пор что-то подобное мелькает, но удаляют сразу же, из базы, и из сетей. Причем не в архивы, а начисто. Сначала думали, что это монтаж, но и записей много, и очевидцев. АНБ на ушах стоит.

— А у нас?

— Тоже. А теперь серьезно, это не фокус ты мне показал?

За что люблю реалистов, уж если они поверили, что чудо — это реальность, то так и будут к этому относиться. Ну и просто брата люблю, это само собой.

— Нет, Серега. А насчет родителей не беспокойся, сам небось замечал, что мать с отцом словно помолодели.

— Да, какой-то крем, таблетки. Им Артур привозил. Погоди, Артур — он тоже?

Я создал в воздухе незаконченную схему. Толстую и грубую.

— Видишь что-нибудь?

— Тебя вижу. Что еще?

— Хорошо. Руку вперед вытяни, — чуть ли не насадил конструкт ему на кисть. — Чувствуешь что-нибудь?

— Кончай мне голову морочить.

Вздохнул, развеял схему.

— В общем, у тебя дара нет. А у меня есть.

— Давно?

— Год.

Брат помолчал, реалистам тоже нужно преодолевать когнитивный диссонанс.

— И что, выходит, мы теперь в каком-то волшебном мире живем? — наконец спросил он.

— Бинго, мелкий.

— Я догадывался. Но одно дело, когда это кто-то и где-то, а другое, если родной брат. Может, еще что расскажешь?

Вкратце рассказал, без особых подробностей, где был и что видел. И даже кое-что показал, выведя голоэкран над столом. Вот это брата впечатлило по-настоящему.

— В голове не укладывается, — жалобно как-то сказал он. — Блин, мы тут живем, думаем, что событий в жизни полно, а теперь, Марк, получается, что вся жизнь тут по сравнению с твоими несколькими месяцами — просто ничто. Так ты, выходит, два раза жениться успел? А это законно? Мать-то знает?

— Только про первую. И — да, в разных мирах — не считается.

— Дела… — Серега вздохнул. — Слушай, надо что-то делать. Ладно я бы раньше проболтался, никто не поверил бы, а сейчас, если прижмут, как быть? Может, зря ты мне это рассказал?

— Не расскажешь. Нет, это не вредно, стал бы я тебе бяку ставить. А теперь давай спать, завтра тебе на работу, и мне тоже. Я тебя завезу.

Когда брат уснул — вот прям лег в кровать, и тут же в царство Морфея переместился, я спустился в подвал — на всякий случай, и там уже слепил огненный шар. Даже на голой силе и со съёжившимся ядром получилось у меня получше, чем у того парня с видео, а ведь умение и техники значат гораздо больше, чем просто сила и напор, но все равно, называется, нашел себе тихое местечко для спокойной, неторопливой жизни. Раз местные спецслужбы плотно и давно в курсе, затеряться-то я затеряюсь среди таких же новых хозяев жизни. Только не то это, о чем мечтал. Или то?

Белый мерседес появился ровно в семь — часы можно было сверять. Ирина вышла из машины, подставила лицо падающим снежинкам и что-то там напевала, покачиваясь. Камеры передавали четкое изображение на мониторы, и одновременно на модуль, я сначала погорячился, всю сеть наблюдения поселка на себя замкнул, но потом передумал и оставил только важные узлы.

Серега встал, как он считал, раньше меня, уже и зарядку сделал, педант, и облился ледяной водой. Вот кому служба в радость, в прадеда нашего пошел, который в 43-м пропал. Ну да, тот был старшим майором госбезопасности, считай — генерал-майор. Уверен, и этот дослужится лет через двадцать — двадцать пять, и столетний круг замкнется.

— Место тут чудное, — заявил он за завтраком, — сны странные снились. будто ты фокусы волшебные показываешь, космос какой-то. Признавайся — шмаль тут курили?

— Иногда сон — это только сон, — наставительно, на правах старшего брата, сказал я.

— Да, точно. Так что, в однушку не будешь переезжать?

— Обсудили же вчера.

Брат махнул рукой, мол, горбатого могила, и принялся есть. Сколько помню, он по суворовским законам жил, и завтрак съедал всегда сам, вместе с обедом и ужином. Вот и хорошо, иногда хочется выговориться, показать, что видел и знаешь, но так, чтобы не разболтали. Да и Сереге не повредит чуточку волшебства, заодно воспаление снял в ухе, а то, небось, мучился.

Котенок, появившийся с утра на кухне, фурора не произвел — брат ровно относился к домашним животным, считая их атрибутом жизни бездельников вроде меня. Если, конечно, они полезной функции не выполняли, мышей там ловить или дачу охранять. Тогда да, животные из домашних превращались в служебных и заслуживали миску корма. Эр-асу на равнодушие не обиделся, плотно пожрал, бодро и весело прошлепал по выпавшему снегу к машине, дал Ирине себя погладить, улегся точно на постеленную пеленку на своем козырном месте — прямо за водителем, и довольно заурчал.

Сергей, поняв, что заднее сидение ему не светит, уселся впереди.

— Смотри и учись, — сказал я котенку, — вот там надо сидеть, рядом с девушками красивыми.

— Ваш кот сегодня в отличном настроении, — заметила Ира, захлопывая мою дверь. Обошла машину, уселась на свое место, ворота как раз открылись, — мне кажется, или он чуточку подрос?

Кот открыл глаз и посмотрел на меня.

— Это карликовая пума, — решил я его позлить. — Вырастет до пятидесяти кило. И похоже, скоро, очень старается.

Ирина рассмеялась, достала из бардачка банку корма, протянула мне.

— Хочу внести свой вклад. Хотя он такой миленький, вот бы всегда таким оставался.

Кот поднял голову, оценивающе посмотрел на банку, потом на девушку, словно прикидывая, что лучше съесть. Потянулся к банке лапой, но тут уже я не сплоховал, потянул за колечко, а то вчера он когтем сардины открыл прямо пред Серегиным появлением. Я-то ко всему привычный, а как людям объяснить, еще придумать надо.

Серега сидел прямо, словно на параде, и не отрываясь смотрел вперед. Так ему казалось. Но постоянно скашивал взгляд влево, чтобы краем глаза поймать кусок симпатичной соседки. Вот как, вроде приличный человек, жизни старшего брата учит, а эмоции-то у него зашкаливают, гормоны в крови уже на пределе. Хотел было помочь ему, но передумал. Влюбится — хорошо, поймет, что такое настоящие, нерациональные чувства. Да даже пусть закадрит девушку, жизнь, это не только работа, принципы и правила, а еще и вот такие люди противоположного пола, которые лихо водят машину, задорно сверкают зелеными глазами и поправляют волосы как раз с его стороны. И у которых тоже с гормонами все в порядке, точно могу сказать, при виде меня эндокринная система Ирины такой активности не проявляла.

Всю дорогу я веселился, наблюдая, как два молодых человека стараются делать вид, будто ничего не происходит. Кот тоже фишку просек, мне иногда казалось, что понимает он никак не меньше людей, только что не говорит, и это, кстати, поднимает его еще выше над средним человеческим уровнем.

Брата мы высадили рядом с метро, по его настойчивой просьбе. Молодец, нечего девушку смущать громкими вывесками, да и с парковкой в центре проблема. А так вежливо поблагодарил, даже манерно немного, вылез, аккуратно закрыв дверь, и пошел в сторону метро.

— Это мой брат, а не голубой партнер, — успокоил я Ирину.

Та покраснела, пробормотала, что ничего такого и не думала.

— Телефон продиктовать? Как зачем? Ира, ты ведь ему тоже понравилась.

— Откуда вы знаете? — несмотря на волнение, водила девушка отлично, внутри-то все бурлит, а снаружи — словно робот.

— Я своего брата с детства знаю, — тактично ответил я. — С его детства. Он первый раз влюбился в девочку в детском саду, и поверь, ничего не изменилось. Пока та его сама лопаткой не огрела, так и ходил, только глазами сверкал.

— У меня лопатки нет, — рассмеялась Ирина. — Так что даже не знаю, что и делать.

— Он сам не позвонит, — пожал я плечами. — Вы уже не дети, я в ваши дела лезть не собираюсь, тем более что поколение другое, каждому свое. Сейчас у вас социальные сети, чаты и виртуальная любовь, это мы как-то без всего этого обходились, сотовых телефонов и то особо не было. Но вот в выходные следующе к родителям поеду, и он тоже. Могу на твоей машине, а могу приятеля попросить подбросить. Тут уж сама решай — никаких обид с моей стороны.

Девушка задумалась.

— Марк Львович, — наконец, решилась она, — а почему вы считаете, что мы друг другу подходим?

Внутренне я не то что улыбнулся — сощурился блаженно. И отвечать не стал.

Первую половину вторника мы с Настями плотно поработали — секретарша чего грустная была, потому что зарплата маленькая. Мне Светкиных денег было не жалко, прибавил, сразу во взгляде живость появилась, желание работать. Это пройдет со временем, но я и не собирался тут задерживаться, месяц, может два, сейчас-то уезжать нельзя, родители, можно сказать, только

сына обрели, а вот попривыкнут, что я снова с ними, и уеду на юга. Ласковое море, девочки, коктейли, яхту куплю. Недельку в Вегасе в покер поиграю, и куплю, биржевые деньги сами по себе, для дела, а развлечения — для развлечения. Зима в Москве не лучшее время года, похожа на холодильник двухкамерный, у которого лаз из морозилки в холодильное отделение проделали, вот и прыгаем туда-сюда, от плюса к минусу.

Посетители были стандартные, в соотношении четыре к одному. Один с серьезной проблемой, четыре — с личными, я даже Милославской-Уфимцевой позвонил, поругался, пригрозил всех осчастливить лично, если мне новую вывеску не привезут, на которой будет написано «Медицинский центр». Ну и что, что без лицензии нельзя, ее мужу все можно, вот пусть и расстарается.

С каждым часом, приближавшим нас к обеду, а потом к вечеру, Настя-доктор смотрела на меня со все более торжествующим видом. Крепилась долго, дождалась, когда жидкий поток клиентов иссяк, и наконец ее прорвало

— А вы говорили, придет, — выпроводив последнюю клиентку, желавшую снять венец безбрачия, заявила она. Студентка преобразилась, небрежно-наставительный тон давался ей все легче, даже один раз одернуть пришлось, и вот молодец — осознала и поняла. Редкое качество для женщины.

— Куда денется. Хочешь, поспорим?

— На что?

— Ну если я выиграю, ты поцелуешь нашу секретаршу.

— Тьфу на вас, — Настя натурально сплюнула. — Вот мысли у вас, Марк Львович, неприличные. Как такое подумать-то можно.

— Так ты ни разу?

— Что?

— Не целовалась?

— С девушкой — ни разу, — гордо, от того что выкрутилась, ответила студетка.

Я открыл дверь.

— Настя!

— Ау, — секретарша уже обсудила повышение зарплаты с подругами и теперь сидела еще более счастливая от чужой зависти.

— Ты с девушками целовалась когда-нибудь?

— С языком? — уточнила Настя-секретарша.

Настя-докторша покраснела как свекла.

— Вот видишь, — прикрывая дверь, попытался я ее успокоить, — она не против, если не будешь к ней со всей страстью лезть.

Только студентка набрала в грудь воздуха, чтобы достойно мне ответить, я поднял палец.

— Погоди. Ладно, спор отменяется. Сейчас. Ждем.

— Но…

— Молча. До десяти считать умеешь? Начинай. Десять, девять…

В приемной послышался шум, дверь в наш кабинет распахнулась. На счете «три». Бодрый он, однако, старикан.

Глава 8

— Что же вы, Виктор Захарович, не выполняете рекомендации лечащего врача? — спросил я вчерашнего пациента, который ворвался в кабинет, потрясая большим коричневым конвертом, и протянул его мне. — Вам же сказано было — послезавтра. Значит — в среду.

Пожилой мужчина силился что-то сказать, наконец собрался, вытянулся и отрапортовал:

— Легкие чистые.

Выдохнул, уселся на стул.

— Врач сказала, что это невозможно. Она меня уже четыре года наблюдает.

— Так надо было КТ сделать, а не рентген.

С торжествующим видом пациент полез в карман, вытащил флешку.

— Вот! То же самое. Я специально с собой Марину Валентиновну привез, можно ей зайти?

— Да чего там, пусть заходит, правда, Анастасия Ивановна?

Девушка растеряно кивнула.

А мужик молодец, деньги привез, в кармане за них держится. Реалист. Встал, приоткрыл дверь.

— Марина Валентиновна, зайдите.

Зацокали каблучки, в такую-то погоду, и в кабинет вальяжно, готовясь пригвоздить шарлатанов к позорному столбу, зашла женщина примерно моих лет, стройная, стильно одетая. Интересно, узнает или нет?

Нет, не узнала, и вообще — не на меня смотрела, а на человека в белом халате. Уселась на свободный стул, так что юбка натянулась и поехала вверх, обнажая роскошное бедро.

— Я бы хотела получить пояснения, госпожа Полянская. Каким это образом вы, закончив всего два курса института, лечите людей? Да еще и вводите их в заблуждение?

Нет, все-таки опыт — великая вещь. У Насти этой вещи не было, она растерялась, пыталась что-то бормотать про способности, экстрасенсорику и прочую чушь. Врач, настоящий врач, смотрела на нее снисходительно и с нескрываемым чувством превосходства. Дала выговориться, то есть наговорить столько глупостей и несуразностей, что все, будь они в суде, увезли бы Настюху в дальние северные края лет на восемь.

— Это все, что вы можете сказать? — наконец Настя захлебнулась, и Марина Валентиновна почувствовала, что вот он, этот момент, когда надо добить конкурентку.

— Хватит, — я похлопал ладонью по столу, — Марина, легкие у пациента чистые?

Марина Валентиновна зависла ненадолго, вглядываясь в мое лицо, потом неуверенно спросила:

— Марк?

— Ты как будто утопленника увидела, — улыбнулся я.

Бывшая Пашкина пассия, хирург из его родной больницы, вытаращила глаза так, что казалось, выпадут.

— Марк!

— Я, радость моя. Обнимемся?

Ну об этом Марину просить никогда не надо было, выдернула меня со стула, закружила по кабинету под изумленными взглядами моей подчиненной и моего же пациента.

— Ты жив! Нет, погоди, говорили, что ты жив, потом утонул, или наоборот. Где ты, что ты? Где Пашка? С ним все в порядке? Три месяца уже как не пишет ничего, засранец, совсем в своей Америке заважничал. Но ты-то, только посмотри, прям помолодел лет на десять, я тебя и не узнала. Ой, извините, Виктор Захарович. Помните в нашей больнице травматолога, Павла Анатольевича? Это его брат двоюродный. Так что ты тут делаешь?

— Я тут, Марина, начальствую.

— Ну кто бы удивлялся-то, ты вечно в какие-то авантюры лезешь. Погоди, так это вы сделали?

Марина тут же стала серьезной.

— Марк, давай без дураков, вот в присутствии пациента объясни, как вы это сделали.

Я кивнул Насте на Марину, моя студентка встала, зажгла шарик над ладонью, и точно так же, как и днем раньше, аккуратно перелила ее в грудь. Только не пенсионера, а в твердую Маринину троечку. Неожиданно Марина не удивилась, скорее — задумалась.

— Ну прям как Артур.

— Что Артур? — про то, что мой посланник поработал немного в Пашкиной больнице, я в курсе был.

— Тот тоже так лечил, только без светящихся шаров. Машку помнишь? Ну внучку Лейбы? Так он ей шрамы за день убрал. А вы, выходит, то же самое делаете?

Она достала пленки, еще раз посмотрела, подойдя к окну.

— Потеряла я пациента. И очень рада. Виктор Захарович, все у вас в порядке, как я и говорила.

— Но как они это сделали? — мужчина едва радость скрывал, ну да, еще позавчера был одной ногой в могиле, а сегодня двумя в здоровой жизни.

— Медицина дело такое, — Марина поджала губы, — иногда

люди внезапно излечиваются от смертельных болезней, будем следить за динамикой, если только симптоматика пропала, то даже это — уже прогресс. Биопсию не хочется делать, сами понимаете, любое вторжение в организм — плохо. Подождете меня в коридоре?

Мужчина кивнул, оставил на столе конверт и вышел.

— Так у меня пациентов не останется, — Марина вздохнула. — Только на повышение пошла.

Я протянул ей конверт.

— Чего это?

— Забирай. И с каждого нового будешь десятину получать. Максим там у вас еще шарлатанствует?

— Нет, — хирург махнула рукой, — выставили его, как Лейба пропал. Темное дело. Так, тут не место для разговоров, мы должны с тобой встретиться, посидеть, выпить хорошенько. Ты мне о Пашке расскажешь, я тебе о своей грустной одинокой жизни. Договорились? Телефон мой остался?

— Конечно, — я еле выпроводил бывшую знакомую. Марина была женщина безотказная, и к этому еще хваткая и жадная до глупости, ну ее нафиг. Плавали, знаем.

— Вы деньги отдали, чтобы к нам новые пациенты шли? — Настя потере заработка ничуть не огорчилась. Хорошее качество.

— Приведет еще пациентов, а то и к ней в больницу съездим. Тебе тренироваться надо. В идеале — каждый день чтобы через тебя проходил минимум десяток женщин не с бешенством матки, а с миомой или с чем-то подобным. Иначе будешь как твой друг Кеша, вслепую лечить. Да, видел его, грустное зрелище. У тебя потенциал гораздо больше. Это пока ты смотришь, что я делаю, а потом и сама так сможешь. Легко.

Девушка расцвела. Даже прям немного симпатичная стала. Может, зря я Серегу с этой Ириной свожу, вот сидит кадр перспективный, одаренная. А внешность — дело наживное, особенно для псиона, себя подправить больших усилий не надо, вон шумерские принцессы, все красотки как на подбор. И не принцессы тоже. Вспомнил Элику, вздохнул, запрятал воспоминания подальше. И принялся за нового пациента.

Не знаю, пенсионер постарался, сарафанное радио или просто точка раскрутилась, но с каждым днем пациентов прибавлялось. Поняв, что мне светит полный рабочий день, я возмутился, и поставил Свете ультиматум.

Во-первых, работаем мы шесть часов, полчаса на прием. Можно было и за минуту управиться, но как это клиенту

объяснишь, несолидно.

Отсюда во-вторых, мне нужен новый персонал, который будет вместе с Настей вешать клиентам лапшу на уши о загадочном излечении.

На оба требования Света согласилась неожиданно легко. Такое впечатление, что и Настя, и сам медицинский центр на Ленинском у нее особого энтузиазма не вызывали, приносит деньги, внимания не требует — ну и ладно. Правда, с выбором новых «врачей» пришлось повозиться, откуда-то у Милославской был кадровый резерв, правда, как она сказала, самых сильных разобрали.

Ну это, по ее мнению, сильных, а по мне, так и те пятеро, что остались, тоже задатки имели. Особенно двое, брат и сестра. Проверяли просто — Настя создала лечащую схему, но накладывать ни на кого не стала. Все пятеро смогли обнаружить, что такая схема есть, но только эти двое ее увидели. Заодно я понял, как выбирали для других салонов специалистов — по чистой силе. А для меня эта сила большого значения не имела, лечить — не планеты гасить, тут видеть нужно.

Кирилл и Дарья воспитывались в каком-то интернате, для детей с пороками развития, у всех, кого я из одаренных видел, в детстве что-то такое было. Почти всегда — головные боли, очень часто — врожденные заболевания, но не смертельные, такие, похоже, просто не выживали, вот как Вика, у той все шансы были до совершеннолетия не дожить. Брату и сестре, кстати, тоже по шестнадцать лет было, еще два-три года, и способности раскроются во всей красе, если тут, конечно, магия так же развивается, как в мире шумеров.

Кот мой выбор одобрил, причем радикально, именно Кириллу и Даше он дал себя погладить, а на остальных шипел и всем видом показывал, что вот такая компания не для него.

Так что не прошло и десяти дней, как у меня под началом было трое Видящих.

Настя ревновала немного, то она одна была любимой ученицей, а то прибавилось еще двое, и внимания, соответственно, стало в три раза меньше, но смирилась. Пробовала было недовольство затаить, но я подключил ее к обучению, даже неделя для псиона — уже шажок вперед, и дело пошло.

Три светляка, впитывающиеся в грудь — это не один, соответственно, и цена на услуги подскочила, больные к нам шли не бедные, могли себе позволить заплатить, сколько нужно. Пытались, правда, скандалить — уплачено ведь, но после светящихся шариков спесь с них слетала быстро.

Я неожиданно для себя втянулся, учил ребят, чувствительность у них троих так себе была, но и с таким материалом можно было работать. Простейшие лечебные схемы они освоили, кровь могли остановить, или боль снять, а что-то более серьезное приходилось делать самому, как там ан Траг говорил, десять-двадцать лет надо учиться, чтобы хоть какого-то прогресса достичь. Для него прогресс означал, что лекарь может человека из мертвых поднять, но от нас такое не требовалось.

В основном люди шли с простыми болячками, нормализовать работу еще действующего органа гораздо проще, чем вырастить новый, и диабет, и гастрит, и даже близорукость исчезали за три-четыре сеанса, такой промашки, как с пенсионером, я уже себе не позволял. Несерьезно это, когда раз, и вылечили. Без болей, пробежек в туалет, горечи во рту и прочих доказательств, что организм борется и выводит мифические токсины.

Работать все равно пришлось восемь часов, хотя прием основных пациентов сократился до четырех часов в день, Света была недовольна, пришлось слегка на нее надавить.

По утрам час мы занимались. Вот прям как я со своим бывшим подлецом уми, показывал ребятам схемы — только общие, никаких боевых, они друг друга резали и лечили, резали и лечили, с каждым днем все лучше и лучше, правильно говорят, что учиться надо пока молодой, я вот попал на свои пси-курсы в зрелом уже, считай, возрасте, поэтому ко всему критически относился, а это в учебном процессе главная проблема. Особенно в таком, где все на вере, считай, держится. Молодые ребята впитывали все как губки, и именно потому, что не сомневались. Чудеса — они ведь манят, это как наркотик, стоит раз подсесть, и все, не слезешь. Плюс ко всему фантастика, аниме, сказки про очкастых волшебников, аудитория была подготовленная и старательная.

Еще три часа занимали неожиданно появившиеся новые пациенты. Началось с того, что Настя привела прямо с улицы женщину с ребенком. Любому врачу не понравился бы сероватый цвет его лица, но Насте не понравились также уплотнения в его шее, после того как диагностическую схему прямо на ходу кинула — патан-то она уже прошла, и знала, что не должно такое у ребенка присутствовать. Порадовала меня девушка, мало того, что мимо не прошла, так еще и разглядела то, что другие не видят.

Вот эти три часа до обеда мы лечили детей. Настя-секретарша сначала в шоке была, как же так, бесплатники идут, но перед тем, как Свете настучать, сначала меня спросила,

поэтому осталась на работе. Стучала под контролем, когда совсем без таких вот внутренних шпионов, подозрительно. Милославская пыталась переориентироваться, и засылать богатеньких отпрысков, но их я вычислял быстро, нефиг. Понятно, что некоторые родители, особенно из чиновников, привыкли не платить, все за счет связей делать, приходилось терпеливо разьяснять политику партии. Скандалить я не люблю, убеждать — гораздо интереснее, особенно с авторитетом одним пришлось повозиться, у него на воздействие природный блок стоял, вот почти как у меня, пришлось через эндокринную систему работать, ввести в гормональный транс.

Ирина как-то незаметно переместилась в коллектив, все-таки машина с водителем удобнее, чем когда без. Даже хотел в штат ее оформить, но ни в какую девушка не соглашалась, напирала на какую-то там независимость и самозанятость. Но я-то знал, что ее Серега отговорил, у молодых людей что-то такое начало образовываться, особенно после того, как мы все вместе к моим родителям съездили, и мать ее одобрила. Мне все равно, а брату это важно было. Вот такой подкаблучник рос.

— Хорошая девушка, — сказала мама, глядя, как Ира уплетает ее пельмени.

— Отличная, — сказал отец, после того как сыграл с ней в шахматы.

— Ох, упустил ты свое счастье, — Богданов, присоединившийся к нам, был в своем репертуаре. — Но брату — святое дело, молодец.

И жена его кивнула. Только трое их детей понимали, что к чему в этой жизни, и за котом гонялись.

По всему выходило, что Серега наконец-то пристроен, и может быть, даже женится, вслух об этом не говорили, чтобы не сглазить, но контакт Иры появился в телефоне Ольги Петровны Травиной, а контакт матери — в телефоне моего личного водителя. И они даже что-то там друг другу писали. Нет, принципиально не стал ставить перехватывающую схему, точнее говоря — активировать.

За месяц скромная точка на Ленинском превратилась в раскрученное место. С десяти до часа — дети на общественном транспорте и скромных иномарках, после часа — роскошные седаны и джипы с водителями и иногда охраной. Швейцар у входа, появлявшийся только когда соответствующий контингент собирался, детей дядей у дверей я пугать не хотел. Пожарный инспектор, на которого так один из клиентов цыкнул, что тот сбежал, забыв свою папку с несоставленным грозным актом. В

общем, все как у людей. Помогать людям — тяжелый труд, но благодарный, и чего Пашка жаловался на жадность и скандальность пациентов, не знаю.

Проблемы возникали неожиданно и так же неожиданно разрешались.

Женщина, которой Настя обещала «вернуть» мужа, все сделала, как ей велели. Светящийся шарик придал ей уверенности, муж, сдавшись, вернулся обратно в семью, а к нам потекли новые клиенты с душевными болячками, пришлось студентам и их принимать, тех, что полегче. А те, что поскандальнее и повальяжнее, шли к коту. Котик отрабатывал свои консервы на все сто — шипел на больных разумом, и те моментально излечивались. Мне даже казалось, ему это нравится.

Когда вот так все гладко идет, жди беды. Народная мудрость, а народ, он на своих ошибках учился, все эти приметы выстраданы, и потому иногда сбываются.

До Нового года оставалось совсем немного, наступало католическое Рождество, и примерно в три часа ночи меня тряхнуло. Сильно, аж выгнулся, кровь пошла из глаз. С двумя взаимно гасящими друг друга полями что-то происходило, в энергетическом плане это было похоже на северное сияние. Всполохи шли один за другим на протяжении почти минуты, а потом резко все успокоилось. Сознание я все-таки потерял, очнулся, когда липкий теплый язык слизывал кровь с моего лица. Котенок, убедившись, что я пришел в себя, мяукнул и жалобно на меня посмотрел. Ему тоже было не по себе.

Я машинально проверил ядро, и прифигел — оно почти восстановилось. Теоретически это было невозможно, немагический мир дает псиону сущие крохи, на которые если только повелители могут хоть как-то существовать. А тут прямо щедрый дар, и от этого становилось страшно. Хоть и пренебрегал я теорией, а учебников по пси не было, но все равно, что-то отложилось. Этот мир явно эволюционировал, дрейфовал в магическую сторону, так трясти его будет еще лет сто-сто пятьдесят, потом пси-фон станет более-менее равномерным, как раз народится поколение со способностями, магия и волшебство прочно войдут в повседневную жизнь, общество как расслаивалось на бедных и богатых, так и останется, только богатыми станут одаренные. Всплески должны были происходить, но небольшие, то, что случилось, было, что говорится, из ряда вон.

Проверил модуль — там висел красный символ.

«Доступ в систему закрыт».

Потыкался, и так пробовал, и так — все функции, кроме перемещения, работали нормально. Призрачный клинок спокойно появлялся в руке и исчезал, золотые пластины — тоже. И остальное нажитое имущество.

Котенок, увидев меч, немного успокоился, потерся о рукоятку, отчего лезвие окутало голубоватое сияние, и потребовал еды. Пришлось идти с ним на кухню, чтобы животинка могла стресс заесть — самостоятельно добывать себе еду в холодильнике он отказывался напрочь.

По лестнице идти было лень, просто телепортировался, если раньше, с усохшим ядром, перемещения вызывали сложности, то теперь все получилось легко и непринужденно. Так что прыгать я мог, вот только в пределах двухсот-трехсот метров, в одном мире.

С утра еще отец позвонил. Вот точно — беда не приходит одна.

— Марк, ты дядю Гену помнишь? — спросил он.

— Ага, — я собирался на новую работу, мерс с хорошенькой водительницей уже ждал на площадке возле ворот, — он же помер четыре года назад?

— Представляешь, а я вот сегодня проснулся, и твердо уверен, что он жив и в прошедшие выходные был у нас в гостях. Извини, что беспокою, просто словно я, и не я.

— Небось опять пельмешек переел вчера? — подколол я отца. Пельмени он обожал, и лопал в любых количествах. — От мяса с тестом и не такое приснится.

— Да ну тебя, — отцу уже и самому было неудобно, что позвонил по такому пустяку, — что матери сказать, когда приедешь?

— В выходные, — пообещал я. — Вы там поосторожнее с едой, но закусывать не забывайте.

Как-то все одно к одному нехорошо складывалось. И резонанс этот, и отказ системы переноса, и наведенные воспоминания ложные.

С воспоминаниями этими понятно, значит, какой-то мир, в котором дядя Гена был еще жив, с нашим слился, может быть, даже не один. Ну да, я ж теперь тут, держу реальность как якорь, а остальные к ней прибиваются. Много людей сегодня проснутся и будут жаловаться на оживших и умерших родственников, кто-то пойдет на работу, а окажется, что трудится он совсем в другом месте, хотя это в крайних случаях. А так — выключатель не там начнет искать, или в тумбочку за презервативами полезет, а они всегда на полке лежат. Ан Траг говорил, что есть целые пласты

реальности, которые не могут найти место в новой, откалываются и собираются в какое-то подобие отстойника. Но это только теория, ее никто так и не проверил. У этой мудрой сволочи вообще теорий было дофига, любил всякое дерьмо на уши вешать.

— Что скажешь? — я присел перед котенком на корточки, погладил по голове. Котейка тут же упал на спину, подставляя живот. — Слушай, коты не любят, когда им животы гладят.

Котику было плевать, он — любил. И на мир этот, после того, как пожрал, явно тоже было плевать, никакого беспокойства больше не высказывал, красные кристаллы стягивать с блюдца не тянул и рук ничьих не откусывал.

Глава 9

Католическое Рождество в этом году пришлось на пятницу, клиентов уже в начале недели стало ощутимо меньше, богатые буратинки покидали родную страну и отправлялись в теплые края.

Больные дети на юга не ездили, не было у родителей большинства из них на это денег. Хорошо хоть на еду и одежду хватало, Настя с близнецами порывались материально помочь, но я не разрешал. Всем не поможешь, а дать кому-то в обход других — не слишком хорошо, на мой взгляд. Вот игрушки бесплатные — пожалуйста, конфет — хоть килограммами, каждому дарили, или котика погладить, тот любил.

— Настя, ты сегодня ничего необычного не почувствовала? — ночное происшествие меня сильно беспокоило. Не отпускало чувство, что произошла какая-то катастрофа.

— Нет, — девушка, освоившая схему общего каркаса, была этим увлечена, но начальству положено отвечать, что бы не делал. — Обычное утро.

— Успехи как?

— Все так же, — девушка продемонстрировала мне схему. Нет, прибавки сил у нее не произошло

Равно как и у близнецов. Значит, только у меня ядро скакнуло так. Что приводит к неприятной мысли, что-то во взаимодействии миров нарушилось. Адаптация моих способностей должна была проходить плавно, минимум год, а скорее всего два ядро бы восстанавливалось. И тут одним скачком, до прежнего состояния. Радоваться надо, только вот причин для этого было маловато.

— Остались мы с тобой, похоже, тут одни, — пожаловался я коту, закрывшись у себя в кабинете. За месяц котенок подрос, и приблизился по размерам к обычному черному дворовому коту, которому не везет. Но по телосложению все таким же котенком оставался, только теперь очень крупным. Отъелся — нам деньги несли, а ему кошачий корм. Призрачный кот жрал все подряд — вискас, проплан, элитные корма по несколько тысяч за кило, сырую печенку, один клиент приволок икру черную — и ее слопал с удовольствием.

Блохастый подошел, лениво потерся головой об ногу, мяукнул, вопросительно посмотрел.

— Глупо, — произнес я, — но я уверен, ты меня понимаешь отлично. Ты можешь исчезнуть, а потом появиться?

Кот вздохнул совершенно по-человечески, исчез, через

несколько секунд появился снова, покачал головой, протопал к батарее и улегся на нее.

— А в другой мир переместиться? — не унимался я, удостоившись презрительного взгляда. Больше кот на меня внимания не обращал. И ответа я так и не получил.

Вышел в коридор — Ира и Настя, две подруженьки, чесали языками. Ира-водительница и Настя-секретарша, общие интересы они быстро нашли и теперь свободное от работы время во время этой самой работы проводили вместе, правда, не каждый день — только по понедельникам и пятницам, в другие дни у Иры днем были свои дела. Сидели, смеялись, обсуждали мужиков — Настя своего мужа и любовника, Ира — Сергея, с которым у нее до сих пор платонические отношения были. Каждой было что другой рассказать.

— Марк Львович, — секретарша решила, что я в хорошем настроении, — а вы нас на праздники отпустите?

— Какие праздники?

— Ну перед Новым Годом. Там целая неделя.

— Подумаю, — я достал телефон, ответил на звонок.

Звонила Света, просила приехать срочно. Голос у нее какой-то странный был, напряженный, и телефон не определился. Так что подружек пришлось разлучить. По предновогодней Москве то еще удовольствие ездить, пробки, грязь и патрули, но мы, как ни странно, домчали быстро, был у Иры такой талант — дорогу самую короткую выбирать, через дворы, по каким-то закоулкам, словно она за рулем родилась.

Салон на Козихинском был закрыт, перед входом стояли две машины — черный Порш и такой же черный Гелик. Значит, хозяин с сопровождением пожаловал, Светкиного мужа машина. И охранника у входа я уже где-то видел.

— Леня?

— Я, Марк Львович. Ну и память у вас.

— Не жалуюсь. Что там?

— Ждут вас.

— Хорошо, сейчас машину отпущу, и подойду.

Центнер с гаком Лени чуть наклонил голову, отошел обратно к двери.

— Ира, может так случиться, что сегодня вечером я занят буду. Хочешь, езжай.

— Нет, я подожду, — Ирина мне улыбнулась. — Работа есть работа.

Достал кота и направился к входу. К тому, что я с черным приятелем везде хожу, все давно привыкли. Только вот Леня дернулся, но ни слова не сказал.

Вот только Милославской внутри не было. Рядом с полковником Уфимцевым стояла высокая, почти с меня ростом черноволосая девушка. Тонкие черты лица, аристократические — это у нее от матери. А вот характером вся в отца пошла. И никаких следов безудержных рыданий.

— Юрий Георгиевич, мое почтение. Катя, привет, — помахал я рукой. Близко не подошел, если что, котом защищусь, но все равно. Осторожность не помешает.

— Привет, Марк, пойдем, поговорим.

Уфимцев-младший махнул мне рукой, мол, давай, поторапливайся, и мы пошли к Светиному кабинету — он впереди, я с котом — за ним, а Катя замыкающей. В салоне кроме охраны ни души, посетителей нет.

Мы уселись у Светы в кабинете, ее муж занял ее же кресло, Катя рядом с ним, прямо попой на стол. Уфимцев медлил, наконец разродился.

— У нас неприятности, Марк. Салоны закрываем.

— Надолго?

— Не знаю. Слушай, дела нехорошие идут, тебе все знать не надо. Как твои ребята?

— Которые работают? Справляются.

— Даже не знаю, как сказать.

— Я их увезу, — улыбнулся я.

— Знаешь что-то? — вскинулся Уфимцев.

— Юра, я ничего не знаю, — успокоил я старого знакомого. — Но раз так все серьезно, значит, надо на матрасы, как там в «Крестном отце». Света где, ребенок с ней?

— Улетела утром вместе с мелким и Катиным сыном, я просил ее тебе позвонить, как долетит.

— Умно. Катя?

— Я сама о себе позабочусь, — вскинулась девушка.

— Замолчи! — рявкнул всегда спокойный Уфимцев, и ладонью об стол долбанул. — Короче, в моего брата сегодня рано утром стреляли. Похоже, какой-то передел власти готовится спонтанный. Ответь мне, только честно. Ты знаешь, где Артур?

Раз просят честно, почему бы не сказать.

— Предполагаю.

— Связаться с ним можешь?

— Нет. Вообще никак.

Полковник выругался.

— О Кате я позабочусь, — спокойно сказал я. — И о ребятах, которые у меня работают, тоже. Да и тебе из Москвы надо убраться куда-то.

— Без тебя решу, — взвился Уфимцев. — Извини, день такой. Артур этот кашу заварил, а нам теперь расхлебывать. Где его носит столько времени.

За окном что-то сверкнуло, через несколько секунд раздался грохот.

— Возьмешь Леню с собой, — продолжал полковник как ни в чем не бывало.

— Хорошо, и Гелик возьму, а то мне ребят не на чем везти, — я встал. — Катя, идем.

— Папа, — та беспомощно посмотрела на Уфимцева.

— Иди, не беспокойся. Отобьюсь, — вымученно улыбнулся тот. — Ты извини, Марк, что приходится вот так на тебя взваливать. Здесь сейчас самое безопасное место, но через час-два — не уверен уже. Так что давайте, валите отсюда.

Мы с Катей быстрым шагом вышли из бывшей гадальни, я усадил кота на переднее сидение, тот недовольно заурчал, но смирился с понижением статуса. А Катю засунул на заднее, рядом с собой. Леня было дернулся, чтобы к себе пересадить, но я головой покачал, показал ему, куда едем, велел держаться как можно ближе.

— Ира, гони обратно. И побыстрее.

Девушка без слов газанула, хоть и задний привод, но машина дорогу держала, мы снова какими-то закоулками вырвались из центра и помчались через Большой каменный к салону, пока еще открытому. Звонить я туда не стал, чего людей раньше времени пугать.

— А чего он сам тебя ко мне не послал? — задал я Кате резонный вопрос.

— У подружки была, телефон разряжен, только полтора часа назад связались, — та, похоже, всхлипнула.

На перекрестке Ира проскочила практически на красный, Леня держался за ней, как приклеенный. До салона мы домчали минут за десять, несколько раз по пути попадались вот примерно такие же кортежи, или машины с сопровождающими, или два-три микроавтобуса, черные — власть любит черный цвет.

В салоне все было спокойно, даже клиентка была, но уже уходила.

— Девочки, мальчики, собираемся, — я хлопнул в ладоши. Ира с Катей и котом остались в машине, нечего им тут делать. Выгреб из сейфа деньги, протянул одну пачку секретарше.

— Твоя премия. Мы уезжаем, через час закрой все, встретимся после праздников.

Радостная Настя даже спрашивать не стала, куда это мы

сваливаем, полезла обратно в телефон.

Другая Настя и близнецы собрались быстро, вопросы так и сыпались.

— Практические занятия, — обьявил я. — С выездом на природу. Предупредите кого надо, что может быть, заночевать придется.

Настя-студентка жила с бабушкой, родители-фрилансеры в России уже три года не появлялись, а близнецы были сиротами, из приюта, с ними вообще все было просто. Жили в салоне, благо комнат было свободных с запасом, им собраться — только вещи в сумки покидать, и предупреждать, кроме меня, им было некого.

— Ой, — Настя прижала ладошку ко рту.

Мы вышли и стояли на крыльце, я впереди, слева — Настя, а позади, прижавшись друг к другу — близнецы.

Леня лежал на снегу, вывернув голову, и держа руки на затылке. Дышал, значит, глупостей не делал. Кати видно не было, зато других действующих лиц прибавилось. Напротив крыльца стояла Ирина с пистолетом в руке, опущенным вниз, рядом с Геликом припарковался черный микроавтобус, два автоматчика в черных шлемах и бронежилетах держали нас на прицеле, еще двое контролировали подьезды. Как раз в эту минуту показался запоздалый клиент, ему махнули каким-то удостоверением в лицо, молодец, мозги на месте, сразу развернулся и уехал.

— Марк Львович Травин, вы задержаны, — сказал один из бойцов, приподняв забрало. Но близко не подходил.

Я улыбнулся.

— Садитесь в минивэн, — Ира махнула пистолетом в сторону черного микроавтобуса. — Вы трое.

Настя дернулась, я ее остановил.

— А то что?

— Будем вынуждены применить оружие, — спокойно обьяснил боец. — Садитесь, мы только зададим вам несколько вопросов.

— Леня, с тобой все в порядке? — не обращая внимания на держащих меня на прицеле, я подошел к охраннику Уфимцева, сел рядом с ним на корточке.

— Да, Марк Львович, простите.

— Ничего, — я похлопал его по спине, да, здоров как бык. Крошечный символ сполз с моей руки, встал рядом с предыдущим. — Вставай, только медленно, руки на виду, и иди к машине. Давай, давай.

Подошел к мерсу, убедился, что кот по обыкновению спит — уже на заднее сидение перебрался. Повернулся к Ирине.

— И как это понимать?

— Так и понимать, что вы задержаны, Марк Львович, — Ира подняла пистолет, — и без глупостей. Эта курица и два киндера — в микроавтобус. Вы со мной в мерс.

— У нас вообще-то правовое государство, — напомнил ей я. — Ордер там на арест, или еще какая-то бумажка у тебя есть? Нет?

— Время тянет, — боец с поднятым забралом подошел к Насте, протянул руку.

— Оторву, — предупредил я. — А ты говори, что тебе действительно нужно, и расходимся.

— Во-первых, эти трое едут с нами.

— Нет, Ира, эти трое едут со мной. Хотя знаешь, если хочешь, и ты тоже езжай.

— Не слишком ли ты самоуверен, Марк Львович?

И уставилась на плазменный шарик возле своего лица.

— Вот точно такой же я создам в твоем мозгу, — пообещал я.

— Это невозможно, — неуверенно сказала Ирина.

Ну хоть кто-то не поверил!

— Ну что, едем? — Ира, похоже что-то решала там у себя в голове, решил поторопить ее.

— Как скажете, эн-телу, — шумерский аналог слова «шеф» девушка практически без акцента произнесла, вот что значит дрессировка. И поклонилась правильно.

— Ну вот и отлично. Настя, детки, бегом в Гелик. Да, вот в этот черный джип. Леня, вести можешь? Держишься сразу за нами, а твои бойцы — за ним. Катю обратно в мерс. Чего встали, шевелимся.

Бойцы дождались подтверждающего кивка Ирины, быстро вытащили Катю из минивэна, разрезая на ходу стяжки на руках, передали мне на руки, прикосновения — это так важно. Проследили, чтобы в Гелике все заняли свои места, сами уселись обратно в мультиван. Мы уже сидели в машине.

— Поехали домой, — махнул я рукой. — Все разговоры потом. Телефоны — на место.

А то Катя порывалась что-то сказать, и кому-то позвонить. Вот парни в мультиване, тем приказа было достаточно. Да и со связью теперь в машине было не очень.

На вьезде в поселок вопросов не задавали, охранник только удивленно присвистнул и головой уважительно покачал, мол, растет Марк Львович, с таким сопровождением теперь ездит.

Когда дядя Толя строил коттедж, то в голове держал возможность сабантуев, так что места на парковочной площадке с

запасом хватило всем трем машинам, из микроавтобуса выглянул мужчина в аляске, поглядел на Иру, та — на меня.

— Никого не впускать, — распорядился я. — Двое у ворот, остальные — сами разберетесь. Погреться захотите — вот, видите баньку, можете там располагаться.

Настю, Кирилла и Дашу я сразу загнал в подвал, благо в бильярдной телевизор с приставкой стояли, будет чем детишкам заняться, предыдущий жилец прям фанатом всяких бегалок был, или как их там, платформеры, кажется. И кота попросил посторожить, вроде как подежурить около него. На самом деле — наоборот, но начинающим псионам об этом знать не нужно. А мы собрались на кухне, за большим обеденным столом.

— Так, уселись? Отлично, сразу скажу, где Артур и появится ли он здесь вообще, я не знаю. Но скорее всего, очень далеко и никогда.

Ира вскинулась, потом грустно повесила голову.

— Катя, можешь старшему Уфимцеву то же самое доложить.

— Я не стукачка, — гордо ответила моя бывшая.

— Стучать — это когда тайно, а когда просят — двойной агент, — объяснил я ей разницу. Ира!

— Да, эн-телу. — как-то слишком спокойно ответила та. Эх, Артур перестарался с блоком, придется убеждением действовать.

— Тебе Артур какие-то инструкции оставлял на тот случай, если его не будет?

— Нет, — Ира покачала головой. Не соврала.

— Катя?

— Я откуда знаю, — взвилась девушка. — Он мне вообще ничего не сказал, просто исчез. Чем он здесь занимался-то хоть?

— О, — улыбнулся я, — Вот Ира знает. Артур тут был занят делом, он создавал армию. Его друзья думали, что это армия — их собственная, но ошибались. Стоило командиру исчезнуть, причем, похоже, не ему одному, и эта армия пошла вразнос.

В центре Москвы, рядом с ЦУМом, стоял скромный молодой человек в черной вязаной шапочке, пуховике и кроссовках на босу ногу, прям по нынешней моде. Вокруг сновали люди, кто-то просто шел мимо, кто-то важно выходил из магазина с пакетом, а кто-то спешил туда, чтобы потратить много денег на понтовые вещи. Молодой человек раскачивался с пятки на носок, потом рассмеялся хриплым каркающим смехом, развел руки в стороны, растопырив пальцы. Кое-то обернулся, один, мужчина в возрасте, даже покрутил пальцем у виска, мало ли какие городские сумасшедшие.

Кому такой жест понравится? Вот и молодой человек

прекратил смеяться, выругался, и с его пальцев в сторону обидчика ринулись десять маленьких сверкающих шаров. Люди и охнуть не успели, как они окутали пожилого мужчину, и свободно проникли через одежду. Тот заорал, сначала он неожиданности, а потом от жуткой боли, пытаясь выковырять из тела жгущие сгустки. Никто не бросился помочь, многие достали телефоны и начали снимать происходящее.

Молодой человек довольно улыбнулся и хлопнул в ладоши. Сверкающие шарики закрутились, перемалывая тело вместе с одеждой, и меньше чем через полминуты на тротуаре осталось только черно-красное месиво. Прохожие ломанулись в стороны, молодой человек смешался с толпой и растворился в ней.

В винный магазин зашла девушка, совершенно обычная, с волосами, забранными в хвостик. Выбрала две пачки чипсов, упаковку баночного пива и встала в очередь. Та двигалась медленно, все-таки предпраздничные дни, люди готовили свою печень к предстоящим подвигам. Затычки в ушах, девушка покачивалась на месте, стоящая позади нее пожилая женщина грубо толкнула в бок.

— От поразвелось вас, шлюшки малолетние, ты что, не видишь, что очередь движется? Давай, шевелись.

Девушка улыбнулась неожиданно широко.

— Торопишься?

— Твое какое дело! И что ты мне тыкаешь, не доросла еще.

Вместо ответа девушка сложила ладони рупором и дунула в сторону обидчицы. Та хотела было довысказать все, что думает об этой шалаве, но от ладоней отделилась светящаяся петля, медленно полетела в сторону женщины. Та прервалась на полуслове, наблюдая за приближающимся обьектом, рукой махнула, чтобы отбить, но кисть свободно прошла через дымчатый круг. Петля прошла через горло, затормозила и стала стягиваться, только теперь уже плоть не проходила через нее, а наоборот, удерживалась. Женщина захрипела, попыталась стащить с себя петлю, но пальцы свободно проходили через светящуюся ленту.

Девушка, все так же улыбаясь, щелкнула пальцами, лента резко сжалась, и кровь брызнула из шеи в разные стороны. А потом голова, словно отрезанная, упала на пол. Тело секунду продолжало стоять, но без головы потеряло равновесие и тоже рухнуло прямо в охреневшую очередь. Двое малолеток, снимавших все это на телефоны, довольно завизжали. Девушка сделала в их сторону книксен, и спокойно вышла, в суматохе не заплатив.

Парень лет пятнрадцати позвонил в дверь, сначала долго не открывали, потом створка распахнулась, и наружу выглянула широкая красная морда.

— А, явился. Что там у вас, в интернате, не могут вам новый год устроить, обязательно домой припираться?

— Кто там? — закричали из комнаты. Слышался смех, визги какие-то.

— Твой выблядок, — заявил мордатый. — Приперся нам праздники портить.

В коридор выглянула раскрасневшаяся и очень пьяная жещнина.

— Ой, Коленька, это ты. А мы не ждали.

В комнате загоготали, потом появилась рука, затаскивая женщину обратно.

— Ты иди на кухню, — вяло и неохотно отбиваясь, женщина махнула рукой, — там еда осталась, поешь. Ладно?

— А ну заткнись, — мордатый врезал Колиной матери в живот кулаком, — достал уже твой гаденыш. А ты пошел отсюда, может сдохнешь где.

— Это же ребенок, — жалобно, но очень неуверенно сказала женщина, и тут же получила еще один удар.

— Еще раз ее тронешь, убью, — совершенно спокойно сказал парнишка. Казалось, он рассматривает происходящее со стороны. С очень далекой стороны.

— Ты? А ну пошел вон, ублюдок, — мордатый размахнулся, чтобы ударить, и повалился на пол. Из его глаза торчала сосулька. Она сразу же начала таять, казалось, кровавые слезы появилсь на щеке.

Парнишка усмехнулся, аккуратно отодвинул опешившую мать и прошел в комнату. Оттуда сразу донеслись крики, стоны, звуки бьющейся посуды и падающих тел.

Глава 10

— Ваш организм сам себя защищает, — трое мальчишек, Настя и еще одна девочка с недоверием смотрела на плазменые шарики над ладонями. Из того, что я видел на записях, которые мне подогнала Ирина, а точнее, через нее — ее начальство, Артур тренировал будущих пси-бойцов олдскульным методом, когда схема перемещается через пространство, а не телепортируется.

Количество одаренных было сравнительно большим, и в то же время мой предшественник фокусировался только на полусотне, наверное, именно столько перспективных Видящих он нашел, из чего я сделал вывод, что Настя и близнецы послабее будут.

Правда, было еще несколько интернатов для детей-сирот, родители часто отказывались от детишек с пороками развития, а после резонанса, который, как я предполагал, возник год назад, способности именно у них пробудились. Таких интернатов было три, один — в Москве, другой — рядом с моим родным городом, и третий где-то в Сибири. Два из них подгребли московские службы, а тот, что в Сибири, достался местному отделению, там из рук такой ресурс выпускать не собирались.

После того, как Громеш исчез, спецслужбам удавалось поддерживать порядок, но недолго, аккурат до Нового года. Трех месяцев было достаточно, чтобы решить, что теперь их никто не контролирует, и каждый старался урвать кусок для себя.

Вот только подросшие псионы думали иначе. Многие из них выросли в детдомах, жестокость и чувство неполноценности сопровождали их всю сознательную жизнь, а тут в руках такая власть, разве подросток удержится, чтобы ей не воспользоваться. Да, против автоматов и тренированных бойцов у них шансов мало было, пока будешь огненный шар создавать, в теле уже сотня дырок появится неизлечимых, но навыки выживания никуда не делись. Многих удалось запугать, и за них сейчас шла борьба. А независимых потихоньку уничтожали. Хорошо хоть детей пока не трогали, но будут подрастать — тоже в дележку пойдут, тут кто первый успел, тот и сливки снял.

Такое не только в России происходило, выделялось еще три региона, где проявления местной магии успешно подавлялись, значит, шумеров тут было минимум четверо. И все они исчезли. Предполагаю, что в мирах Оранжевой сейчас жарко. Вон, даже система отключилась, Эреш-кигаль проснулась и заблокировала реальности. Или только меня?

Наша пестрая компания жила в моем доме — охрана оккупировала баню, я их хорошо понимаю, три небольшие спальни наверху и маленький бассейн с сауной, комнатой отдыха и камином внизу. Ребята, похоже, обрели работу мечты. Леня к ним прибился, и пришелся ко двору. Налаживал межведомственные контакты.

Ира вела себя корректно, своих подчиненных контролировала, в мои дела не лезла, заняла комнату для прислуги и прекрасно там себя чувствовала. Уезжать отказывалась наотрез, мол, один начальник ушел, да здравствует другой.

А вот Катя, после известия о том, что ее принц ускакал вместе с белым конем, и больше не появится, неделю ходила с красными глазами. Потом раз попалась мне на глаза в одном только полотенце, вроде как из душа, второй… Да я еще ей сказал, что сережку ее в спальне нашел. Пришлось пойти, показывать, где она там валяется. Допоказывался. Люблю с детства второй раз на одни и те же грабли наступать.

Государственные люди, хоть и передрались, со своей работой справлялись успешно — население о том, что теперь жизнь кардинально изменилась, и не особо догадывалось. Ролики в интернете набирали миллионы просмотров, но их было так много, что в реальность происходящего мало кто верил. Кино постаралось — супергероями мало кого удивишь, но все точно знают, что это только вымысел.

Ролики мой модуль аккуратно анализировал, отделял настоящие от фейковых, уровень местных колдунов был невысок, количество — не такое уж большое, тем более что многие умирали по глупости, кто-то обрушивал стены прямо на себя, или взрывал машины, не умея защищаться от взрыва, или пытался левитировать, но силы иссякали в десятках метров от земли. Прямо дарвиновский отбор шел, выживали самые хитрые, умные и осторожные.

Латинская Америк и Африка со своими культами приняла будущих хозяев жизни в свое общество, появились новые колдуны, шаманы и пророки, их даже спецслужбы и армия не трогали, разъярённая толпа взвод морских пехотинцев на клочки в момент порвет. Год-два, и постепенно все привыкнут к тому, что сосед может разжечь камин, вытянув палец, или сожжет чужую машину прямо с балкона, если вдруг сигнализация ночью ему помешает. Но это потом, а пока народ праздновал новогодние праздники, бухал, отдыхал и веселился.

То, что на меня не наезжали, было делом времени. Жест

Уфимцевых, фактически отдавших Катю в заложницы, я оценил. Юра, ее отец, тот попроще был, что брат скажет, то и делал, а вот Игорь Григорьевич, после покушения выживший и собравший вокруг себя сильную команду, наверняка какие-то планы насчет меня имел.

А что, я не хуже других, если подумать, так даже лучше. И поэтому собственную армию создал. Ну как армию — отделение, и то неполное. Настя-то по жизни одинокой была, с ней особо и на курсах никто не дружил, а вот близнецы нашли друзей из интерната — тех, кого удалось. Такого же возраста, жаль, конечно, что не постарше, способности раскрываются с возрастом, но и потенциал больше. Семен и Света тоже видели бору, так что теперь у меня было пять Видящих — по меркам этого мира серьезная сила, надо только грамотно ее приложить. Вот этим мы и занимались.

— Схему построили, переносите внимание на цель, и мысленно линию чертите, от себя до точки воздействия, — ребята попались способные, схватывали на лету, схемы уже меньше чем за минуту строили. Я бы с большим удовольствием учил их лечить, но, к сожалению, всему свое время, время убивать, и время врачевать, время разрушать, и время строить, время собирать камни, и время их складывать. Время рождаться. И совсем не время умирать.

— Да, представьте, что тянете к себе. Молодцы, — разложенные предметы оказались в руках у моих студентов. — Вот так и продолжайте. А я пойду, вздремну. И не забывайте гладить кота.

— Конечно, уми, — пятерка поклонилась. Пока они меня боготворят, потом будут просто уважать, потом критически оценят, разочаруются и пойдут своим путем. Если я им это позволю. Все-таки изначальная магия, символы эме-галь, гораздо эффективнее обычных схем, когда дело касается точечных незаметных воздействий.

Кот остался с ребятами, ему нравилось смотреть, как они стараются. Нравилось, когда его гладили искрящимися руками. И чувство было обоюдным, после поглаживаний у детишек все гораздо лучше получалось.

— Капитан, к вам посетители, — связалась со мной охрана. Сначала посмеивались, но после того, как я военник показал, привыкли. Между собой звали пиджаком, в лицо — капитаном. Как говорил Изя в одном известном анекдоте, «когда меня нет дома, они меня там могут даже бить». Только Ира ни в какую, так и звала шумерским шефом.

Сергей приехал не один, из его потрепанного хэтча вылез представительный выбритый почти налысо мужчина, покосился на бойцов, головой покачал, начал что-то брату выговаривать. Тот, молодец, не тушевался, отвечал уверенно.

Гости уселись в гостиной на диван, старший — вальяжно, а брат — напряженно. Ира зашла, встала за моим креслом.

— Владлен Павлович Серов, — представился бритоголовый. — Гляжу, наша предательница со своей командой теперь у тебя?

И в сторону Иры кивнул. Та слегка побледнела.

— Насколько я знаю, капитан Белова до сих пор в штате состоит, — мне такие подколы были до одного места.

— То-то и оно, — Серов поморщился, — и ведь уволить не можем, Марк Львович.

— Так чего увольнять-то ее, докладывает она регулярно, — я усмехнулся, — ситуацию под контролем держит.

— И это ты знаешь, — вот за что не люблю всех этих властьимущих, на «ты» покровительственное переходят почти сразу. — С одной стороны, хорошо, а с другой — договариваться-то сложнее придется. Вот брат твой, работает на благо Родины, брал бы ты, Марк, с него пример. От Уфимцева кусок с магами отхватил, у меня — бойцов вон с Беловой, жирные кусочки, страна с тобой поделилась, надо бы и для страны что-то сделать.

— Конкретное что-то?

— Нет, — Серов прищурился. — Так, мосты навожу. Ситуация смешная, понимаю, государственные службы с частными лицами договариваются.

— Когда генерал Уфимцев вот также мосты наводил, не смеялся, — слегка осадил я генерала.

Генерал Серов поглядел на кольцо на мизинце.

— Не врешь. Пока еще ни слова не соврал. Или этот гребаный амулет не работает, или ты правда на чистом везении вылез. Объяснишь, как тебе удалось колдунов подчинить?

— Добрым словом, — пожал я плечами. — Я о чувствах к Родине не разглагольствую, кормлю их, воспитываю, разрешаю любимым делом заниматься. Белова вот следит, чтобы не шалили.

— Странный ты тип, Марк Львович. Ладно, я чего твоего брата привез, он теперь с тобой будет на связи официально, на эту вот девушку особой надежды нет, а ему ты доверяешь. И мы, кстати, тоже.

— Ты, Владлен Палыч, загадками говоришь. Давай напрямую, чего хочешь-то?

— Пока — ничего, — собеседник легко пережил «тыкание». —

Ты, если не в курсе, не один такой, у кого способные ребята оказались. Сейчас пытаемся их собрать, где они сами по себе, или вразнос пошли, один разговор. А у тебя прогресс, дисциплина, значит, секрет какой-то знаешь. Тут или перестрелять всех, или дать видимость свободы. Сам понимаешь, что дернуться тебе в сторону никто не даст, а под надзором можешь пользу принести, и себе, и ребятам этим, и нам.

— Неубедительно, — улыбнулся я.

— Ну и приятель твой, Артур Громов. Вернется же когда-нибудь. А начальство его, скажу тебе по секрету, до усрачки боится. Его и приятеля, который с ним исчез.

— Какого? — Уфимцев ничего мне о других не говорил, а тут прям источник информации вылез.

— Вот! — Серов палец поднял. — Видишь, есть у нас чем обменяться. Мы тебе информацию кой-какую подошлем, а ты в случае чего советом поможешь, или еще чем. Ну и по мелочи — деньги там, проблемы решить — без вопросов, за нами сила.

— А чего тогда на службу не предлагаете пойти?

Серов расхохотался.

— Ты, Марк Львович, под дурачка-то не коси. Нам еще из-за тебя передраться не хватало. Про частные военные компании слыхал? Там, — и он показал пальцем в потолок, — было решено, что одна такая будет у тебя. И это, прости, не обсуждается. Ладно, познакомились, руки пожали, подружились, да?

— Ага.

— А это тебе, подарок, — Серов протянул руку, Серега достал из планшета тонкую пачку бумаги, отдал начальству. А оно — мне. — Посмотри, будут соображения, поделись. Сергея я к тебе периодически посылать буду. А то непорядок, вон, дочка младшего Уфимцева у тебя сидит, а от нас нет никого. Да, капитан Белова, никого.

— Благодарю за доверие, товарищ генерал, — я встал.

— Ну-ну, капитан Травин. Кстати, от Минобороны к тебе приедут, на действительную службу пригрозятся призвать, на меня можешь сослаться.

— И на Игоря Григорьевича.

— Подсуетился уже, да? — Серов пожал мне руку, на бумаги кивнул. — Будет настроение, скажешь просто «да» или «нет».

— Эн-телу, — Ира подождала, пока гости уехали, — я виновата.

— Ох, Белова, мало тебя Артур порол.

— Он никогда! — аж взвилась девушка.

— Верю, — я листал бумаги, скорочтение — великая вещь.

Набрал оставленный номер телефона, даже аппаратом не воспользовался, зачем, если модуль надо тренировать, иначе закиснет, паразит, — да, Владлен Палыч, так все и будет.

Первый листок был полностью посвящен Артуру и таинственному отцу Никодиму. Даже аргументы приводились за параллельные миры и за инопланетян. Другие реальности победили. В последнем абзаце то, что и я где-то побывал, и Пашка туда исчез, и тетя Света с Лейбмахером, под сомнение не ставилось. Ладно, значит, концы исчезновения материной сестры надо у Громеша искать, если вдруг встречу когда-нибудь.

А потом анализировалась ситуация с одаренными. Изначально было три варианта.

По первому, предлагалось всех одаренных уничтожить, одномоментно. В том числе и детей. Это решило бы проблему на время, но предполагалось, что рождение людей с даром — вопрос решенный, и рано или поздно с ними придется считаться.

По второму, предлагалось оставить небольшое количество — на племенное разведение и для обслуживания власти, чиновникам хочется жить долго, сексуально активно и без болезней, а их женам — вечно, ну или до самой старости. быть молодыми. Этот вариант отвергли только перед Новым годом, и успехи моего центра там приводились. Мол, подневольный труд — это плохо, обиженный врач может не жизнь продлить, а убить.

Так что выбрали третий, интеграцию. Из-за этого как раз все и передрались. Особой ценности в боевом плане новые колдуны для власти не представляли, все-таки самолеты, атомные бомбы и снайперские винтовки пока были эффективнее. Но получить лояльный к остальному человечеству вид людей власти были готовы, не готовы были пустить все на самотек. Третий вариант изначально Уфимцев лоббировал, как раз под это дело центры и открывались.

В итоге получалось лет через сто общество, которое в книжках описывают — с новой колдовской аристократией, так что уже сейчас потихоньку образовывались подконтрольные центру кланы, в которые должны были влиться ценные кадры, в том числе и в качестве членов семей. Уфимцев — молодец, после того как главный жених пропал, руки не опустил, сухим, считай, из воды выбрался.

Качественная поделка, правды в ней было больше половины. Я сравнил этот обзор с настоящим, который у Серова в смартфоне был записан, такие вещи с собой преступно носить, пусть даже и под шифром. В оригинальной версии мне отводилось максимум десять лет — потом неудобный колдун станет не нужен, можно

его и в расход. И не только его, то есть меня. А до этого будут пасти, оберегать от ненужных криминальных знакомств, наблюдать, ненавязчиво перенимать опыт — кроме России, и другие страны со своими одаренными есть, это теперь важнее нефти и газа, и золота, и даже долларов. Вот что за жизнь у меня такая, как ни попаду куда-нибудь, вляпаюсь по самое не могу.

Хорошо, что прятаться особо не нужно, плохо, что независимость сохранить не удастся, хотя мало ли что за десять лет случится, никто не застрахован от внезапных смертельных случаев. Вот тот же Серов, по краю ходит, не надо руки протягивать всяким сомнительным личностям.

Значит, жду, когда модуль починится, или там Эреш-кигаль своих врагов победит, а потом по ситуации — вытаскиваю семью отсюда, предмет для торговли с тем же Ануром у меня есть, или решу, что делать здесь. Хоть и говорят, что хуже всего жить в эпоху перемен, а знал я людей, которые и в 90-е не бедствовали, а прадед мой так революцию, НЭП, индустриализацию и большой террор прошел. Не война, может еще жил бы и жил.

— Настюха, ты теперь завидной невестой будешь, посватаем тебя за князя, тьфу, за губернаторского сынка, — обрадовал я студентку. Та моментально покраснела. — Детишек ему нарожаешь с даром, а если будет изменять — пипиську дезинтегрируешь.

— Что она сделает? — Даша со Светой оживились. Блин, надо думать, когда и с кем что обсуждать.

— Отрежет, — обьяснил Кирилл. — Под самый корень.

Девочки синхронно кивнули. Ну да, интернет — он для воспитания места почти не оставляет. И интернат тоже. Только вот слово незнакомое, но потом в вики посмотрят.

— Именно так. Чего встали, детки? А ну, по десять светляков каждому держать, и если хоть один погаснет, накажу.

Ребята тяжело вздохнули — одновременно контролировать десять, даже самых простых, схем для начинающих псионов было задачей почти непосильной. Ну а я свой долг выполнил, учеников заданием нагрузил, можно и отдохнуть пойти. ЧВК Травина — звучит.

Отзвонился старшему Уфимцеву, как договаривались — тот о визите Серова уже знал, подробности не выспрашивал, да и не рассказал бы я ему, он ведь тоже со мной не откровенничал.

— Марк, я тебе должен еще кое-что рассказать, — Игорь Георгиевич насчет защищенности линии был спокоен, а зря. — Артур тут был не один.

— Я знаю, — пусть теперь репу чешет. Серов-то молодец, подсуетился.

— Этот человек кое-что оставил, хочу тебе передать.

На черной бархатной подложке лежали две золотые монеты с дыркой посредине.

— Скрывать не буду, мы просто не знаем, что с этим делать, — Уфимцев-младший был в курсе наших с Катей восстановившихся отношений, и потому настроен ко мне был благосклонно, — и кое-что осталось у нас. Это тебе вроде как аванс, если удастся как-то использовать, получишь еще столько же.

Пришлось блок ему поставить, на время — силенки-то у меня не те, что у Анура, это тот на месяцы, а то и года ставил, у меня — неделя-две в лучшем случае.

Первой мыслью было увеличить кому-то из ребят потенциал, второй — обойдутся. За одну такую монетку любой шумер тут выжженую поляну сделает размером со страну, странно, что мифический приятель Анура оставил здесь это богатство. Единственное объяснение, не пустила его система с этим грузом. Решил посоветоваться с котом.

Кот, увидев шумерские деньги, аж облизнулся, ходил вокруг, поэтому в итоге все досталось эр-асу. Что не сделаешь для питомца. К голове монеты прикладывать не пришлось, черная лапка потянулась к ценному имуществу, монеты начали таять, превращаясь в золотую жидкость, и кот ее просто слизал. Начисто. И вырос сразу на четверть, но потом обратно уменьшился. Потому что не могут коты так расти быстро даже на очень хорошем питании, я ему это постоянно втолковывал.

Глава 11

— Отец сказал, что опасности больше нет, — Катя поговорила со своим спиногрызом по вотсапу, и теперь маялась от безделья. Ей одной тут никакого полезного занятия не находилось. С Ирой у них была взаимная неприязнь, Белова вообще ревностно относилась к любому, кто получал хоть когда-то долю внимания ее повелителя, а Катя подозревала, что Анура и его помощницу связывали не только служебные отношения. Зная неразборчивость шумеров в этом вопросе, я ее понимал и поддерживал.

— Хочешь вернуться домой?

— Нет, мне и здесь хорошо. Пока. Но в город не мешало бы выбраться.

— Я сейчас занят.

— Опять со своими сопляками возиться будешь? Тогда я одна поеду, а ты можешь здесь Настю трахнуть, Белову и весь ее взвод.

— Еще Света с Дашей есть, — напомнил я бывшей и нынешней подружке.

— Ты, Марк, бабник, но не педофил, хоть с этим у тебя в порядке все. В общем, я еду по магазинам.

— Леню с собой возьми.

— Обязательно. Отдамся ему в машине прямо на заднем сидении.

— В Гелике? Сколько угодно, он твоего отца. Хоть весь обтрахайте снаружи и внутри.

Катя обиженно надулась и ушла. А потом уехала.

Ребята в подвале держали привычные десять светляков — уже больше пяти минут, неплохо для начинающих псионов, когда раздался звонок.

— Марк Львович, — Леня звонил. — Тут такое дело.

— Ну?

— Похоже, Катю…

— Сильно?

— Почти не дышит. Я сначала вам, а потом вот Юри…

Я отключился.

— Что с вами? — Настя сразу почувствовала, что-то нехорошее произошло.

— Не сейчас.

Маяк находился слишком далеко, на таком расстоянии только место можно определить, а что с челвеком — нет. Быстро прикидывал, как туда добраться, и одновременно ощущал, как во

мне растет гнев. Не что чтобы я собственник, или к Кате какие-то чувства испытывал, но чтобы вот так, на ровном месте…

Ребята попятились, когда вокруг моих ладоней засверкал белый огонь, видеть они его не могли, но не почувствовать было невозможно. Сколько до этого места, километров двадцать? Я четко представлял эту улицу, даже дом, несколько раз были в этом кафе, там еще пирожные с клубникой вкусные. Какие пирожные? И кофе. Изображение дома стало приближаться, наползать, кто мяукнул — не равнодушно, как обычно, а словно подбадривал. И через мгновение я очутился прямо перед кафе, в арке. Проходящие мимо люди не заметили, что кто-то в домашней одежде вдруг из ниоткуда появился, только кошка дворовая при моем явлении бросилась наутек.

А я — в кафе.

Катя лежала на столе, одной руки у нее не было, бок — сильно обожжен, от левого уха остались ошметки. Разбросав буквально столпившихся людей, я оказался возле нее, приложил руки к груди. Мне что-то говорили, Леня отталкивал любопытных, кому-то по лицу даже дал, а я внимания на это почти не обращал. Белый огонь, так и оставшийся на кистях, медленно впитывался в изувеченное тело.

— Вам помочь? — Леня наконец раздвинул людское кольцо, так чтобы не мешал никто, разбил несколько телефонов, выстрелил в потолок. Раньше надо было это делать.

— Не мешай. Смотри, чтобы никто сюда не входил.

— Врачи?

— Нахер врачей, — доля моего сознания спокойно оценивала окружающую обстановку, пока другая часть запечатывала поврежденные сосуды, наращивала пленку на ожогах, восстанавливающий конструкт наполз на остатки уха, накрыл выжженый глаз. Внутри собственной печени девушки появилась еще одна, внутренние органы не справлялись с интоксикацией, из пор начала сочиться желтовато-зеленая жидкость.

— Воды, — скомандовал я. — Леня, Уфимцеву позвонил?

— Нет, Марк Львович. Без вашего приказа.

— Звони, пусть реанимобиль вызывают, — я оторвался от девушки, вытер со лба несуществующий пот. — Врачей к ней не допускать, только медсестры, пусть обтирают и поят, понятно? Ты отвечаешь.

— Да.

— Кто это сделал, где они?

— Трое…

— Видел их? Представь.

Леня послушно выполнял все, что ему велели. Вина его,

конечно, во всем этом есть, но зная Катю — небольшая, могла и сама нарваться. А троица приметная, два парня и девушка. Выскочили из кафе, смеясь, и пошли вверх по улице.

Мне попытался кто-то преградить путь, я просто отшвырнул препятствие, в последний момент смягчив воздействие. Надеюсь, отделается ушибами, нечего под ноги злому псиону лезть. И вышел на улицу. Ну да, Гелик стоял поодаль, Леня их увидел, когда уже все произошло, побежал к кафе, и тут они выходили. Молодец, сразу отзвонился, когда я появился, вопросов глупых не задавал. С моей точки зрения глупых. Хотя я сам бы не прочь спросить кого-то, как мне удалось на такое расстояние телепортироваться.

Троица далеко не ушла, стояли возле Дефендера метрах в трехстах от кафе, курили, что-то бурно обсуждали.

— Эй, это вы сейчас в кафе девушку чуть не убили? — вид у меня тот еще был, в крови весь перепачкан.

— Не убили? Машуль, ты налажала, — один из парней как ни в чем не бывало отхлебнул пива, — что, дядя, соску твою чуток подпортили? Может пойдем, доделаем дело, а?

— Ладно, пусть живет, — Машуля потянулась. — Эй, ты, тебе бы помыться. Васек, поможешь?

Третий парень, высокий, рыжий, кивнул, и выбросил руку в мою сторону.

— Что, Васятка, навыки подрастерял? Смотри, Козя тебя вздрючит, — Машуля растопырила пальцы, удивленно на них посмотрела. — Что за нах?

Первый парень не пытался ничего изобразить, похоже, из всех он был самый умный, развернулся и бросился бежать. Только далеко не убежал, искрящийся диск отделил голову от тела. Обезглавленная фигура сделала шаг вперед и упала, разбрызгивая кровь во все стороны.

— Мужик, ты чего? — Васятка поднял руки. — Мы же свои, такие же, как ты. Эй, ты обиделся? Понимаю. Кто ж знал, что это твоя девка. Извини. С этими людишками никогда…

Он опустил голову, глядя себе на грудь, где одежды уже не было, а по коже расплывалось черное пятно. Легких, впрочем, у парня уже не было тоже, чернота пошла вверх, к горлу, превращая ткани тела в слизь.

— А теперь с тобой, — девушка дернулась, но поводок держал ее крепко. Ну да, зачем им защитные схемы-то учить, небось и не заморачивался никто. Псион в этом мире — оружие, а не броня. — Значит, ты все сделала.

Девушка беспомощно заозиралась, к нам спешил полицейский, но Леня его перехватил, ткнул в нос

удостоверением, запал блюстителя порядка сразу потух.

— Один мой друг показал мне заклинание под названием «фиолетовая смерть», — я не торопился, словно урок проводил. — Тогда я еще не понимал, что к чему, но знаешь, я, кажется, знаю, как это делать. Не знаю, кто тебя учил, но — халтурно. Расскажу, что произойдет. Все то плохое, что ты сделала в своей жизни, случится с тобой. Для меня полминуты пройдет, а для тебя — месяцы, может годы, смотря сколько ты натворила. Здорово, да? Еще одну жизнь проживешь, мразь.

Машуля открыла рот, чтобы что-то сказать, но все, урок начался. А ученики без разрешения учителя не разговаривают. Я потянулся к межреальному карману, потянул на себя черный проклятый кинжал, вытаскивая, окутал его черным же каркасом и всадил девушке в глаз.

Слукавил — Арраш, когда убивал Конташа, использовал полную версию, с призрачным мечом, сначала вытащив силы у боевой звезды, но мне просто жаль было пачкать оружие о такую тварь. Так что девушке, считай, повезло.

На ее лице вспухли вены, налились чернотой, она пошла вниз, по сонной артерии, к рукам, ногам, рот Машули открылся, но ни звука не вышло оттуда — мозг ее проживал всю короткую и не слишком, наверное, радостную жизнь. Может быть, год назад я бы еще подумал, прежде чем вот так убивать человека, Катя-то жива осталась. А сейчас — нет, изменился, прежнего Марка Травина уже не было, был зу Марк Уриш, хранитель имени и традиций. А традиции у шумеров — главное. И наказание обидчика в них отличалось только степенью жестокости смерти.

Тело жертвы стало оседать — первыми растворялись кости, кальций переходил в жидкое соединение, соединяясь с плазмой крови. Оставалась кожа, удерживавшая жидкость в себе — девушка превратилась фактически в бурдюк. Вслед за костями растворялись суставы, внутренние органы превращались в желе, дольше всех держался мозг — его активность возросла в тысячи раз и не прекращалась до последней секунды ее никчемной жизни. А потом Машуля окончательно умерла. Надеюсь, нелегко.

— Вам бы переодеться, Марк Львович, — Леня осторожно подошел ко мне, стараясь не смотреть на то, что осталось от девушки. А прохожие, те давно уже блевали вовсю. — И лучше отсюда уйти.

— Да, — я кивнул, провел ладонями вдоль рубашки, убирая кровавые следы. — Иди к машине.

И исчез. Навряд ли меня кто запомнил, а если засняли, то на видео буду не я, точнее — лицо совсем другое, цвет волос, даже комплекция. То, что Леня видел меня таким, как я есть на самом

деле — ну пришлось воздействовать. Пусть ситуация нештатная, и эмоции зашкаливали, но осторожность и способность соображать никуда не делись.

Обратно домой я возвращался по-человечески, на такси. Леня остался докладывать начальству, следить, чтобы мои рекомендации соблюдались, метку я на Кате обновил, лечить придется долго, не факт, что получится, с восстановлением конечностей я не связывался никогда, а научить меня некому. Но — попробую. А сейчас ей надо лежать, пить и заполнять утку, когда у человека четыре почки, пусть даже две невидимые, это несложно.

Вообще, хватит уже вот так разгуливать, помнится, в гараже мотоцикл видел знакомый, не иначе как Богдановский. Хватит уже с сопровождением ездить, погода для мотопоездок подходящая, ни один идиот, кроме меня, на лед не сунется.

В гараже, просторном и свободном практически, Ирина прыгала с одним из бойцов, изображая самурая. Деревянные мечи так и мелькали, да, какая-то сноровка есть.

— Где пропадали, Марк Львович? — с какой-то ленцой протянула она. И с внутренним беспокойством — как вышел с участка, ее ребята проморгали. Ох, позубоскалить решила, да? Не то у меня сейчас настроение.

— А ну дай сюда палку эту, — протянул я руку. Боец, как его там, Владик, неохотно отдал мне свой деревянный меч.

— Это боккен, — решил поумничать.

— Заткнись. Белова, где раньше занималась?

— Второй дан кен-до, — девушка насмешливо улыбнулась. Ну да, начальник решил подчинённых построить, эка невидаль.

Я покачал деревяшку в руке.

— Нападай.

Обычный человеческий глаз едва заметил бы движение, девушка понимала, что начальство может и самодурничает, но бить его надо осторожно, хоть и обидно. И целилась в бедро, отсохнет нога, потом Настя подлечит.

Только меня уже на этом месте не было, я стоял чуть сбоку от Иры, прижимая учебный меч к ее горлу.

— Ты мертва.

А потом отбросил боккен, схватил ее за горло и приподнял.

— Шутки кончились, Белова. Ты сама решила остаться.

И аккуратно опустил побагровевшую девушку обратно на землю.

Слитным движением Ира опустилась на колени, наклонила

голову.

— Энгун.

Способности у нее к шумерскому языку. Молодец. Интересно, как она Артура называла — нун?

— Еще раз увижу, что на колени встаешь, отшлепаю, — вернулся добродушный Марк Львович Травин. А зу Марк Уриш спрятался за этой оболочкой. — Хватит уже начальство возбуждать.

Владик смотрел, открыв рот. Я похлопал его по плечу, нечего парню такие вещи помнить. Пусть деревяшками машет и за домом следит, в этом его призвание.

Ирина от меня не отстала, подошла, мешая гладить кота на обеденном столе — этот подросший черный проглот воспринимал столовую исключительно своей территорией.

— Энгун.

— Марк Львович.

— Хорошо. Марк Львович, я должна признаться.

— Валяй, — благодушное настроение вернулось ко мне. А что, девушку спас, считай, троих подонков убил, пар выпустил, кота погладил, полный релакс.

— Вот, — она вытянула руку, и около ногтей зажглись белые искорки. Очень бледные, почти незаметные, но они точно были. — Артур Анатольевич, то есть… ну вы понимаете… говорил, что у меня зачаточный дар. Очень слабый и необычный. У него были еще монеты такие, желтые, с дыркой, три раза прикладывал к моим вискам.

— Впитались?

— Да, — кивнула Ирина.

Надо же, везет мне.

— А чего решила сказать?

— Вы, когда меня за горло схватили, у вас такие же около пальцев были.

— Смотри сюда, — я создал простую схему, активировать не стал. — Видишь чего-нибудь?

Она помотала головой. Не соврала, вроде.

— А теперь? — над ладонью повис белый символ эме-галь.

— Нет.

— А свои искорки видишь?

— Так это искорки? — удивилась Ира. — Я как щекотку чувствую. И чуть жжение.

— У нас с Артуром, — честно сказал я ей, — разные категории, он на голову меня выше и опытнее. Я только показать могу, а объяснить — нет. После ману что-то изменилось?

— После чего?

— Монеток этих?

— Нет, — Ирина виновато поджала губы. — Нун говорил, что для этого не то время, и не то место.

— Артур?

— Нет, его дед. Нун Наамар-уту.

Мне показалось, или блок в ее голове чуть дернулся, словно подмигнул.

— Рассказывала кому-нибудь об этом?

— Не могу. Вот помню, а ни сказать не могу, ни написать, вообще ничего. Словно блок какой-то. А вот вы за горло схватили, и смогла. Проверила, попробовала Владику сказать, он бы все равно не поверил, и то же самое — никак.

— Ладно, — я поглядел на черного бездельника, тот лениво поднялся, подошел к Ирине, та машинально протянула руку, погладить котика — святое. Эр-Асу сам потерся об ее руки, собирая крохотные белые пылинки, зевнул и улегся обратно. С очень довольным видом. — Хватит на сегодня откровений, решим потом, что с этим делать. Но на многое не рассчитывай, способности у тебя на грани такой, что и нет их почти.

Ира грустно улыбнулась. И ушла.

****

— Ты записи видел? — младший Уфимцев разлил виски по стаканам, протянул один старшему брату.

— Да. Это точно он. Не узнать, и Леня ничего вспомнить толком не может, но записи с камер мы собрали. И свидетелей полно, даже из полиции есть.

— Выходит, ему потребовалось меньше минуты, чтобы появиться за двадцать километров от дома. Причем, обрати внимание, он не торопился, будто не в первый раз это проделывает.

Генерал Юрий Георгиевич Уфимцев отхлебнул жгучий янтарный напиток, чуть скривился.

— Это все меняет.

— Думаешь? У меня дочь без руки лежит, и без глаза. И без уха. Похоже, Марк — единственный, кто ее сейчас может восстановить. Да что там, просто вылечить. Остальные ваши колдуны только руками разводят. Кстати, он уже занялся ей — врачей велел не подпускать, но все равно, осмотрели. Травмы, несовместимые с жизнью. А она живет, дышит.

— Только без истерик. Никто его убивать не будет, раньше надо было, когда Сельчинская его подобрала. Теперь поздно уже. Ты лучше подумай, как к себе привязать. С Катей у них что?

— Вроде сошлись.

— Как тебе такой зять?

— Ты то же самое про Артура говорил, и где он теперь? — младший зло поглядел на стакан, как будто виски было виновато в пропаже перспективного кадра. — Хватит уже ее из кровати в кровать таскать.

— Она же вроде не против? Старая любовь не ржавеет?

— Не знаю, я до того, как все это случилось, спрашивал, отмалчивается. Операцию отменяем?

— Да. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо. Раз он с троими так легко разделался, представляешь, что бы с твоими людьми сделал, — старший Уфимцев встал, подошел к камину, протянул руки к пламени. — Узнал, кстати, откуда эти подонки взялись? Вроде все на счету, а каждый день новые всплывают.

— Группа Вешенского, по кличке «Козя». Там восемь человек было, осталось пятеро. Зачистить?

— Это не наши дела, не мы за них отвечаем. Пусть у других голова болит, но все же Марка натравливать на них нельзя. Ему твою дочь лечить, интересно, восстановит он ей руку? Да не смотри ты так, отдам я ему монеты эти. Не все, но отдам. Тоже умею быть благодарным. К тому же пробовали мы прикладывать их, как на записи с Беловой, не получается ничего. А раз мы сами не можем, то и не жалко, не смежникам же подарки делать. Короче, сам ему передашь.

— Хорошо, — кивнул младший.

— Слышал, что ролик на ютубе выложили?

— С убийствами этими? Да, с каждым часом все прибавляется клонов. Люди уверены, что постановочный.

— Вот и хорошо, хотя и не важно это. Но заметь, то, когда он лечил твою дочь, ни у кого записей ведь нет, значит, позаботился. А здесь не стал. Почему? Подумай, аналитикам вопрос задай, пусть повертят, твой приятель ох как непрост, надо было пятнадцать лет назад к себе брать, когда только институт заканчивал, я, ты помнишь, тогда еще в твоем управлении работал, приглядывался. Толя Громов против был, даже Майера подключал, чтобы парня не трогали. Теперь и не спросишь, почему. Кстати, насчет Майера — все уладили?

— По мере возможностей.

Глава 12

Ролик в сети трудно было не найти, не знаю, кто первый выложил, но под разными названиями их количество за сотню перевалило.

Процеживал комментарии через модуль, вдруг что всплывет в других странах. По России какая-то картина складывалась, а вот с другими странами только общая информация. Спецслужбы — жуткие жадины, поделиться для них равносильно самоубийству. Хотя, может быть, так оно и есть.

Я искал только дельные замечания, их было немного, но с пару сотен набралось. Будущие коллеги отметились, очень их оружие мое заинтересовало. Спрашивали, что это такое, предлагали деньги просто за информацию, где найти владельца, одни другим отвечали, что такого быть не может, но некоторые знали убитых лично. И подтверждали осторожно, что да, может быть, так все и было, вот только человека с ножом не знал никто.

Наверное, сам бы я не заметил, а модуль — среагировал. Среди всех зарубежных комментариев был один, практически никем не замеченный — обычный спам, ведущий на левую страничку. После слеша стоял набор символов, который никому ничего не говорил. Да и ссылка была рабочая, там порнуха открывалась.

Мехе ас ке зиг. Кто-то меня приветствовал на эме-гир, в ужасной латинской транскрипции.

Из четырнадцати порнороликов открывались тринадцать, один был битый. Изображение шло, но с искажениями. Ну что сказать, те, которые хорошего качества, и по содержанию были неплохи.

Четырнадцатый надо было всего лишь перекодировать. В нужный формат, на этой Земле такого не знали, а браслет в связке с модулем — справились с задачей за несколько секунд.

В дверь постучали.

— Заходи, — мне скрывать было нечего, пусть смотрят.

В кабинет зашла Ирина, неодобрительно покосилась на пустой монитор. Встала у входа, но дверь затворила. Значит, предстоит серьезный разговор.

— Ми зиг, энгун. Я насчет Сергея, — наконец разродилась она. Ну вот не надо так язык коверкать!

— Благословляю.

— Мы расстались.

— Надеюсь, не из-за меня? — я потянулся, чисто рефлекторно. И кот потянулся. Он почти всегда за мной это

повторял.

— Нет. Точнее говоря, да, но нет. Он со мной разговаривать отказывается, с тех пор, как с Серовым сюда приезжал. Считает, что я вас предала.

— Ну и дурак, — пожал я плечами. — Девушка ты симпатичная, с головой на плечах, с губами и бровями, чего ему, собаке, надо? Подумаешь, предала, делов-то. Что, мне с ним поговорить?

— Сами разберемся, — решительно ответила Ира

— А чего приходила?

— Ну вы же мой начальник.

— Радость моя. Нет, кот, ты тоже, но я не тебе. Так вот, если я еще твои личные проблемы буду решать, то не я тебе, а ты мне деньги должна платить будешь. Мой брат по жизни такой ебанутый на всю голову, с этим ничего не сделать. Про девочку с лопаткой рассказывал? У тебя же меч деревянный есть, по башке его посильнее двинь, чтобы мозги на место встали.

— Ольга Петровна то же самое сказала.

Я вздохнул. Если и мать подключилась, на своем четвертом месяце, не видать мне покоя. Наверняка позвонит. Как в воду глядел. Поднял палец, мол, погоди, ответил на звонок, вот даже трубку взял. Ну как ответил, от меня реплик не требовалось.

Только поздоровался. А там уже мне рассказали, какой я плохой брат, какая Ира замечательная девушка, какой Сережа влюбленный, слезы льет, и что я должен в этом разобраться. И так десять минут, я специально на громкую связь включил, чтобы Белова оценила, какого демона разбудила. Наконец, мать угомонилась, передала трубку отцу.

— Держись, сынок, — только и сказал тот. — В гости собирается. В твоей машине где предохранители? Провод с аккумулятора я уже скинул.

— Вот видишь, — отключив телефон, я откинулся на спинку кресла. — В твоих же интересах помириться. Твоя задача как подчиненной какая?

— Охранять, — не раздумывая, ответила Белова.

— Нет. Твоя задача, чтобы у начальства не было проблем. Поняла? Иди, выполняй.

— Есть! — четко развернулась, вышла. Вот, когда приказ в радость, воодушевление в войсках сразу же.

Вывел видео перед собой, все равно никто не увидит, а мне так привычнее.

Возникло объёмное изображение — на грязном полу на

коврике в практически пустой комнате с покоцаными стенами сидела девушка лет двадцати пяти примерно, породистая — черные волосы, прямой нос, высокие скулы, типичная шумерская красавица. Она смотрела прямо в предполагаемый объектив, какое-то время молчала, потом заговорила на эме-гир.

— Я — ани Ашши зу Маас-Арди, царство Урук. Если ты видишь это изображение и слышишь меня, то должен мне помочь. Уложение восемь семь одиннадцать кодекса Бильга-меаса. Повторяю, мне нужна помощь. Оставляю метку.

От этих шумерских дел я отошел, надеюсь. И на кодекс Бильга-меаса Марку Травину было плевать. Но вот зу Марк Уриш мимо такой просьбы, даже требования пройти не мог. Это в мире-ноль ариду были каждый в своем царстве, хотя по отношению к остальному населению составляли единое целое. В других же реальностях высока была вероятность, что псион может погибнуть — а жизнь ас-ариду самая великая ценность. И вот это уложение, которое она назвала, прямо-таки обязывало меня прийти на помощь немедленно.

Правда, послание вполне могло оказаться подставой. Кто-то хочет выманить жителя нулевого мира, это ведь не только знания о колдовстве, но и технологии, которые в этой реальности попросту опасны. Как граната в руках обезьяны. Или клавиатура в руках графомана.

Потом посмотрел на метку, и присвистнул. Такие совпадения только в фильмах или книжках бывают. У нас тут вечер, значит там, где эта бедняжка сидит, почти обед, разница в восемь часов. Набрал номер, подождал, пока ответят. Нужного мне человека долго не хотели звать к телефону. Наконец, раздался знакомый голос.

— Ола.

— Ола, пудиамэ ажудар, пур фавор?

— Ки?

— Мне нужен засранец по имени Алехандро Гомеш, — по-русски сказал я, — который не хочет узнавать своих старых друзей.

— Ки порра э эсса? Марк, это ты, наглая русская задница?

— Саудэ! Как думаешь, кто тебе может позвонить перед тем, как ты будешь жрать сарапател в одно рыло?

— Марк, ты представить не можешь, как я рад тебя слышать. Анатоль с тобой?

— Нет, но об этом позже. Я собираюсь в ваши края.

— О, ты не пожалеешь. У нас новые рапаригас, у них такие бундас, ты просто слюнями изойдешь. И на кусок шурраско всегда

можешь рассчитывать, если будешь себя хорошо вести. Когда? Не разочаровывай меня, скажи, что завтра.

— Завтра, Алехандро. Передавай дяде привет и мои нижайшие поклоны, я буду счастлив его обнять. И обязательно привезу что-нибудь для его коллекции.

Перед отъездом я заехал к Кате в больницу, подновить схемы и вообще проверить, как она там. Возле палаты сидел несменяемый Леня, меня он пропустил без вопросов. За что удостоился похлопывания по плечу — хоть и не одаренный, а схемы надо обновлять.

Катя выглядела нормально для своего состояния, видно было, что врачей к ней все-таки допускали, но те ограничивались осмотрами и анализами. Влияния младшего и особенно старшего Уфимцева вполне хватало на то, чтобы их приказы выполнялись беспрекословно. Ну и Марина, выдернутая из Лейбмахеровской больницы, следила. Что-что, а это она умела, особенно за деньги.

С девушкой я оставил Настю — настрого приказав в мои схемы не лезть, а ограничиться общими, для поддержания сна и дыхания. И остальных детишек там же, пусть руку набивают. По прикидкам, для восстановления понадобится не меньше двух-трех недель, а ведь еще руку отращивать, такое перед обычными российскими врачами делать нельзя, придется заранее их к дисциплине приучать. Так что сон, еда и тишина — все, что пока нужно пациентке.

Ученики, гордые таким доверием, обещали, что будут вести себя тише воды, ниже травы.

— Нет, — решительно пресек я такие пораженческие настроения. — Вы — супермены. Ну и супергерлы. Летать не нужно, но и не тушуйтесь, тут никто кроме вас такого как вы делать не умеет. Держитесь с достоинством, будут наезжать — давайте в глаз, но только без жертв. Через три дня за вами бегать будут, умолять, чтобы вы помогли, вживайтесь в коллектив, привыкайте. Одиночки не выживают. А если залетные какие пожалуют, что, зря я вас натаскивал? И помните про защиту, старайтесь держать хоть крохотную, но постоянно. Ну и Марину Валентиновну не подпускайте, а то она девушка активная, иногда даже слишком. Ее дело — вам помогать, Настя, поняла, да? В общем, построже тут, понезависимее.

Ребята дружно кивнули. Маленькие они еще, впитывают как губка знания. И фон потихоньку, но колеблется все сильнее, может когда-то и тут появятся свои повелители. И даже, может быть, я это увижу, если система не заработает.

Уже на парковке столкнулся со старым знакомым, полковник

Уфимцев словно только и ждал меня, о чем-то хотел поговорить, стоя у своего черного монстра. Прямо дверь в дверь с моим мерсом.

— Позже, Юрий Григорьевич, — решительно заявил я. — И ребяток моих не обижай, пусть тут тренируются на больных, кое-что они умеют. Под твою ответственность оставляю, будешь переманивать, обижусь.

— Вот, — Уфимцев протянул коробочку. — Брат велел передать, то, что осталось. Не за Катю, сам понимаешь, за такое не расплатишься. И спасибо тебе.

Я открыл коробочку, еще четыре монетки. Равнодушно на них посмотрел, неумело изобразил восхищение, пообнимался с несостоявшимся тестем, в общем, тот убедился, что фуфло мне подогнал.

Заскочил к Лехе, забрал картину — тот, похоже, немного обиделся, что я его забросил совсем, обещался уши ободрать. Ну да, через неделю день рождения, тридцать восемь. Помню, как отмечал прошлый, эх, ностальгия. Мир так себе был, но вот остальное…. Нет, не время сейчас для грусти, шумерскоподданную надо спасать.

Прямого рейса до Фейхо не было, там и аэродром-то — утоптанная полоска земли. Предстояло лететь через Франкфурт в Рио, а уже оттуда региональным рейсом на раздолбанном кукурузнике до места.

— Ира, собираемся, — оставлять четверых бойцов в коттедже так себе идея, так что ребята отправились в увольнительную — не все, по двое будут в больнице дежурить, псионов моих охранять, а заодно посмотрим, как они на воле себя поведут. Лишнего не наболтают, пусть развеются, а то прижились, скоро девочек начнут в сауну вызывать. — Мы улетаем.

— Да, энгиб. Вдвоем?

— Марк Львович. Втроем.

Ира сделала большие глаза.

— С нами кот еще летит, — объяснил я. — Или ты меня живодером считаешь, способным оставить бедное животное страдать в одиночестве? Без ласки и заботы?

— Но вещи, — девушка беспомощно поглядела вокруг.

— Все купим. Не беспокойся, смотри, вот картина. Нравится? Советский художник Пименов, наш Эдуард Мане. Повезешь контрабандой. А я — кота.

— Разве животным не нужны прививки? — Ира привычно погладила черное чудовище, тот к ней прямо ластился, уж очень нравились эти белые пылинки, впитывающиеся в черную

лоснящуюся шерсть. Вот и сейчас лежал, балдел, при слове «прививки» лениво фыркнул, мол, что за идиоты такое придумали. Сначала прививки будут котам делать, потом отрезать чего-нибудь. Так и начинает мир катиться под откос.

Вылетели мы утром, и в аэропорту Гуарульюс приземлились к обеду — спасибо часовым поясам. Опасения насчет раздолбанного кукурузника не оправдались, сеньор Гомеш прислал свой личный самолет, новенький Бомбадьер, который после недолгого полета доставил нас в нужное место.

— Ола, Марк. Ты отлично выглядишь, брат. Какая роскошная женщина, — Алехандро встречал нас у трапа. Весь в белом, пижон. — Ты ведь не будешь говорить, что это твоя дама, и позволишь скромному бразильскому юноше приударить за ней?

— Позволю, — клан Гомешей знал о Беловой ненамного меньше, чем я. Отец Алехандро работал в ABIN, Бразильской разведслужбе, такая у них диверсификация деятельности семейная была. — Как поживает дом Паулу?

— У отца все в порядке, — мы уселись в черный джип, еще два таких же пристроились сзади. В Фейжо семье Гомешей опасаться было некого, но приличия требовали. — Марко, не замечал раньше, что ты любишь животных. Как зовут это злобное и очень опасное существо?

Кот попытался состроить самую милую морду из всех, какие ему удавались, но получилось не очень. Он мало того, что вес набрал, так еще и подрос немного. Сожрал перед отъездом половину Уфимского подношения, даже не поморщился. А вот вторую половину неожиданно есть не стал, может, налопался уже золота.

— Подарили, — не покривил я душой, — одна чудесная, прямо-таки волшебная женщина. Этого красавца зовут Эр-Асу.

Ну да, после того, как мне пришлось сонную артерию заращивать, от клички Асер мы с котом отказались. Перешли на исходную версию.

Алехандро осторожно протянул руку, кот зашипел.

— У моего дяди есть пума. Если тебе он надоест, можем их познакомить.

Кот пренебрежительно фыркнул.

— Дом Карлуш, — я поклонился дряхлому мужчине, сидящему в инвалидном кресле, — мое почтение.

— Рад тебя видеть, Марко. Обними старика.

Мы тепло обнялись. Причем в прямом смысле — дядя Алехандро буквально на ладан дышал, пришлось его немного

подлечить.

— Ох, словно Анатолио, прям дышать легче стало, — дон Карлуш грустно улыбнулся. — Твоего дядю так и не нашли?

— С ним все в порядке, ваша светлость.

Старик рассмеялся. Гомеши по женской линии восходили к маркизам ди Менезиш, о чем красноречиво напоминал висящий на стене герб с шестью синими кружками на белом фоне. А аристократ с аристократом всегда найдет общий язык.

— Анатолио выберется из любой ситуации. Как думаешь, появится?

— Не скоро.

— Жаль, я всегда его любил, — дон Карлуш развернул картину. — Пименов? Спасибо, Марко. Видел мое новое приобретение?

Дон Карлуш собирал импрессионистов и Фриду. На последнем аукционе неизвестный покупатель заплатил за висящую на стене картину четыре миллиона.

— Меня всегда восхищал ваш вкус, дом Карлуш.

— А меня твои женщины, Марко. Где ты только берешь таких красавиц? Помню, в Португалии ты представлял нам девушку, похожую на Одри Хепберн. Эх, если бы не годы, отбил у тебя. Эта ничем не хуже.

— Они не сравнятся с доной Гомеш, дом Карлуш. Тем более когда рядом с ней такой солидный и совсем не старый мужчина.

— Ох, льстец. Ну все, пора обедать. Марко, ломбо де порко или шурраску, что ты выберешь? Дай-ка, угадаю — и то, и другое.

После плотного обеда мы с Алехандро уселись на террасе, сигары, кайпиринья в запотевших низких стаканах. И никаких посторонних. Наискось, в огороженном рабицей загоне, кот гонял пуму хозяев. Сам туда пролез под выкрики и свисты охраны, Алехандро только руками разводил, но видно было, что ждет, когда их любимица русского гаденыша потреплет — не сильно, но так, чтобы показать, кто на этой земле хозяин.

Я отхлебнул кайпиринья, отломил серебряной ложечкой кусочек кажу, который уже начал темнеть. Пума забралась на дерево и жалобно глядела вниз, где кот отрывал куски от бараньей ноги. Похоже, местный хищник сегодня остался без обеда.

— Ты работаешь на русскую разведку? — прямо спросил деловой партнер дяди Толи.

— Скорее нет, чем да. Гарантирую, что тут совсем по другим делам.

— Твое слово тут ценится, Марк. Анатолио всегда тепло о

тебе отзывался. И дяде Карлушу ты по душе. В чем твое дело?

Я протянул фотографию.

— Сеньорита Белова гораздо красивее. Шучу, во что ты в этот раз влип? Помню, в Брасиайше ты говорил, что собираешься жениться. Теперь это твоя невеста?

— Типун тебе на язык.

— У вас отличные пословицы. Эту женщину зовут Аша, она из тех, кто может напрямую говорить с Шанго.

— Это ведь бог огня какой-то?

— Да, у preto. Мы — истинные христиане, лушо-бразильерош, для нас кандомбле — обычный культ. Но в последнее время его предствители творят настоящие чудеса, могут вызывать огонь, или усыплять людей, или даже лечить. Аша — одна из новых, белая. Почти ничего не умеет, по слухам, ее держит у себя местный шаман, чуть ли не в качестве подстилки. Зачем она тебе?

— Долг. Ее родня связана с моей.

— Странно. Но это твое дело. Хочешь за нее заплатить?

— Нет, этот шаман своим поступком оскорбил ее семью.

— Понимаю, вендета. Нужны люди? Не подумай ничего плохого, Марко, ты гражданский человек. Твое дело — деньги, а не война, так что, если потребуется помощь, не стесняйся.

— У меня, как говорится, почти все с собой.

— Теперь ясно, для чего ты привез сюда эту женщину. Оружие?

— Не только, Алехандро. Еще стакан кайпиринья и кусочек куиндим.

Вертолет высадил нас на большой поляне в километре от селения, в котором жил шаман-шумеровладелец.

— Если решишь начать войну, мы на связи, — Алехандро мою руку пожал, а Иринину — поцеловал. Девушка в пятнистом костюме с винтовкой смотрелась отлично. Я в джинсах, кроссовках и белой рубашке — как сумасшедший американец. Но надо отдать должное младшему Гомешу, лишних вопросов он не задавал. Если малуку Марко желает пройтись по сельве, пусть не настоящей, окультуренной, вот в таком виде, только лишь с пистолетом за поясом и с женщиной за спиной, он наверняка знает, что делает, и не надо ему мешать.

Глава 13

Женщина пошла впереди.

— Если и будут стрелять, то в спину, — объяснил я.

— Мне показалось, что вы прям родные люди с семьей Гомеш. — Ирина внимательно смотрела по сторонам, на самом деле — совершенно без толку, пока никакой опасности не было. — Откуда Алехандро так хорошо знает русский?

— Его мать — из семьи русских беженцев. Точнее говоря, польских, но бежали они в революцию из России.

— А почему он тебя братом назвал? Прям как кавказец, — Ира отодвинула ветку стволом винтовки. Что-то тяжелое шлепнулось с дерева и уползло подальше от нас.

— Это все один мой разговорчивый родственник. По слухам, мой прадед был из князей. Мать Алехандро — урожденная графиня Гауке, по его представлениям, все русские дворяне — братья и сестры. Вот иногда так и называет. Видишь тропинку, кот на ней остановился? Нам туда.

— Э тасму энгун.

Я поморщился.

— Ира, я понимаю, иностранный язык — это круто, но по-русски у тебя лучше получается. Звуки чуть по-другому произносятся, ты мне только что трахнуть себя предложила в извращенной форме. Прямо здесь, серьезно? Москиты и змеи кругом.

— Может, я и предложила, командир?

— Шутишь, Белова. Это хорошо. А волнуешься — это плохо. Иди медленнее, вздохни глубоко. Полегчало?

— Да, Марк Львович.

— Вот и молодец. Стоп.

Белова встала как вкопанная, вот что значит выучка.

Из кустов высунулась огромная пятнистая голова, мощные челюсти раскрылись, раздался глухой рык. Кот лениво посмотрел на стража леса, внезапно вырос в размерах раза в три, чуть оскалил зубы. Ягуара как ветром сдуло. Котика — тоже сдуло, как воздушный шарик, принял свой прежний облик косолапого малыша-переростка.

— Видела уже такое?

— Да, — Ира напряглась, лопатки поджались, — кот Артура тоже так мог. Почти. Но у вас по-другому.

— Поясни.

— Вы почти все время вместе, а тот редко появлялся, а потом и вовсе пропал. И тот взрослый был, как бы объяснить, сам по

себе. Независимый. Иногда казалось, что не он у Артура, а Артур — у него.

Кот обернулся, фыркнул, мол, цени, прыгун, какое счастье тебе досталось. И засеменил дальше по утоптанной тропинке.

Метров за двадцать до края вырубки, за которым начиналось селение, неожиданно, как им представлялось, на дорогу выпрыгнули два полуголых негра с автоматами.

— Ни с места, — завращав глазами, грозно сказал один из них на паршивом португальском. Автомат держал расслабленно, а вот второй в Белову целился. А она — в него.

— К паи де сантош, — миролюбиво сказал я. — С дарами.

— Не вижу в руках твоих даров, — первый проявил проницательность.

— В рюкзаке, — я кивнул себе за спину. — Там столько всего, ваш шаман будет на седьмом небе от счастья. Щас, погоди.

Расстегнул клапан на рюкзаке Иры, достал пластиковую бутылку кашасы, кинул негру. Бутылка исчезла, словно ее и не было.

— Оружие надо отдать, — заявил второй, протянул руку. — Эта пута с тобой или тут останется?

Ира неуверенно на меня посмотрела, мол, чего эти ниггеры хотят?.

— Собираются винтовку отобрать. Не отдавай, — сказал я ей по-русски, — а то уважать не будут. Лучше заехай сейчас ему между ног, да посильнее. Он, считай, оскорбил тебя, шлюхой назвал.

Пока второй негр, подвывая и держась на промежность, катался по тропинке, первый лежал на спине с дулом винтовки во рту.

— Может, мозги ему вышибить?

— Нет, видишь татушку на лбу? Это фильош де сантош, видимо, сын шамана. Другие-то наследники только благодарны будут, но нам на их желания плевать. Смотри, притих этот. Добавь-ка ему.

— А со вторым что делать? Где твой кот?

Я пожал плечами. Кота не было. Может, за ягуаром погнался, я к его отлучкам привык, и не беспокоился. Тем более что, если позвать, только вежливо и с почтением, он всегда появлялся.

На краю сельвы нас поджидал второй ряд обороны — десяток оборванцев во главе с таким же, только в дизайнерских кроссовках.

— Цель посещения? — деловито спросил он. — Почему через сельву, а не посадочную площадку?

— Гуляем, решили вот прикоснуться к мудрости отца святого, — пояснил я. — За богатое подношение. Ну или за бедное, если мудростью не поделится.

— Каждое слово паи де сантош — как откровение богов, — заявил пижон. — Ты пойдешь один, или..

Из леса ему заорали, чтобы не спрашивал про девушку.

— Или не один, — закончил командир оборванцев. — Идем, я покажу вам хижину, где можно подождать. У отца сейчас посетители, пара гринго. Они привезли богатые дары и много денег за крохотную толику мудрости. Пока будешь сидеть вместе со своей девушкой, подумай над этим.

Циновки валялись прямо на земле — устройством пола местные себя не утруждали. Стоило нам усесться, как кот рядом появился, принюхался к чему-то. Похоже, Ира в первый раз видела, чтобы он возникал прямо из воздуха.

— Эх, Белова, ты столько всего теперь знаешь, что тебя проще убить, чем заставить замолчать.

— Вы поэтому меня за своего брата сватаете, чтобы все в семью? — девушка достала из рюкзака сумочку, зеркальце и приводила себя в относительный порядок.

— Нет, — совершенно честно соврал я. — Для меня было бы лучше, если бы вы вообще не встречались.

— Тогда почему?

— Из мести. Этот засранец, как только повзрослел, стал меня моими знакомствами попрекать. Должен узнать, что это такое, когда одна и та же перед глазами туда-сюда мелькает. То, что он кандидатскую защитил, не оправдание для вот таких нравоучений.

— То есть, — осторожно спросила Ира, — нужно как вы, одному жить?

— Ну почему одному, у меня есть кот, — потрепал я животинку за уши. — Знаешь, как в песне — кот тебя не бросит, лишнего не спросит…

— Там про друзей.

Я только вздохнул. Не рассказывать же девушке, что бывают такие друзья, которые всю жизнь не разлей вода, а потом один другому шлеп черную кляксу на лоб, и все, конец дружбе.

Разговоры по душам — это хорошо, но шли-то мы сюда за другим. Точнее говоря — за другой.

Гражданка Урука предусмотрительно не дала координаты своего коммуникатора, ну да, мало ли что, раз у нее проблемы, наверняка поставила блок. В поселении, окружавшем

центральное место культа — террейру, было порядка четырех десятков хижин, пять стояли обособленно — для гостей великого шамана, говорящего с богами, а остальные, значит, для местных. Одаренного можно обнаружить на расстоянии, если он что-то там психонит себе, и такой в поселке был всего один — в террейру.

Зу Маас-Арди отличное место нашла, чтобы я ее спас. Прям найди то, не знаю где.

— Сиди здесь, — сказал я Беловой, — никого не впускай. Тогда и выпускать не придется. Если что, стреляй, не стесняйся. А я по делам отлучусь.

— Могли бы, Марк Львович, все дела в лесу сделать, — не удержалась Ира от подколки.

— Юмор у подчиненных приветствую, даже такой.

Распахнул хлипкую дверь. Ире показалось, что я вышел на улицу, тем, кто стоял поодаль — что дверь просто распахнулась от ветра, а потом захлопнулась обратно. Поселком это скопище ветхих построек можно только формально было назвать, тут каждый спал, жрал, гадил и отдыхал где хотел, все пространство вокруг было вытоптано, замусорено и воняло — для аутентичности. Прошелся на другой конец селения, из центрального здания, представлявшего собой бублик с площадкой посредине, вышла пожилая белая пара в сопровождении трех оборванцев, женщина с восторгом смотрела вокруг, на кучки дерьма, мужчина — тот тоже какой-то воодушевленный шел, видимо, это те самые богатые гринго, которые для шамана ничего не жалеют.

Для провожатых — тоже, парочка остановилась у легкого вертолета, мужчина протянул одному из конвойных пакет с прямоугольным брикетом внутри, тысяч тридцать там, не меньше, если сотнями, взамен получил четыре зиплока с белым порошком. Понятно, что духовные практики помогают в жизни, но без допинга все равно никуда.

Чернокожая девушка, идущая мимо меня по вытоптанной земле, внезапно повернулась, уставилась в мою сторону. Секунду так постояла, потом головой потрясла, пошла дальше. Будет потом подругам рассказывать, что призрака увидела. Какие-то способности у представителей культа есть, но настолько слабые, что только вот так и могут проявляться. Может быть, у их детей в новых условиях разовьется настоящий дар.

Обошел кругом террейру, дунул в ухо охраняющему вход голозадому охраннику с потрепанным калашом, чисто для прикола, поржать, как он дернулся, заозирался, чуть ли не стрелять во все стороны начал. Внутрь пока заходить не стал. На

видео, которое я смотрел, за женщиной было окно, затянутое целлофановым пакетом с логотипом торговой сети, стекла тяжелые, в сельву их везти накладно, а пакетов полно. В них местные складывают мусор, потом выходят на улицу, мусор вываливают, и пакеты дальше используют. В том числе и в качестве заменителей стекол.

Нужный домик нашелся быстро, ходить по загаженной территории мне надоело, сосредоточился на поисках, и тут же обнаружил то что нужно. Каркас три на три, обшитый чуть ли не картоном, с крышей из строительного тента. Предполагаемую пленницу никто не охранял, вместо двери тряпка висела, а что, тепло, змеи если что в жару охладят, а москиты — зарядкой заставят заниматься.

Зу Маас-Арди сидела на пятках и медитировала.

— Отец святых у себя в центральном доме, — по-английски сказала она. — Здесь — частная территория.

Я пригляделся — изможденной или избитой она не выглядела. Скорее — уставшей. Или даже скучающей.

— Мне еще дожидаться приема, а тут такая роскошная женщина сидит, одинокая, может быть, проведем время вместе?

Насчет роскошной я не слукавил, все у ани Ашши было в наличии, и крутые бедра, и высокая грудь, и большие чарующие глаза, и скулы четко очерченные. И роскошные волосы цвета воронова крыла, давно не мытые — нарочито. Черные глаза гневно сверкнули, кулаки сжались, вот и сила проявилась.

Понятно, почему помощи просит.

Не обращая внимания на протестующий жест, подошел, сел напротив.

— Я пришел.

— Ясно, — женщина выдохнула, и перешла на эме-гир. — Быстро, и на видео ты другой.

— В этом облике я тоже хорош, но если тебе тот больше нравился…

— Не важно, — ас-ариду не расположена была шутить. — Могу я узнать твое имя?

— Конечно, — я встал, церемонно поклонился. — Зу Марк Уриш.

И получил в ответ удивленный взгляд.

— Уриши, царство Исин, старая семья. Их…Вас же уничтожили. Или ты из младшей ветви? Но там оставались только лу. Прости, я тут уже два года, понимаю, что время быстро летит. Царство Исин живет своей жизнью, мы в нее не вмешиваемся. Ты тоже застрял?

— Некоторым образом, — улыбнулся я.

— Но способности у тебя остались, — утвердительно сказала женщина.

— Как видишь, точнее — видела. Слушай, мы так в вопросы и ответы будем сто лет играть. С нашей жизнью это не срок, но хотелось бы выбраться из этого срача куда-нибудь в более цивилизованное место. Ты сослалась на Кодекс — я здесь. Сама знаешь, есть ограничения. Но вывезти тебя в Штаты я могу, или в Европу. В страны третьего мира не советую, сейчас хрень какая-то творится.

Ан Ашша улыбнулась.

— Вы, ас-исин, всегда слишком торопитесь. Влияние юга. Мы, ас-урук, более неторопливы и основательны. Я могла бы отсюда уйти, но есть проблема — этот жрец местный меня хотел изнасиловать.

Я присвистнул. Поднявший руку на ас-ариду должен быть убит. А поднявший сами понимаете что на аристократку — умереть как можно более жестоким способом, так, чтобы мучился годами. И не он один, а все его родственники, в идеале — все население планеты. То, что самого действия не было, а было только намерение, смягчающим обстоятельством не являлось.

— Если ты хочешь спалить Бразилию, я не буду мешать. Но сначала уберусь отсюда.

Зу Маас-Арди рассмеялась. Не удивлюсь, если изнасилование чуть было не произошло именно с ее подачи..

— Не знаю, как у тебя, но мое ядро повреждено. В момент перехода кристалл треснул, и выплеск энергии разрушил связи. Ты наверняка уже это заметил. Так что могу позволить отомстить за меня, но тогда ты будешь должен мне.

Ну да, месть — это дело интимное, между мстителем и жертвой. Вовлекать еще кого-то допускалось, но не приветствовалось. Почему-то Бильга-меас считали, когда составляли свой кодекс, что это — прямо-таки подарок, который потом надо отработать.

— Нет.

Еще один удивленный взгляд. Красивые глаза, ресницы длинные. Но ради этого я должником становиться не собираюсь. К тому же Кодекс я знал не хуже нее, шумеры почище евреев или армян в двусмысленности разбирались, любую ситуацию можно было повернуть в свою пользу. Можно было торговаться, даже список уложений составлять, у кого длиннее, но это — удел лу. И об этом я зарвавшейся пленнице напомнил.

— Прости, — ничуть не смутившись, очень мило улыбнулась брюнетка. — Я была не права. Конечно, ты можешь поступать, как считаешь нужным. Но пожалуйста, пойми, я не могу просто так

уйти, не восстановив справедливость. У меня есть деньги, не здесь, в Штатах. Можно нанять бойцов из местных мафиози, миллион-два решат проблему, я думаю, И еще, у жреца есть моя вещь, я должна ее забрать.

Прикинул и так, и эдак, Гомеши от денег не откажутся, то, что могут отобрать и не сделать, я не боялся. Для Алехандро и его дяди я просто Марко, русский лошок, которого можно развести на динейро, раз его грозный родственник пропал. Но при необходимости не станет семьи Гомешей. Дома Карлуша и его племянника — хоть сейчас.

Нет. Не буду я чужие проблемы решать, эта зу не маленькая. Выглядит лет на двадцать пять — тридцать, наверняка уже под сотню, раз не побоялась в стабильный техномир перенестись.

Достал из кармана две монетки, подбросил в ладони, ани Ашши плотоядно улыбнулась, облизнула губы языком.

— Вот, — протянул я ей ману. — Считай, свой долг выполнил. Теперь у тебя есть все возможности мстить, ты ведь Усмиряющая? Значит, моя помощь не нужна. Как говорится в старых книгах, хочешь помочь, не давай рыбу, а дай сеть. Или удочку. Или динамит. И не забудь потом отдать, я, так сказать, тоже рыбку половить люблю.

Поднялся, пошел к тряпке, заменяющей дверь.

— Стой! — раздался голос, стоило мне дотронуться до ткани.

Вернулся, снова уселся напротив.

— Хорошо, зу Уриш, чего ты хочешь?

Я вытянул левую руку, браслет Уришей проступил над кожей. Женщина обхватила его ладонью.

— Прошу тебя, зу Марк Уриш, хранитель традиций и носитель имени. Ого, вот ты какой, прям мурашки по коже, дорогуша. Позволь встать рядом с тобой на…

— Один год.

— Один год, да? Ладно, это терпимо. И — моя месть, твоя месть. Да будет Наргал свидетелем. Ты щедр, зу Марк, признательна тебе за это.

И протянула мне монеты обратно.

— Как ты их убьешь?

— Я? Нет уж, ты это сделаешь сама.

Приложил одну монету к левому виску женщины, другую — на лоб. Ани Ашши наблюдала за моими действиями с разочарованием. Я ее понимал.

В нормальном состоянии псион может впитать ману самостоятельно. Даже самый слабый, было бы умение. Если нарушено ядро, вот как у Кира Громеша было, когда он с черной паутиной сразился, тут нужен опыт и сам псион должен быть

достаточно силен — в противном случае есть риск полного распада. В совсем уж нехороших случаях, когда ядро повреждено настолько сильно, что одаренный не может схемы создавать и свою силу с трудом контролирует, только крохами бору действует на искореженных остатках, нужен особый подход..

Ани Ашши была Усмиряющей, обычный Видящий схему поглощения просто бы не наложил, ушедшее в разнос ядро только прямые функции не выполняло, а вот косвенные — только так, разрушая любое чужое воздействие. Тут требовался такой же Усмиряющий, но сильнее.

Или я, со случайно обретенным умением.

Белые искорки вспыхнули возле локтей, стекли к пальцам, впитались в ману, и монетки начали погружаться в плоть. Я усилил напор — светящийся ручеек потек в мозг, разносясь по всему ограничизму, белые нити выстреливали вслед за ним, восстанавливая поврежденные связи. В прошлый раз мне Ним Арраш помогал, точнее говоря — делал за меня, и все прошло гораздо быстрее, но сейчас я был один на один с проблемой, пришлось минут десять потратить, прежде чем ядро начало откликаться.

Оторвался от ани, в ее глазах были слезы. Не слишком натуральные, так — чтобы я заметил и оценил.

— Ты ведь не Повелитель, я бы почувствовала. Как? Впрочем, неважно, так даже интереснее. Эр хель нап исту Энки-су, — вытянула ладонь вперед, и над ее рукой засверкали зеленые огоньки, складываясь в родовой знак.

Сама, добровольно фразу условного подчинения произнесла. Да еще богиню свою упомянула. Нет, поначалу-то я ману тратить не собирался, но получить ани, да еще вот так, на ровном месте — это не то что удача, это джек-пот. Ас-ариду не стремились подтвердить свою одаренность, обходясь обычными титулами. И если уж одна из правящей семьи решила, что ей это нужно, значит, были веские причины.

— Какие у тебя есть еще секреты, зу Уриш? — хитро улыбаясь, сказала она. — Если хочешь, могу даже символ тайны передать. Нет, ты серьезно? Но это должен быть стоящий секрет, достойный символа. Хорошо.

Оранжевый клинышек возник над ее ладонью, все так же вытянутой вперед, и поплыл ко мне, а потом рывком впитался в браслет. Шумеры лгут, предают и вообще ведут себя как хотят, никакой гарантии нет, что тайна сохранится, как-никак, не седая древность. Вот если предыдущую клятву нарушит, ядро снова в разнос пойдет, на день-два, не больше, но все равно неприятно. С этой то же самое, пацан слово дал, а потом взял. Ну поболеет

немножко, с ослабленным даром месяцок посидит, делов-то. Но мне нужна была помощница — вот такая, как она. И на любых условиях, хотя желательно, на моих.

Если дама хочет сюрприз, она его получит.

— Эр-асу, — прошептала ани Ашши, — вот уж не думала, что когда-нибудь доведется увидеть. Кому рассказать — не поверят. Он настоящий? Это не иллюзия?

Не иллюзия подошла к женщине, подставила голову. Та несмело протянула руку, осторожно погладила кота. Тот заурчал, потерся вибрисами об ладонь, белые искорки стекали с его шерсти. Ну вот, я тут старался, силы тратил, а этот черный пожиратель еды за несколько секунд сделал гораздо больше. И решив, видимо, что хорошего понемножку, исчез.

— Ну что, — зу Маас-Арди вскочила легко, развела руки в стороны, на улице послышались хрипы — кто-то умирал, — повеселимся.

— Непременно, — согласился я. — Только я здесь не один. И сначала сам хочу на местного колдуна взглянуть, может, какой мудростью поделится.

Глава 14

С виду культовый бублик — террейру был цел и невредим. Но это только если внутрь не заходить. Там тела шамана и его голозадых приближенных висели, пришпиленные к бревенчатым стенам каменными иглами. Животы были вскрыты, кишки свисали до земли. Те, кто поумнее, убежал, за ними охотиться не стали. На груди Усмиряющей висел кулон с золотой змейкой, глаза у рептилии были из красных камушков, очень мелких и очень знакомых. Зеленая Белова уже проблевалась, и следила за периметром,

Шаман был жив. И на удивление здоров, ани решила оставить его напоследок, на сладкое.

А ведь начиналось все мирно и тихо. Мы с ани дошли до нашей хижины, по дороге на нас глазели аборигены, мужчины в основном, свистели, показывали, что мне надо сделать с подружкой, Ашши взяла меня под руку — сейчас ее от аборигенки было не отличить, черная кожа, черные короткие курчавые волосы, кривые зубы и такие же ноги под толстой задницей.

Только войдя в хижину, она преобразилась обратно, в нормальную шумерскую женщину. Хотя среди шумеров тоже были негры, кажется, в царстве Киш.

— Мы отлично смотримся вместе, дорогуша, — сказала мне Ашши, — ой, у тебя есть подружка, прости. Очень миленькая, не возражаешь, если я тут с ней останусь?

Я не возражал — для того, собственно, и привел. Ира на появление новой подружки отреагировала нервно, но вида не показала. Оставил их сидеть, ждать, и отправился к жрецу.

Паи-де-сантош, толстенький мужчина в набедренной повязке и с золотым ролексом на запястье, чавкал, хватая какие-то мерзкие на вид куски и обмакивая в вонючий соус. Увидев меня, жрать не прекратил, помахал в воздухе рукой, помощник подбежал, принес жаровню и пучок перьев.

— Гринго? — жрец попеременно разглядывал то меня, то чей-то запечённый глаз, причмокивая губами. Наконец решил, что я никуда не денусь, и засунул глаз в рот, прожевал и рыгнул. Не знаю, наверное у него такое представление о святости было. По его знаку второй негр бросил на жаровню щепотку порошка, помахал перьями, сладковато-приторный запах растекся по комнате.

— Руссо.

— О, русский это хорошо. Сталин, водка, перестройка, —

пузатый на английском изьяснялся практически без акцента. — Много денег. Отлично. Если надо вызвать духа — шесть тысяч. Приманить удачу — десять, с гарантией пятьдесят. От болезни вылечить за один раз не получится, придется здесь пожить, еда, девки — все за деньги. Советую полечиться, выглядишь плохо.

— В реалах цена?

Жрец рассмеялся, противненько так.

— Шутник, не люблю таких. Доллары, можно евро. Никаких карточек, только наличные. Ты пришел к великому жрецу, отцу святых, духи не любят жадных. Вижу, вижу, что с тобой, я мудрейший жрец и великий шаман. Чего смотришь, не веришь?

Он вытер руки о какую-то грязную тряпку, сложил ладони, резко раскрыл. Огненный шарик размером с пинг-понговский висел в воздухе.

— Вот, Шанго меня слышит. Прямая связь, видишь знак бога? Это не ваш слабый бог, а настоящий черный, жестокий и кровавый, который всегда готов убить и сожрать. Чувствуешь, как от огня распространяется его сила, проникает в тебя, уносит в долины предков, где полно женщин и еды? Ощути, как благодать огня проникает в тебя, согревает изнутри. Твои глаза открыты, но тело засыпает, Шанго не любит, когда ему мешают, он заберет твоих врагов и сожжет их живьем, выпустит им внутренности, сожрет их мозг и кишки, но Шанго любит подношения, ты готов отдать Шанго то, что у тебя есть?

Наркота в жаровне давно уже должна была подействовать. Все подручные жреца вовремя смылись, а сам он был, видимо, привычный, для него такая доза, как слону дробина.

Я изобразил придурковатое блаженство, шаману это понравилось, сделал вид, что убирает огонь. Этот бразильский негро умел создавать схемы, топорные, неэффективные, но все равно, кто-то его научил. Он достал из кармана камень, потер об одежду — вот и портальный маяк, ну да, трещина идет, такие я люблю. Точнее говоря, модуль любит, может, починится.

— Смотри, это великий алмаз богов, — втирал мне шаман, получив пачку денег, — прикоснусь к твоей голове, все беды уйдут. Мало, мало денег, мало бед уйдет. Думай, где взять еще. Приходи с большими деньгами, Шанго будет ждать.

Он приблизил лицо к жаровне, вдохнул дым, прикрыл глаза, его чуть затрясло.

— Время раскрывается для меня, нет тайн для того, кто служит Шанго. Вижу, вижу свет и тьму, кровь и воду, пустыню и сельву. Красное и черное, кровавые жертвы на черных камнях. Удача будет искать тебя в далеких мирах, — кристалл в руках жреца даже цвет чуть поменял, мужик реально вошел в транс. —

Иди по своей дороге, воин, ты слишком далеко зашел, чтобы повернуть назад. Прикоснись к своей судьбе, вспомни, кем ты был и стал. Протяни руку тем, кому ты нужен, и отруби тем, кто хочет тебя остановить. Перестань оглядываться на тени, выбор между прошлым и будущим уже сделан.

Модуль кристалл определил, в принципе, больше мне тут делать нечего было. Вытащил из кармана кусок кварца, на улице подобрал. Подделать кристалл — как нечего делать. И трещинка точно такая же получилась, и светиться он будет еще неделю, хотя, думаю, для пузана это неактуально. Стукнул шамана в лоб, отобрал маяк, точнее говоря, поменялся. А тут и транс со жреца слетел.

— Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя, — пафосно заявил он, демонстрируя знание классики. Бросил камень в ящик, пересчитал деньги.

— А если долго смотреть на Луну, можно стать идиотом, — поделился я своими сакральными знаниями.

— Что? Не неси чушь. Можешь идти, русский. Дополнительные товары купишь у моих сыновей, лучше нигде не найдешь. Высшее качество, вся Колумбия здесь закупается. И не вздумай жадничать, Шанго не любит жадных.

Жрец хлопнул в ладоши, тут же вбежали двое — один принес еще еды, а второй вывел меня наружу, во внутренний дворик. Там бойкие ребята выкатили мне прайс на дополнительные услуги и товары. Один было заикнулся, что в оплату может принять женщину, с которой я пришел, но остальные подняли его на смех.

— Толо любит тощих, не обращай внимания, — заявил старший. — Я же вижу, это просто твоя служанка, настоящая женщина должна быть толстая, как бегемот, чтобы складки свисали и жир капал на половицы. Хочешь такую? Когда я с утра ее шлепаю, трястись все перестает только к вечеру. А если положишь ее себе под бок, тепла хватит на всю ночь. Всего сотня долларов и твои ботинки, и можешь с собой забрать навсегда. Не понравится, сьешь, такое добро не пропадает. Какие нежные у нее ребрышки, какая из нее получится фейджоада, ты просто язык проглотишь. И хватит надолго.

— Договоримся, — пообещал я, — пошли за деньгами. Заодно расскажешь моей служанке, как готовить твой товар. Может, приправы какие специальные нужны, или травки.

Мы быстро дошли до нашей хижины, я дотронулся до двери, повернулся к охранникам.

— Ждите. Сейчас посмотрю, сколько есть, и выйду.

И зашел внутрь, под дружный хохот. Ну да, отсюда с деньгами не уезжают.

— Женщин и детей тоже будешь убивать? — уточнил у ани.

— Сдурел? — ас-ариду даже обиделась, и тут же поправилась, — эн-телу. Мы же не в нашей реальности, тут свои законы, да и лишний шум не нужен. Только тех, у кого оружие в руках, и то, если не убегут. Дорогуша, тебя это не касается.

Подмигнула Беловой.

— И одаренных? — уточнил я.

— Ты кровожадный, дорогуша. Люблю таких. Скажешь — и их тоже уничтожим. Хоть всю эту мусорную кучу.

Первыми умерли хохмачи около двери. С ними ани особо не задерживалась, черные брызги сорвались с пальцев, попадая исключительно в лицо. Со стороны казалось, что женщина небрежно дернула рукой, и тут же пяток мужчин покатился по земле, бедняги выли, пытаясь выцарапать себе глаза, но быстро затихли.

— Не мешай ей, — попросил я Белову. — Тут личное.

Жертв было не так много, кроме этой пятерки, только еще трое сунулись защитить вход в центральное святилище. И разделили судьбу своих друзей. Коротким жестом ани затащила их на внутреннюю площадку, швырнула на стену, и тут же пришпилила каменной стрелой. Точно в горло. Каждого.

Шаману достались две, в районе локтей, из своего кабинета он высунуться не решился, а стоило нам войти, швырнул огненный комок. Хватило его на три, дальше боевой запал иссяк, толстяк, подвывая, на коленях пытался скрыться в углу, там лаз какой-то был, но брюнетка его перехватила, силовой петлей зацепила ногу, вытащила на улицу, подвесила рядом с его родичами.

С минуту она рылась в его кабинете, амулет свой сразу нашла, а вот кристалл, видимо, нет. Чтобы не отвлекалась, я ей камень показал, ани недовольно поморщилась, но промолчала. Кто первый встал, того и тапки.

— Ну что, дорогуша, понравилось тебе? — шаман с ужасом смотрел, как тонкий палец ведет невидимую полоску от его груди к гениталиям. — А вот мне — не очень. Соблазнил девушку, и все? Если дар есть, мог бы и отрастить себе чего-нибудь, кроме пуза. Не хочешь ничего мне сказать?

Шамана прорвало, он сдал явки, пароли — реальные, от банковских счетов, рассказал, где деньги лежат, и вообще очень откровенничал.

— Какой ты молодец, — Ашши улыбнулась жрецу. — Ничего не забыл? Кто меня сюда привез?

Того парня, который доставил ему Ашши, отец святых боялся сейчас гораздо меньше, чем саму Ашши. Вид негров, развешанных неподалеку, и жужжание мух на их кишках этому способствовали.

Брюнетка внимательно выслушала, задала несколько наводящих вопросов, нахмурилась.

— Кого еще привезли?

— Только тебя! Был еще один, месяц назад, но он умер прямо в самолете, они вывалили труп и улетели.

— Вещи?

— Нет. Мы выкинули его в лес в одежде, в карманах ничего не было, клянусь.

— Представь его, — Ашши положила ладони шаману на виски. Тот в ужасе зажмурился. — Вроде похож. Но это неважно. Ты готов, мой пузанчик?

— Что? — пролепетал жрец.

— Встретиться со своим богом огня.

Толстяк хотел что-то сказать, но не смог, связки уже не слушались. Ани отошла на пару шагов, полуобернулась к Беловой.

— Дорогуша, сейчас я покажу тебе, как надо поступать с мужчинами, если они не уважают женщин.

Ира побледнела, вокруг и так достаточно наглядных пособий было развешано. Но для жреца был особый ритуал приготовлен.

Брюнетка присела, чуть вытянула ладонь параллельно земле, из песка и камней сложилась змеиная голова. Прям как живая. Змейка моргнула, потянула за собой песочное тело, дотронулась раздвоенным языком до ладони, зашипела. Опустилась обратно и медленно поползла к жрецу. Тот попытался глаза закрыть, но и веки не слушались, а зрачки сами следили за змейкой.

— Когда еще такое увидишь, красавчик, — сказала ему Ашши, — это тебе не твои шарлатанские штучки.

Змея подползла к жрецу, поднялась по телу прямо к лицу, раскрыла рот, обнажая клыки, камушки, изображавшие глаза, вспыхнули красным. Раздвоенный язык дотронулся до подбородка, прошелся выше, к носу, потом к правому глазу, змея на секунду замерла, а потом вцепилась зубами в этот глаз, выгрызая его. Внутриглазная жидкость брызнула, а змея начала втягивать свое тело в глазницу.

— Потихоньку будет выедать внутренности, — Ашши встала с корточек. — Можем посмотреть, но это минимум полчаса, а то и час. Сначала в песок превратятся легкие, потом сердце, ну и дальше.

— Он же должен умереть? — пришла в себя Белова.

— Не так быстро, дорогуша. Мозг будет жить и все

чувствовать. Считаешь, это жестоко? Ты поговори со своим энтелу, узнаешь, что такое жестокость.

— Энгун, — твердо ответила Белова.

— Вот как? Похвально, дорогуша. Зу Уриш, я впечатлена. Здесь у меня больше нет дел, я полностью в твоем распоряжении. Абсолютно, — брюнетка провела языком по губам, насмешливо посмотрела на меня.

— Отлично. Тогда держи, вот — мой рюкзак. И поаккуратнее.

Ашши ничуть не обиделась и не расстроилась, спокойно закинула рюкзак за спину. Одежды на ней был минимум, так, чтобы прикрыться, и груз кое-как этот пробел восполнял, хотя бы со стороны спины.

Мы прошли мимо хижин, на улице ни одного человека не было, на границе с сельвой — тоже. Селение словно вымерло, только из мутных окон нас провожали ждущие глаза. Ждущие — когда же мы уберемся и можно будет делить наследство жреца. И вправду, стоило нам ступить под сень деревьев, раздался выстрел, затем еще несколько, сыны святости определяли, кто из них будет отцом.

На повороте, где мы на тропинку вышли, я сворачивать не стал.

— Ани, расчищай путь.

Ашши выступила вперед, вытянула руки, там, куда указывали ладони, мелкая растительность превращалась в прах. И по этому вот пеплу мы шли.

— А почему не по старому пути? — спросила тихо Ирина.

— Думаю, нас там уже ждут, и не с хлебом-солью.

Мы вышли с другого края поляны — на ней стояли два вертолета, возле одного Алехандро курил сигару, возле другого стояли два бойца в легких рубашках и светлых брюках, расслабленно держа оружие дулом вниз.

— Четверо вон там, и двое левее, — показала рукой Ашши. — Дорогуша, не хочешь пострелять?

Вместо ответа Белова привинтила глушитель, положила винтовку на основание ветки, прицелилась. Раздался хлопок, потом еще один.

— Ты прелесть, дорогуша. Талант, явный талант, — ани хлопнула Иру по заднице, та аж взвилась. — Не обижайся, я любя. Марк, милый, когда срок моей службы закончится, я ее к себе переманю.

На другом конце поляны наметилось оживление. Один из четверки сорвался, побежал в сторону мертвой уже пары товарищей, крикнул оттуда что-то, Алехандро моментально залез под вертолет, двое в рубашках тоже попытались укрыться.

— Кого следующего? — деловито спросила Ирина.

— Видишь моего друга? Прострели ему ногу.

— Есть, шеф.

Раздался еще один хлопок, Алехандро заорал, зажимая разодранную пятку, кость вроде не задета, но кусок мяса оторвало. Если все пойдет по оптимистичному сценарию, будет парень хромать долго. По пессимистичному — пятка будет самой маленькой из его проблем.

Солдаты прочухали, откуда ведется огонь, развернулись к нам, пули сбивали листья, прошивали стволы деревьев, несколько завязли в щите, выставленном Усмиряющей.

Алехандро плакал, в паузах что-то орал в телефон, потом, зажимая одной рукой пятку, замахал грязным платком.

— Марко, ты все не так понял, — крикнул он что есть силы.

— А как я должен был понять, друг мой?

Бразилец снова заорал, было от чего — я лежал на земле на расстоянии вытянутой руки от него. Прямо перед его лицом, практически нос в нос, глаза в глаза.

— Марко, я идиот, — горячо заговорил Алехандро, всхлипывая, — жадность затуманила мне мозги. Но мы ведь друзья. Мы вместе пили кашасу. Эй, там, прекратите стрелять, немедленно! Стоп!

— Сколько будет еще вертолетов, Алехандро?

— Никто больше не прилетит. Дядя сказал, что ты опасен. И когда ты убьешь шамана, мы должны забрать у тебя все, и убить ту, которую ты искал. Я был против, но ты же знаешь, с ним бесполезно спорить. Эта девка, ты показывал фото, она из ЦРУ, что-то там сделала, они сейчас сидят в casa, они связывались с моим отцом, дали ему указания — вас не выпустят из страны. Но вместе мы еще успеем улететь, я вывезу вас в Перу, мой пилот знает коридор.

— Что говорит этот бесполезный кусок дерьма? — я повернул голову, Ашши лежала рядом, кусала травинку, — выжги ему глаза, так он станет сговорчивее.

— Нет, госпожа, прошу. Что мне сделать? — чуть ли не зарыдал младший Гомеш, каким-то непонятным чутьем определив, кого тут нужно сильнее бояться.

— Американцы у вас, да? Марк, мне всегда хотелось посмотреть, как живут настоящие хозяева Бразилии. Может, слетаем в гости?

— Тебе нравится Фрида Кало? — спросил я у Ашши.

— Нет, дорогуша. Такая мазня — оскорбление для глаз.

— Тогда полетим. Если что, этот курятник не жалко будет сжечь.

Два вертолета поднялись в небо и неспешно двинулись к поместью Гомешей. В переднем Ира с пилотом, за ней — мы с Ашши. Бойцы остались на поляне, не пропадут. Поселок рядом, там накормят, напоят, и спать уложат. На ужин в любом случае позовут, или как гостей, или как основное блюдо.

Внизу, в сельве, огромный ягуар бежал, не разбирая дороги. За ним задорно гнался небольшой чёрный кот.

— Ставлю два ману, что он его догонит, — сказала Ашши, показывая глазами вниз.

— Откуда у тебя деньги, — скептически ответил я.

— Кто знает, — брюнетка загадочно улыбнулась.

Глава 15

— Алехандро, мальчик мой, все в порядке? — дом Карлуш, не считающий нужным изображать перед своими дряхлого старика, сидел выпрямившись в инвалидном кресле. — Ты вовремя. Это мистер Донелли, наш друг из Америки.

Высокий лысый негр в белом костюме встал, продемонстрировал ослепительную улыбку, коротко поклонился, пожал руку молодому человеку.

— Сеньор Донелли очень щедр, — продолжал дом Карлуш, — и к тому же уладил все наши разногласия с колумбийцами. А все потому, что твой отец хорошо поработал, да и ты у меня на отличном счету. Расскажи, как все произошло.

— Плохо, дядя, прости, я не оправдал твоих надежд.

— Что случилось? Я видел, вы привезли женщину.

— Да, с ней все в порядке. Но не обошлось без перестрелки, перед этим Марко и его сумасшедшая белобрысая стерва убили пятерых наших, почти всех, кого ты послал. И еще одного пилота. И этот bastardo сидел за нашим столом, ел нашу еду.

— А что со жрецом? — вступил в разговор Донелли. — с ним-то все в порядке.

— Его тоже пришлось убить, они с Марко как-то договорились. Когда мы пришли в поселок, отец святого сам отдал нам женщину, но стоило ему увидеть деньги, этот пузатый Babaca обезумел от жадности, подручные набросились на нас. Хорошо, что мы были начеку, но все равно, пришлось убить и его самого, и его сыновей. Остальные разбежались, мы не стали их преследовать. Тогда же ранило двоих, Криштиану и Раймона.

— Проблем не было?

— Нет, экселенц. Эти дикари только и умеют, что бегать. Но потом на поляне нас ждал Марко, они спрятались на противоположной стороне, и начали стрелять первыми. Дядя, этот Monte de merda даже не пытался договориться, еле уложили его и его сучку. Оставили всех на поляне, надеюсь, дикие звери сожрут их трупы.

— Жаль, что жреца не удалось сохранить живым, в любом виде, — негр отхлебнул из низкого стакана. — Женщина здесь?

Алехандро взглянул на дядю. Тот кивнул.

— Да.

— Отлично, я ее забираю. Не возражаете, сеньор Гомес?

Дом Карлуш поморщился, эти гринго коверкали имена на испанский лад.

— Да, пор фавор.

— Жаркое было отменным, спасибо. Но вынужден идти, работа.

Этот гринго нарушил все правила приличия. Назвать божественное шурраску жареным мясом, это значило оскорбить того, кто его готовил, а готовила дона Гомеш. Только высокие связи гостя и то, что его люди фактически курировали трафик из Бразилии в Мексику, а оттуда в Техас, удерживало старика от убийства.

Негр встал, вопросительно посмотрел на Алехандро.

— Я провожу, — тот, дождавшись дядиного кивка, показал гостю на дверь.

— Твой отец вовремя с нами связался, — втолковывал Донелли по пути к вертолетам — на площадке кроме трех Робинзонов стоял Апач, настоящий, боевой, с подвешенными ракетами на пилонах. Такой мог один превратить поместье в груду камней и земли. — Кто знал, что этот русский такой проворный, чуть было его не упустили. Ты уверен, что он мертв?

В ответ Алехандро продемонстрировал экран смартфона, перелистнул несколько фото. На одном четко была видна голова молодого человека с дыркой в черепе. Рядом лежала блондинка с винтовкой.

— Не знаю, но по моему опыту, с такой раной не живут, — с явственной обидой в голосе заявил бразилец. — Эй, Мало, выводи девку, ее забирают.

Оставшийся боец вытащил из вертолета Ашши со стянутыми стяжкой за спиной руками, грубо толкнул вперед, та чуть не упала.

— Пошевеливайся, пута.

Донелли поморщился.

— Это необязательно. Просто отведите ее к моему вертолету.

Из Апача выскочили двое бойцов, максимально упакованных, несмотря на жару, подхватили женщину и аккуратно засунули в вертолет. Донелли протянул руку.

— Благодарю. Передавайте мой привет сеньору Пабло Гомесу. С ним и с вами приятно вести дела.

— Непременно, — Алехандро улыбнулся, то, что гринго выделил только его и отца, оставив дядю за бортом, прозвучало очень четко.

Донелли махнул рукой, залез в вертолет, лопасти Апача, до конца не останавливавшиеся, начали раскручиваться, семь с половиной тонн смерти оторвались от земли, вертолет пошел вверх, а потом вперед, набирая скорость. Алехандро проводил его взглядом, кивнул бойцу, который скрылся в вертолете, и пошел

обратно в дом.

Дом Карлош отковырнул ложечкой кусок кижу, плоды кешью надо было сьедать в тот же день, долго они не хранились. Что-то в поведении Алехандро царапнуло его, но на кодовую фразу ллемянник ответил правильно, как и нужно. С девкой разобрались, пусть американцы теперь расплачиваются. У него уже есть на примете одна картина, совсем недавно ее украли у владельца, и теперь надо только перевезти через границу диппочтой. Страховая возместит сумму владельцу, а он повесит на стену еще один шедевр французов, хоть и говорят, что другие художники могли вот так передавать экспрессию, но нет, даже этот русский Пименов, которого привез Марко, и рядом с ними не стоял. Хотя картина стоящая, особенно ощущение только что прошедшего дождя. Жаль парня, всегда был вежливым, почтительным, соблюдал правила хорошего тона. Но это не те качества, которые продлевают жизнь. Дом Карлуш поднял глаза — перед ним стоял покойник.

— Экселенц, — улыбнулся я. — Эти американцы ничего не понимают в настоящем шурраску, им только гамбургеры жрать.

Пошутил, называется.

Старик протянул ко мне руку, правая половина рта пошла вниз, утягивая правое веко, и он рухнул на пол. Инсульт. И я тут был совершенно не при чем — в смысле, само это произошло, возраст, слабые сосуды, нездоровый образ жизни и преступное прошлое.

На шум в комнату вплыла дона Гомеш, пожилая полная женщина, в дела мужа она не лезла, предпочитая проводить время на кухне, благо та была размером с дачный участок.

— Карлито, — дона Гомеш была наполовину аргентинкой, — что случилось? Марко! Он лежит на полу, помоги же!

— Он сидел, и упал. Может быть, не стоило ему говорить.

— Что говорить? Эй, вы, врача, срочно! Звоните сеньору Альду!

— Он не дышит, дона, — я присел, приложил пальцы к морщинистой шее, — и пульса нет. Я сказал ему, что с Алехандро случилось несчастье. Он был ранен в перестрелке, мы пытались его спасти, но не смогли. Ваш племянник был храбрым человеком, и умер как настоящий мужчина.

— Никогда не любила этого малолетнего мерзавца, — внезапно спокойно сказала дона Гомеш. — Да и этот старый козел был хорош, не одной юбки не пропускал, ходить не мог, а трахал все что движется. Марко, приедет врач, расскажешь ему то же самое, что и мне. Перед отъездом поешь?

— Конечно, сеньора. Если я не съем порцию ломбо-ди-порко, именно вашего приготовления, как дальше жить?

— Хороший мальчик. Жаль, что наша дочь нашла какого-то музыканта, ты был бы для нее отличной партией, — дона Гомеш потрепала меня по щеке и гордо вышла из комнаты.

Врач обещал прибыть через два часа, тем более что признаки смерти были налицо. Я вышел во двор, поглядел на безоблачное небо, на стоянку вертолетов — там все было тихо. В вольере пума вылизывала коту шерсть. Появился слуга, протянул телефон.

— Вас, сеньор.

— Привет, дорогуша, — послышался голос ани. — Ты как там?

— Я приглашен на ужин.

— Плохой мальчик. Надо говорить — мы приглашены. Буду через сорок минут.

Ровно через сорок минут во двор поместья вьехал белый Тахо. Охрана, уменьшившаяся на треть, службу несла так же бдительно, как и раньше — то есть почти никак. Какая опасность может подстерегать семью Гомешей в собственном городе, это только в других местах стреляют, ну так и нечего туда соваться.

Из машины выпорхнула Ашши, в новом белом платье и туфельках, с белоснежным беретом на голове, послала шоферу воздушный поцелуй, не торопясь подошла ко мне. Если бы я не знал, что женщина провела минимум неделю в заключении, потом почти голая шла через сельву, тряслась в одном вертолете, а потом — в другом, подумал бы, что она потратила на приготовление к визиту минимум полдня.

— Ну что, дорогуша, представишь меня хозяину поместья?

— Он умер.

— Жаль, а хозяйке? Впрочем, я сама, займись чем-нибудь, милый.

И пошла очаровывать дону Гомеш.

Через час приехал врач, потом коронеры, труп увезли, а врач остался на ужин — ни один человек в здравом уме не мог пропустить возможность отведать свиной филей, обжаренный в оливковом масле, розоватый, истекающий горячим ароматным соком, с мелкими запечными красными перчиками и спаржей в ореховом соусе.

Нагруженный судками с едой, я садился в вертолет. Дона Гомеш обнималась с Ашши, взяв обещание, что та обязательно прилетит еще раз, и бросала на меня строгие взгляды. Я, по ее

мнению, ел слишком мало для настоящего мужчины. Преступно мало. Поэтому был явно недостоин этой женщины. Робинзон поднялся в воздух, взял курс на аэропорт — что мне вертолет после космических кораблей.

— Марк Львович, вы — сволочь, — выдала Белова, прямо пальцами выхватывая из контейнера кусок сосиски. — Хоть и командир, но сволочь. Пока я тут на жаре оборвыша изображала, вы все это ели. И наверняка запивали. Где вино?

Была у меня мысль чуть крутануть штурвал, чтобы вот все из контейнера на Ирину вылилось, но ладно, пусть живет, сегодня тоже неплохо сыграла свою роль.

— Дорогая, — дотронулась до ее руки Ашши, — все командиры — сволочи. Потому что, по их глубоко ошибочному мнению, мы, милые, воздушные, чуткие женщины должны выполнять их команды. Попробуй вот эту фасоль с мясом, обязательно. Сеньора Гомеш отлично готовит.

Кот, лежащий рядом с Беловой, заурчал. Он тоже хотел фейжоаду.

— И остальные мужчины — сволочи? — спросила Ирина.

— Отчасти, но ими командуем мы. А нам — можно, — успокоила блондинку Ашши.

— Дорогуша, ты сделала все, что хотела? — передразнил я брюнетку.

— Зу Уриш, вам не идет такой стиль, — отрезала та. — Да, Донелли был очень мил, и поэтому не слишком страдал, когда я… Ой, прости, дорогая, ешь, не буду портить тебе аппетит.

И перешла на эми-гир.

— Когда все произошло, нас здесь осталось двое, я и еще один ас-ариду из Лагаша, его кристалл разрушился так же, как и мой. Бедный мальчик, ему так не повезло. Кстати, зу Уриш, это мой кристалл.

— Был, пока я его не нашел.

— В этом-то и беда, — вздохнула Ашши. — Ведь для чего-то тебе эта бесполезная штука нужна. Я теперь не засну, пока не узнаю. И тебе придется…

— Не отвлекайся. Нам лететь еще двадцать минут.

— Ладно. Хорошо, дорогуша. Рассказываю, как обещала, странно, что ты так настаиваешь, но раз интересно, слушай. Четверо повелителей, тех, кто здесь давно жил, успели уйти, когда связь между реальностями начала разрушаться. Это было ужасно, милый, не каждая женщина может пережить такое. Хотя нет, их было пятеро, еще кто-то из Громешей, молодой. Кстати, ты знаешь, что у Громешей появился прыгун? Впрочем, они все быстро умирают или пропадают, эти несчастные дикари.

Я хмыкнул.

— Рассказываю тебе, и словно снова все переживаю. Представляешь, милый, мы остались в этом отсталом мире вдвоем, я и этот ас-лагаш, из старших Лхасс. Мой отец забрал себе Северную Америку, а семья Телачи — Центральную. Эти старые хитрецы такое придумали, что, если всплывет, это будет взрыв. Дорогуша, я бы тебе рассказала, но — секрет. Узнаешь, когда вернешься, ты же знаешь способ?

— Не отвлекайся, — снова напомнил я.

— Хорошо, — немного обиженно протянула ани. — Я тут всего два года, отец подключил меня к программе для местных одаренных. Представляешь, тут раньше были свои псионы, очень слабые, быстро умирали, как и во всех техно. Ты же почувствовал, что поле колеблется? Переход случился недавно, и теперь в этом мирке рождаются одаренные, можно было создать себе целую армию. Но когда произошло Смещение, все пошло наперекосяк. Не знаю, что случилось в сети реальностей, но раз ты тут, она снова работает, хвала Мардуку. Дорогуша, одного не пойму, как ты тут оказался без запасного кристалла?

— Дальше.

— В общем, все плохо. Слишком сильный всплеск в момент перехода, и мое ядро не выдержало. Это ужасно, милый, когда не можешь управлять энергией. Я страдала.

— И ты решила поискать помощи у жреца?

— Ты иногда такой дурачок, милый. Конечно же, нет! Никто из местных не знал, кто я на самом деле, но некоторые из них могут чувствовать одаренных. Мы с Донелли работали вместе над одним государственным проектом, местные решили, что я им больше не нужна, и продали меня этому жрецу. Точнее говоря, отдали, чтобы он научил меня пси-техникам, а потом вернул обратно, как предмет какой-то. Он — меня. Этот Донелли, которого ты видел, был слугой моего отца, сохранил кое-какие его личные вещи, которые не пропустила система, и везде таскал, показывал вот таким шарлатанам. Думал, что это поможет и ему обрести способности. Идиот. Был. Хочешь расскажу, как он умирал?

— Потом.

— Как скажешь, дорогуша. Псион из Лагаша получил не только энергетические повреждения, что-то с мозгом, впал в кому и умер — я не видела, мне рассказали. Печально, но сам виноват, нечего соваться куда не следует, если не подготовлен. Он занимался латинос, они вот теперь сами по себе. Лет двадцать, дорогуша, и внутри культов появятся настоящие колдуны, предсказатели, заклинатели мертвых. Этот мир будет тем еще

веселым местом.

— А в Штатах?

— Там тоже все не очень. Было известно о нескольких сотнях, больше двух третей одаренных на свободе, и что они будут делать, неизвестно. Хотя как неизвестно, ты же видел ролики. Эта американская культура ужасна, эти их фильмы, насилие, кровь и политкорректность. Говорю тебе, милый, они еще пожалеют. А закончится все выжженной землей.

— Почему?

Ашши удивленно на меня посмотрела.

— Марк, это же понятно. Сначала одаренные будут служить, потом — пытаться править. Ни умений, ни знаний у них нет, я уже видела миры, которые получили колебания поля и пошли своим путем. Где-то люди успели уйти к звездам, оставшиеся до сих пор бегают и уничтожают друг друга. В других местах тупо всех убили, и остались выжившие дикари. Это твой первый переход, милый?

— Третий, — совершенно честно ответил я.

— Тогда понятно. У меня — тридцать восьмой. Если не требование отца, вовек бы сюда не сунулась. Я думала, в вещах энгуна еще есть портальные камни, но остались только вот эти, — и она протянула мне коробочку. — Кстати, там и твой, то есть мой долг.

Я открыл шкатулку — внутри лежали три маленьких красных кристалла. И две монетки.

— А еще две?

— Прости, из головы вылетело, — Ашши, нисколько не смущаясь, достала откуда-то еще две монеты с дырочками. Кот облизнулся. Ну да, ягуар или жидкое золото, выбор был очевиден, стоило только ему предложить. — Вот вроде и все.

— Нет. Что это за красные камни?

— Понятия не имею, — Ашши фыркнула, — отец носился с ними, и с какой-то золотой пластиной, которую с собой унес, говорил, что сможет восстановиться, когда ядро разрушится. Но потом они не понадобились. Эти повелители всегда что-то придумывают.

— Он снова стал повелителем?

— От тебя ничего не укроется, дорогуша. Умеешь складывать два и два. И не только он.

— А амулет?

— Обычная семейная реликвия, — на голубом глазу соврала ани. — Просто дорога мне, как память. Да что мы все обо мне, как ты тут оказался, милый?

— Я, собственно, и есть тот самый прыгун Громешей, —

улыбнулся ей.

Ашши замолчала, что-то обдумывая.

— Это многое обьясняет, — наконец сказала она. — Это твой родной мир, да? Вы всегда, когда припрет, возвращаетесь домой. Если выживаете.

— Не встречал ни одного прыгуна.

— Потому что после первого прыжка возвращается один из пяти. А после второго — почти никто. Мы готовимся годы, прежде чем отправиться в самые безопасные реальности, постепенно подчиняем себе эти камни портальные, чтобы не застрять на столетия, а вы переходите в такие места, куда без нужных знаний лучше не соваться. Я знала одного, милый мальчик был, встретился мне в техномире — захотелось ему на космических кораблях полетать. Его убили прямо у меня на глазах, распылили на атомы, никакой дар не помог, тем более что он у вас невелик. Так, стоп, дорогуша, что ты мне заливаешь! Ни один прыгун выше обычного видящего не поднимался.

— Я — уникальный прыгун, — еще раз улыбнулся.

— Куда уж уникальнее. У тебя эр-асу, призрачный кот, ты оперируешь энергией повелителей, очень слабо, но все равно — словно истинный псион, настоящий ас-ариду с древней кровью, и при этом твое ядро такое незначительное, что прямо хочется тебя убить. К тому же ни один повелитель не может быть прыгуном.

Спорить я не стал. Не может, значит не может. Мой знакомый — выдумка, и золотые карточки нужны только чтобы кокс на дорожки раскладывать.

— На тебе браслет бывшего друга моего отца, — продолжала ани, — и ты мне обязательно расскажешь, как ты умудрился его получить у Ас-Эрхана Уриша, жуткого засранца, жмота и психа — я, да будет велик Наргал, только по слухам его знала. От этого парня еле избавились. Ты умудрился стать главой несуществующего семейства, а я-то думала, почему ас-ариду себя так ведет.

— И все же я ас-ариду.

— Не спорю, милый. Больше того, среди истинных ас-ариду полно тех еще неудачников и придурков. Не всем же гениями рождаться. Но все равно, это, наверное, ваш эгир тебя так подставил, да? У них только политика на уме. Знаешь, у нас полно времени, я за тебя возьмусь. А если будешь себя хорошо вести, и ты сможешь за меня взяться.

Я покачал головой.

— Ты еще оценишь мое предложение, дорогуша. Ой, я же не все сказала. Ко всему проклятый кинжал, значит, ты

Усмиряющий, и это всего за три прыжка, да? Действительно уникальный. Уникальный врун, вот кто ты. Что бы еще придумать такое? Если пофантазировать? Может быть, ты энси? Скажи, Марк? А то я, когда прихожу в храм истины, с каким-то шаром общаюсь. А тут бы с тобой, открыла тебе свои сокровенные мысли, уверена, они тебе понравятся. Дай-ка, голову обниму. Круглая. Что-то такое есть.

И она рассмеялась. Только смеялась недолго.

— Абсолютный блок. Вот почему ты так спокоен, а без контакта и не скажешь.

— Не лезь куда не следует, — посоветовал ей я. — И потом, помни, я тебя спас. Пусть ты какие-то обязательства давала, но все равно, стоит просто быть благодарной.

— Чушь, — фыркнула Ашши, — где ты этого дерьма набрался?

— Стоит, — продолжил я. — Мой кот не любит, когда кто-то ко мне плохо относится. Или хочет обмануть. Или обойти клятву. Или думает, что сиськи заставят меня изменить свое решение.

— Ладно, — брюнетка изобразила обиженную в лучших чувствах. — Против твоих аргументов, милый, не попрешь. Лучше скажи, куда мы летим. И что я буду делать, пока тебе должна. Где? Погоди, а лучше ты места не мог найти?

— И вот этих дикарей я буду учить? — Ашши была в гневе. В настоящем. — Зу Уриш, ты понимаешь, что предлагаешь мне? Иначе как оскорбление я не могу это расценить. Может быть, мне еще помыть посуду, или овец подоить? У тебя есть овцы? Вижу только одну.

Она прохаживалась вдоль строя моих студентов. За то время, пока мы отсутствовали — всего-то несколько дней, они неплохо провели время. Бедняжек-сироток подкармливали все, и медсестры, и санитарки, и даже неприступные анестезиологи. А Настю, которая вылечила от подагры какого-то старичка, уже звали замуж. Правда, жених был не в курсе, но его родители, которые здесь лечились — только «за», быть здоровыми в старости, это много значит, можно и такую невестку потерпеть.

Катя находилась в стабильно плохом состоянии, что делать с рукой, я пока не знал, не было такого опыта. Глаз восстанавливался, через неделю, может полторы, должен был открыться, я просто наложил дублирующую схему на один и другой, и орган зрения словно на принтере печатался. Только вот с рукой такое не получалось почему-то.

— Я сдала экзамен, — разорялась ас-ариду. — Годами добивалась, чтобы стать ани, и ты хочешь, чтобы я за год сделала

из этого бракованного материала псионов? Проще их сразу убить. Или принести в жертву.

Бракованный материал хлопал глазами. Непонятная речь их увлекала, тем более, что, говоря все это, ани мило улыбалась. Словно хвалила.

— Это отличные ребята, уми, — улыбнулся я. — Все шестеро.

Эффектная брюнетка, да еще иностранка, привлекала внимание. Хирург, который Катю осматривал, на расстоянии, как я и распорядился, уже два раза заходил в палату по какому-то нелепому поводу, реаниматолог — тот вообще аппарат ИВЛ решил подключить, пришлось выгнать. Но вот назвал число, и сам призадумался. Что-то дядя Толя не рассчитывал на такое количество гостей в моем доме, когда его строил. Может, все-таки остров?

— Где шестой, дорогуша? — оторвала меня от мыслей Ашши.

— Шестая.

Глава 16

На выходе из больницы столкнулись с Уфимцевым — по его уверениям, приехал дочь проверить. Может и так, но больше его интересовало, где я был и что делал. Прямо не отставал, но, когда Ашши назвала его дорогушей и провела пальцем по щеке, позабыл, зачем вообще тут появился, что у него есть дочь и жена.

— Пошлый тип, — сказала ани, когда полковник уехал. — Значит, ты на его дочке хотел жениться? Которая с одной рукой? Дорогуша, у тебя плохой вкус. Даже эта тощая снайперша, и то лучше.

— Собственно, не твое дело, — ответил я. — Ценность конкретного человека измеряется не наличием конечностей, а тем, как ты к нему относишься.

— Как скажешь, милый, — улыбнулась брюнетка. — Но с конечностями человек гораздо лучше смотрится.

Ашши была в курсе всех моих дел — и настоящих, а главное — прошлых. Не знаю, что на меня нашло, когда привез ее на дачу, мог бы Вику и в Москву привезти. Пять минут общения с матерью, и они с брюнеткой стали лучшими подругами. А Богданову, который приехал пельменей пожрать, я посоветовал рот закрыть, а то поток слюней готов был затопить комнату. И вспомнить про жену и детей.

В общем, на свою голову спас, не просто так, конечно, но это свойство любого лекарства, иногда побочки у него такие, что лечиться не захочешь, голова пройдет, а понос останется. Пришлось полагаться на интуицию, не свою — кота. Черный обжора ани одобрил, он вообще четко делил мир на две части, ту, которая полезна мне, поскольку позволяет мне его кормить, и другую, которая может этому процессу помешать.

— Хорошая девочка, вырастет, можно будет заняться, но сейчас рано, — вынесла свой вердикт ани, осмотрев Вику. — Чувствуется работа мастера, кто-то ей правил структуру, и очень серьезно. Генетический дефект, мы у себя такое тоже наблюдали у местных одаренных, но тут или сам бывший нун Громеш занимался, или его внук, я бы поставила на старшего. Задела на несколько лет хватит, и мне, а уж тем более тебе, дорогуша, в это лучше не влезать. А ты, милая, делай упражнение, которое я тебе показала, хорошо?

Вика кивнула гордо и удалилась в свою комнату, жонглировать светлячками. Правда, перед этим спросила меня на ухо, шепотом, может это ее мама. И очень огорчилась, узнав, что это не так.

— Это и была шестая?

— Нет, — я улыбнулся. — Шестая будет чуть позже.

Поняв, что от роли наставницы не отделаться, Ашши принялась за ребят. Близнецы, Кирилл и Даша, грозились убежать обратно в детский дом и со слезами вспоминали, как там им классно жилось, Настя была готова хоть замуж выйти, хоть жениться, только бы свалить куда-нибудь. А Семен и Света обещали, что никогда-никогда не будут лениться, только бы вернулся старый уми. Я, то есть.

Но ани тренировала ребят гораздо эффективнее меня, я бы сказал — на порядок. Чувствовался опыт, там, где я действовал интуицией и логикой, она — отработанными тысячелетиями методами и способами. Казалось, еще полгода, и я получу могучих колдунов.

— Не получишь, дорогуша, — осадила меня Ашши, — базовая техника быстро ложится даже просто на примерах, чего там особо учить, а чем мозг моложе, тем быстрее перестраивается. Тем более что пси-линков у нас нет, по сути, тренируем как тысячи лет назад, поэтому такая разница. Но это ничего, и тысячи лет назад псионы кое-что могли, до уровня Апа-Илту и сейчас мало кто дотягивает. Но тут проблема в другом. Смотри, Настя уже отстает, а старше всего на несколько лет.

— И что, безнадежна?

— Милый, жизнь псиона меряется не годами, а столетиями, мы зачем-то торопимся, посмотри, у меня уже морщины от этого появляются, — и приблизила совершенно гладкое лицо с молодой светящейся кожей. Облизала губы. — На старте кто-то вырывается вперед или отстает, но через сто лет только врожденные способности будут давать преимущество, все равно есть планка, которую не перепрыгнуть. Я никогда не стану повелительницей, а видящий — усмиряющим. Если обычный бездарный лу вживит себе кучу ману, ему не стать полноценным видящим, да он и чувствующим-то станет с трудом. Это — основа. Через сто лет эти ребята будут одинаково сильны, если доживут, улавливаешь?

— Да, ты отлично объясняешь.

— Когда ты это говоришь, милый, это так возбуждает. Но знаешь, что лучше всего тренирует? Настоящая опасность.

— Они не готовы.

— Не говори чушь, — выражение лица Ашши стало жестким, — ты же хочешь получить воинов, а не кухарок. Воин может умереть в любой момент, и чем раньше он это поймет, тем больше у него шансов выжить. Если тебе так жалко этих недоучек, сам с ними возись. Я всегда считала, что, если треть зеру умрут больше десятка раз до конца обучения, это нормально. Не

больше. Хотя даже половина — это очень хороший результат. Ты так и не сказал мне, как звали твоего уми?

— Ан Траг, — не стал я скрывать.

— Что-то знакомое. Не помнишь его личный знак?

Спрашивать у псиона, не помнит ли он — все равно что спросить, умеет ли он ходить. Я изобразил три клинышка, которыми уми заверял свои наставления. Припечатывал.

— Нет, дорогуша, наверное, из каких-нибудь новых, их сейчас много развелось. У Громешей, говоришь? Слышала, что семейка пошла в разнос аккурат после того, как старый нун сюда сбежал, не удивительно, что набирают всякий сброд. Но методы у всех одинаковы, через боль, опасности и хороший пси-линк.

Боли моим, а теперь — ее ученикам хватало, на первом занятии милая женщина очаровала детишек, они, бедолаги, расслабились и подумали, что их ждет райская жизнь, а на втором — сходу всадила Кириллу в ногу каменную стрелу.

— Ну что стоим, ребятки? — пнула она орущего парня ногой, загоняя осколок поглубже, — ваш товарищ истекает кровью, задета бедренная артерия, жить осталось минут десять. Быстро, быстро, убираем боль, останавливаем кровь, лечим, пошевеливайтесь. А ты, сладенький, чего так визжишь? Используй энергию, обрубай нервы, лечись, твои друзья, похоже, только и ждут, когда ты сдохнешь. В следующий раз меня рядом не будет. Смотрите, он уже не дышит почти. Эй, ты, овца, чего ждешь?

И приготовила еще одну стрелу. Покачала над ладонью.

— Не спасете этого, будет еще один. Кто следующий?

Настя бросилась первая, кое-как остановила кровь, рядом Света положила ладонь, заращивая стенки артерий, хорошо хоть несколько дней больничной практики было. Даша просто плакала, Ашши подошла и отвесила ей подзатыльник.

— Это твой брат? Поздравляю, ты только что его убила. Соберись, тряпка. Не хочешь помогать другим, помоги себе.

И ударила ее в грудь, ломая ребра.

Правда, в конце трехчасового занятия всех долечила. Уселась на пол, кивнула ребятам. Те просто ринулись занять места рядом с ней, вот со мной они ленивее себя вели. И начала с ними что-то обсуждать, что характерно, никакого негатива с их стороны не было, словно то, что было на занятиях, именно так и должно было быть. Правильно я сделал много лет назад, что не пошел преподавать, не мое это. Повернулся, чтобы уйти.

— Не уходи, Марк, присядь, — Ашши похлопала рядом с собой. — Хочу кое-что в твоем присутствии обсудить.

Я пожал плечами, сел рядом со всеми.

— Смотрите, — Ашши зажгла над ладонью плазменный

шарик, и неожиданно метнула в меня. Щит сработал на уровне инстинкта, но все равно, заряд был такой силы, что меня откинуло на спину.

— Видите, ребята, командир все время готов. В любой ситуации он ждет нападения. Поэтому с сегодняшнего дня вы все — мои цели. А теперь валите отсюда. Или кто-то хочет остаться?

Никто не захотел, вот что значит дисциплина.

Насчет полевых тренировок брюнетка как знала. Хотя что там, наверняка знала. Уфимцевы и Серов настойчиво намекали мне, что пора бы уже начать отрабатывать кредит доверия. И что Марк Львович Травин — гражданин Российской Федерации, страны, у которой есть свои проблемы, в том числе с такими же стукнутыми магией личностями. По миру спонтанно возникали вспышки активности новых суперменов, акваменов и флешей. Люди-то не меняются, если кто был до обретения способностей нормальным человеком, им и оставался, а кто был говном, как бы это не скрывал, все наружу выходило. Армия и спецслужбы пока справлялись, одиночек безжалостно прессовали, переманивали и покупали, организованные группы разобщали и потом уже с отдельными псионами делали то же самое. Но многие одаренные быстро смекнули, что серьезно им ничего не угрожает, и наглели с каждым днем все больше и больше.

То, что в покое меня не оставят, было видно невооруженным глазом. Сначала съехал один сосед, точнее говоря семья с двумя детьми, потом и двое остававшихся до последнего тоже свалили. Дома стояли пустые, только обслуга приходила, поддерживала порядок. В поселке было двадцать шесть участков, и к началу марта все они сменили владельцев — на кого, неизвестно. На КПП давно уже стояли люди в форме, такой жирный намек тяжело было не понять. Причем никто не ограничивал ни меня, ни остальных жителей моего дома, оставшегося единственным обитаемым местом. Не хватало только рва вокруг общего забора, вышек и колючей проволоки.

Видимо, те, кто занимался моей изоляцией, тоже так считали — колючая проволока и вышки появились в два дня, аккурат перед праздником. Причем работы Серов лично приехал принимать, демонстративно.

— Отлично получилось, Владлен Палыч, — не кривя душой, похвалил я строителей. — Два дня. Не знал, что у нас так строить умеют.

— Все для тебя, Марк Львович, — генерал не остался в долгу. — Вот, скоро уже новые хозяева домов заедут, будет с кем водку попить, или ты больше бразильские напитки любишь?

— Ладно, выкладывай.

— Там, — генерал показал пальцем в небо, — торопят. Аналитики, эти твари, вывели какую-то кривую, и судя по ней, лет через шесть у нас начнется ад и Израиль. Нужны хоть какие-то результаты, твои вон как бодро плазмой швыряются, а у нас подготовка в жопе полной. Понятно, что снайпер лучше колдуна, но начальство не переубедишь, вцепились в идею магического спецназа. Ты уж, Марк Львович, постарайся. Хочешь, генералом тебя сделаем? Штаны с лампасами носить будешь, адьютанта дадим, или адьютантшу симпатичную. Хотя что там, у тебя есть аж две. Особенно эта донна Роза из Бразилии, по которой Уфимцев-младший сохнет. Дурак. Слушай, а она вправду так хороша?

— Хочешь, познакомлю?

— Нет, меня и так трахают все, кто может. И мое начальство, и их начальство, сам понимаешь — кто, так что секса в моей жизни хватает, — ухмыльнулся Серов. — В общем, чтобы народ не мутить, какая-то светлая голова придумала что-то вроде тренировочной базы сделать — место уже подобрали. А обкатаем это прямо тут, раз уж ты так в доме прижился, а прежние хозяева коттеджей не у дел оказались. Видишь, как с тебя сейчас пылинки сдувают, это не сороковые, организовали бы для таких как ты шарашкины конторы, разговор тогда короткий был.

— А чего не организовали?

Генерал рассмеялся, ладонь протянул, подскочил майор, вложил папку, обычную такую, на завязочках. Серов развязал ее, протянул.

— Узнаешь?

Внутри лежал листок желтого картона, со следом сгиба. Служебная карточка лейтенанта госбезопасности Громберга Антона Ефимовича, 1918 года рождения, по форме номер 1. И фотография на обратной стороне мутная три на четыре.

— В Министерстве обороны чудом нашли, в нашем-то ведомстве все вычищено было. Ты посмотри, кто внизу расписался, знакомое имя? Подарок тебе, для семейного архива.

Я пожал плечами. Серов аж расстроился, видимо не такой реакции ожидал. А что мне, из-за того, что Артур Громеш с моим прадедом знаком был, от радости прыгать?

— Твой прадед, майор госбезопасности Травин, шарашку эту и организовывал в Сокольниках, когда немцы уже под Москвой стояли. Так что, считай, наследство принимаешь.

— Выходит, вы восемьдесят лет колдунов растили, и ни одного не вырастили, а ты хочешь, чтобы я за два месяца тебе целый полк подготовил? Оно мне надо? — вздохнул. Очень

натурально.

— Ты можешь отказаться, — Серов тоже вздохнул, но не так. Без огонька. — Слушай, чего ломаешься? Сам видишь, навстречу идут, не прессуют, понимают, что ценный кадр. Может, орден? Герой России, хочешь? Там сейчас на все согласны. Да, главное тебе не сказал — сначала американцы будут тренироваться.

— А они-то каким боком?

— Это у тебя надо спросить. Говорят, умыкнул ихнего специалиста.

— Они этого специалиста людоедам продали, — по большому счету, мне было плевать, кого гонять.

— Видишь, теперь раскаиваются. Ультиматум нам поставили, или мы их человеков-пауков натаскиваем, или страна будет в полной изоляции, — внезапно стал серьезным Серов. — А это не санкции игрушечные, о которых заранее договорились, это когда люди жрать захотят, а будет нечего. Нас даже уничтожать не надо, Марк, просто границы закрыть, раньше все в одной лодке были, хоть и не знали, а теперь каждый по себе, и это просто катастрофа. Смогут твои ребята сто сорок миллионов человек вылечить без лекарств, которые у нас не производят, или вырастить хлеб из семян, которые мы покупаем? Машины, и те российские только по названию. Чиновники-то ладно, сбегут, уже вон сколько свалило, семьи практически у всех там уже, за бугром, а простым людям что делать?

— Довели вы страну, Владлен Палыч.

— У нас, Марк, как в анекдоте. Самое реальное решение проблемы — это если прилетят инопланетяне. И прикинь, прилетели. Сто с лишним лет тут сидели, непонятно что делали. Может, ты расскажешь?

— Нет.

— А, не важно. Теперь-то смылись, вот ты остался отдуваться за них. Ну что, по рукам?

— А не боишься вот так мне руку протягивать? Могу ведь бросить заклинание, — улыбнулся я.

Серов руку отдернул. Потом снова протянул.

Генерал во многом был прав, даже шумеры вон, без своих ныряльщиков и носителей не больно-то на внешние планеты совались, у них тоже не каждый первый — повелитель, по-настоящему сильных псионов-то немного было. Нет, по сравнению со мной полно, но я свои силы реально оценивал. Захотят помножить на ноль, спастись — спасусь, а семью и друзей не получится. И пока модуль не работает, куда я с подводной лодки денусь.

Модуль работать не желал, испорченный кристалл сразу распознал, хотел поглотить, даже пообещал в будущем вознаградить щедро, но я не торопился, убрал находку в свой неизвестно где карман. Тем более что мой внутренний тунеядец в систему входить ни в какую не хотел, только мощности свои чуть увеличил, и то это не его заслуга, а моя — через уровень я перескочил. Психология паразита, все себе, а не носителю. Я уже и кота спрашивал, и Эреш-кигаль напрямую, встал посреди комнаты и прямым текстом на эме-галь обратился, точнее говоря в воздухе написал целое послание. Без толку. Причем масштаб поломки непонятен был совершенно, только ли я, или именно эта реальность, или вообще все связи утеряны. Буду исходить из того, что мне здесь еще жить и жить.

Подумал даже, что надо было другую реальность выбирать, с боярским домом, бассейном и красавицей-женой, потом мысли плавно перетекли на Элику, причем не в первый раз. Когда что-то случается, мы тут же назначаем виновных и начинаем их ненавидеть. Но время проходит, и события кажутся уже немного не такими. Я же не умер, хотя насчет этого точно не помню, хотелось верить, что она заранее это знала. И что Пашка, гад такой, исключительно по слабости характера повелся. Может, в своих глазах они и не были виноваты, хотели сделать, как лучше для меня, что-то знали и не сказали. Только все равно это их не оправдывало, даже если перед собой они были аки агнцы, для меня — люди, которым я не смогу какое-то время доверять, если, конечно, увидимся когда-нибудь. Да что там, тоже не ангелочек, вот только не люблю, когда мной манипулируют.

К примеру, как Ашши пытается.

* * *

Из подземного гаража неприметного здания на окраине Нью-Йорка выехал черный Эскалейд с наглухо тонированными окнами, и, выйдя на 95-й хайвей, помчался в сторону Вашингтона. Через три часа Эскалейд, проехав Филадельфию и Балтимор, притормозил возле какой-то закусочной, постоял пять минут, словно ожидал кого-то, но так и не дождавшись, по 495-му шоссе доехал до Сьютленда, и вьехал на подземную парковку комплекса, занимаемого Бюро переписи населения. Из задней двери машины выпрыгнула женщина в деловом костюме лет тридцати — пятидесяти, именно в таком диапазоне, подтянутая фигура и молодое лицо склоняли к первой цифре, а неожиданно появляющиеся морщины и тяжелый взгляд — ко второй. Она

поднялась на лифте на третий этаж, прошла по коридору через проход в соседнее здание и там поднялась еще на три этажа, показала портмоне со значком морскому пехотинцу.

В небольшом кабинете сидели четверо — трое мужчин, один из них в военной форме, и женщина средних лет. Гостья заняла последнее свободное кресло у круглого стола, положила на стол черную кожаную папку, вопросительно посмотрела на рослого мексиканца в дорогом синем костюме.

— Директор к нам не присоединится, — незамедлительно отреагировал тот. — Думаю, представлять никого не нужно, но все равно, для протокола — контр-адмирал Лу Макконахи, советник исполнительного офиса Джон Пеши и старший агент Эмма Фитцжеральд из оперативного департамента, как вы и просили. Давайте сразу перейдем к делу.

Женщина, которую так и не назвали, раздала присутствующим по листу бумаги с десятком напечатанных строчек.

— И это все? — спросил контр-адмирал.

— После того, как оперативный департамент потерял объект 8, агента Донелли и новый боевой вертолет, — насмешливо сказал советник, — нам особо и обсуждать-то нечего. Как вы так недооценили русского?

— Он такой же русский, как и остальные объекты, — парировала старший агент. — Именно вы настаивали, что объект 8 бесполезен. Может быть, вы насмотрелись фильмов о супергероях, но…

Гостья легонько похлопала по столу, все тут же замолчали.

— Мы не для этого тут собрались. Каждый из вас получил инструкции, выполняйте. Лу, дополнительные инструкции по объекту 2 придут с почтой. Агент Фицджеральд, я недовольна вашим отделом. Постарайтесь исправиться.

— И это все? — усмехнулся Пеши. — Это мне доложить президенту? Что вы недовольны?

— На листе написано, что вы должны доложить, — холодно ответила женщина. — Слово в слово. И помните, формально идет операция «Челленджер», коды приказов остаются прежними. Первая партия уходит на следующей неделе. И попытайтесь отнестись ответственно к тому, что делаете, я разочарована.

Советник недовольно поморщился. То, что какие-то непонятные личности плевать хотели на президента Соединенных Штатов и исполнительный офис, его бесило.

— Советник Пеши, — заметив гримасу, женщина улыбнулась, — у меня для вас новость.

— Какая? — все так же недовольно отозвался тот.

— Вы уволены.

Женщина сделала небрежное движение рукой, словно смахнула что-то, Пеши захрипел, дернулся, схватился за грудь и осел в кресле, изо рта пошла серая пена.

— Вызовите потом врачей, и нам понадобится другой представитель президента, надеюсь, следующий не будет таким идиотом. Встреча окончена.

— Лиза, — контр-адмирал покачал головой, поднимаясь из-за стола, — это уже третий. Понизь планку, где мы тебе столько гениев найдем?

— Среди специальных агентов? — Лиза с сомнением посмотрела на старшего агента Фицджеральд. Та вздрогнула, и заторопилась к двери.

Глава 17

На мой взгляд, самая американская сцена в американских фильмах, это когда звонят в дверь, хозяева ее открывают, а там соседка с яблочным пирогом. Примерно такого я ждал от новых жителей бывшего элитного садового товарищества. Но нет, сорок человек, привезенных на двух автобусах в сопровождении ДПС, были молодыми, а частью — очень молодыми людьми, от четырнадцати и до двадцати с небольшим гаком. Большинство коттеджей остались пустыми — приезжие предпочитали селиться компаниями, занимая дома точно по количеству спален. Те, кто постарше, тут же начали бухать и курить траву, а те, что помладше, первый день как-то держались, помня, что до восемнадцати нельзя. А потом сообразили, что родной полиции тут нет, и — стало можно.

Все сорок были настоящими одаренными, Видящими, только вот некоторые — настолько слабыми, что и схемы-то, которые посложнее, могут не увидеть. И как их обучать, спрашивается?

— Предоставь это мне, милый, — добровольно вызвалась Ашши, и через минуту послышался ее голос, — красавчики, а ну-ка идем за мной. И ты, дорогуша, тоже.

Кураторы от Серова и Уфимцева внимательно наблюдали за происходящим, заняв по одному коттеджу на команду. А наблюдать было за чем, две компании что-то не поделили и разрушили один дом до фундамента, хорошо хоть на окраине. Те, кто принимал решение создать этот бедлам вокруг моего дома, думаю, о своем решении уже пожалели, окрестные жители оставались на местах, и хоть время было не посевное, и до ближайших селений километра три было, свидетелей хватало.

Несколько обкурившихся будущих колдунов вылезли за периметр, так что часовые даже не заметили, и ушли искать виски в ближайший магазин, который они приметили, проезжая на автобусе. Их не смутило то, что до магазина было больше двух километров, а погода стояла отнюдь не калифорнийская. Магазином владела армянская семья, сколько помню — хороший был магазинчик, продукты свежие, и мясо можно было заказать жареное с доставкой. Среди одаренных был один армянин, увидев сородичей, он жутко обрадовался — надо же, и в холодной России иногда встречаются приличные люди, правда, родного языка не знал, но общих родственников с кассиршей нашел. И с этого момента от магазина к поселку потянулся ручеек сигарет, крепкого бухла, пива, чипсов и бутилированной воды.

Я демонстративно ни во что не вмешивался, выделил на

занятия два часа в день — все равно студенты раньше трех не вставали, и раньше пяти не ложились. Дня и утра. Плохо, что мои подопечные смотрели на все это с завистью.

— Нравится? — кивнул на третий от нас дом, откуда неслась громкая музыка и вопли перепившихся подростков.

Кирилл кивнул. Остальные, помедлив, тоже. Ну да, это не десять часов в день вкалывать, плюс двое суток безвылазно по больницам каждую неделю, пример, как должны жить необычные люди, вот он, перед глазами. Действительно, чего надрываться тем, кто на голову превосходит остальных жителей этой планеты, они-то не могут взглядом поднять камень с земли, или бутылку со стола, и притянуть к себе.

— Даю вам два, нет, три дня. Схему детокса помните? Никому не показывать, узнаю — накажу, заодно научитесь по частям собирать. Схему, а не себя. Заниматься будете с зарубежными друзьями, отдыхать тоже. Разрешаю все.

— Прямо все? — не поверили ребята.

— Да, — пожал я плечами. — Все, что делают они, и вы можете делать. Курить травку, бухать, в общем, оторвитесь как следует.

— А если я не хочу? — вдруг тихо сказала Настя.

— Твое дело, — пожал я плечами, — но у тебя всего три дня. Сегодня среда, в субботу днем ваше веселье закончится. А я заодно своими делами займусь, договорились? Вот и хорошо. И помните — вы российские граждане, что это значит?

— Должны показать пример? — предположили одновременно Света и Семен.

— Ну если хотите, показывайте. Есть еще варианты?

— Мои друзья, — нерешительно сказал Кирилл, — могут достать наркоты нормальной, эти-то только травку курят, у армяшек берут. Даш, за что? Я никогда не пробовал!

— Ближе, но нет. Последняя попытка?

Настя подняла руку.

— Давай.

— Они уедут, а нам тут еще жить, — нерешительно предположила она.

— Умница! Остальные, если не поняли, Настя вам объяснит. И она же остается за старшую.

Ирина, занявшая вместе со своими бойцами свободный дом через забор от моего, уже сидела за рулем. Леня тоже хотел в поездке поучаствовать, и несмотря на мое решительное «нет», даже дверь пассажирскую открыл, но тут, бывает такое совпадение, беднягу прихватило, так что ни о какой поездке для

него речи быть не могло.

— Сурово вы с ним, Марк Львович, — Белова улыбнулась, стоило нам выехать за КПП. Сзади пристроился черный Чероки, не вплотную, а метрах в ста. — Скажите, а если я вдруг не послушаюсь, что меня ждет? Шарик этот светящийся я видела, боюсь. Но на самом деле — что?

Хотел отшутиться, но подумал — а зачем?

— Умрешь. Если прикоснусь, могу что угодно с тобой сделать, даже в камень превратить, не всю, но какой-нибудь орган — точно. Но это долгий процесс. А по-быстрому, сердце остановить, кровоизлияние в любом месте, инфаркт, тромб — моментально, даже на расстоянии, но это, Белова, мелочи.

— Что же тогда по-настоящему страшно? — хмыкнула блондинка.

— Совсем страшно? Остановись.

Мерседес притормозил, припарковался на обочине. Я пересел на переднее сидение. Заранее наложенный текст на эме-галь еле проявился белыми символами вокруг шеи — эх, такая закладка пропадает. Неделя труда. Еще минуту, и почувствует, тут надо быстро действовать.

— Видишь руки? В них ничего нет, и до тебя я не дотрагиваюсь.

— Вы прям как фокусник, — Ира хотела улыбнуться, но не смогла. Вместо этого она выхватила пистолет, навела на меня и нажала два раза на спусковой крючок. Потом выскочила из машины, то же самое проделала еще три раза, в воздух, залезла обратно, захлопнула дверь, вставила дуло себе в рот. Курок щелкнул.

Глаза ее приняли нормальное выражение, выдернула пистолет изо-рта, повертела в руках, сняла с предохранителя и засунула в кобуру. Символы на шее исчезли.

— Это когда вы рядом? — быстро придя в себя, спросила она.

— Это когда я захочу, Белова. И сделаешь ты это с теми, на кого я укажу. С начальством, с близкими, с друзьями, с ребенком, наконец. Как ощущения?

Ира завела машину, тронулась с места, долго молчала.

— Знаете, Марк Львович, — наконец медленно произнесла она.

— Знаю. Таких как я надо убивать. Причем заранее, да? Лучше в детстве.

— Да. И что, остальные тоже такие? — она нервно сжала руль.

— Нет, Ира, но будут. Я их научу, или сами дойдут, но будут. Но ни ты, ни твое начальство ничего с этим сделать не смогут.

— Почему?

Я улыбнулся

— Это как болезнь, генетическая. Можно убить всех больных, но появятся новые, это ведь не зараза, человек с этим рождается. Представь восемь миллиардов, среди которых только одна сотая процента имеет какой-то дар. Это почти миллион человек, а вы знаете всего о двух-трех тысячах.

— Вы так говорите, словно есть мы, жители Земли, а есть вы. У вас же здесь родители, брат с сестрой, девушка, наконец. Я читала аналитические записки, Артур мне кое-что рассказывал, в том числе про вас, ну, я не знала тогда, что про вас. Год, всего год вас не было, и вы уже не наш, может даже не человек. Вы как эта женщина, которую мы из Бразилии вывезли, она милая, справедливая, очень приятная, но мы ей неинтересны, словно не ее вид, посторонние, вот. Вот вы, и пятеро ваших ребят — она с натяжкой считает вас своими. А остальные для нее как вещи, нужные или нет.

— А начальство твое — как к людям относится?

— Это другое. Хотя вы правы. Я вот, когда вас встретила, вы мне понравились, честно, хоть и по работе надо было следить. Такой независимый, не кичливый, внутренняя сила и все такое. Если бы не встретила Сережу, может, как дура бы бегала за вами, к Кате ревновала. Знаете, когда я очнулась окончательно? Когда вы за горло меня схватили. У людей, когда они убивают, в глазах что-то есть, какая-то эмоция — ненависть там, гнев. Или равнодушие. А у вас заинтересованность была — как к предмету, про который решаете, выбросить или оставить. Я тогда не смерти испугалась — вас, Артур был почти такой же, когда он бандитов шел убивать, песенку бормотал себе под нос, представляете? Для него они уже были покойники. Причем он знал, что я за ним слежу, и все равно был совершенно спокойным. Но все равно, он хоть относился к ним как к людям. Нет, что-то не то говорю, в общем, я не хочу вещью быть, я же человек. Мне это важно, особенно, чтобы вы… Ой. Я все это рассказала, да? — Ирина ошарашенно поглядела на меня. — Ну вы и сволочь, Марк Львович. Редкостная.

— Да, — вздохнул я. — сволочь. Но ты не права. Если бы мне было наплевать, я бы сюда не вернулся. И рассказала ты мне все это потому, что сама хотела, слегка только твое желание усилил. Это не мы другие, это твое начальство относится к нам как к другим, и ты тоже. Вот только ты, Ира, упускаешь одну вещь.

— Какую?

— Потом расскажу, должна же у меня быть от тебя какая-то тайна, а то ты вон как — насквозь меня видишь.

На Земле-ноль оторванные конечности проблемами не являлись, медкапсулы отлично выращивали неодаренным и руки, и ноги, и даже все туловище, только мозг желательно было сохранить. Если с проблемой сталкивался одаренный, и сам не мог себя починить, то в ту же медкапсулу встраивался пси-блок, реабилитация проходила гораздо медленнее, но зато лечение он с двух сторон получал — и собственными силами, и пси-воздействием такого же псиона, только медика по специализации.

На этой Земле, к сожалению, медкапсул не было. Тут только ногти умели наращивать, и зубы вставлять, и силикон в сиськи. Так что вариант с отдельным выращиванием руки, или восстановлением по ген-коду отпадал. Оставалась единственная известная мне возможность, кроме протеза — в принципе, не такая уж сложная работа, но требующая внимания и точности. И еще для пациента неприятная.

Составная схема запоминала здоровую руку, а потом уничтожала ее. И воспроизводила обратный процесс, только уже на двух сторонах. У человека образовывался энергетический каркас, внутри которого наращивались ткани, стыковались со старым образом, и получались две здоровые конечности, одна в зеркальном отражении другой. Будь я посильнее и поопытнее, руку бы уничтожать не пришлось — глаз-то я восстанавливал, просто считывая одной схемой состояние второго, а другой схемой как на 3-д принтере печатая орган. Но тут масса была совсем другая, и этот способ не подходил. Ашши была готова помощь — услуга за услугу, но тут речь не шла о жизни и смерти, а без ани мне было не справиться с местными псионами.

Зато у меня был кот, который, кроме еды и монет, ну еще внимания и поглаживаний, и восхищения, ничего не требовал, и я очень на него надеялся.

Уфимцев, предупрежденный своими людьми, уже сидел возле палаты.

— Два дня никого не впускать, — предупредил я. — Со мной будет Белова.

— Она зачем? — отец Кати ее недолюбливал.

— Два дня я буду работать без сна и отдыха. Мне нужен помощник, — обьяснил ему. — Нет, хочешь, давай ты, просто там кровищи будет столько, что хоть плавай, и дочку твою раздеть придется. Не думаю, что отцовское сердце выдержит.

— Да, да, ты прав, — Юрий Григорьевич даже забыл, о чем хотел поговорить, — давай. Но точно все будет в порядке?

— Зуб даю, — пообещал я. — И, Юр, помнишь, у тебя знакомый был, Гольцман?

— Веня? Да. У нас, ты ведь тоже его знал.

— Он где сейчас? Не уехал? А то звоню ему, нет. В справочной тоже не найти, сын его не отвечает.

— Нет, дом новый купил, телефон поменял, сын в Южной Африке, — Усольцев подозрительно на меня посмотрел. — Марк, мы с тобой этот вопрос обсуждали. Если собираешься Катю замуж звать, я против.

— Учту, — пообещал я. — Скинь мне его контакты, надо с ним пообщаться, и предупреди, что я позвоню, а то этот старый поц слишком осторожничает. Ира, расставляй бойцов, никого не впускать. И пойдешь со мной, мне из этой палаты лучше не выходить.

Белова кивнула, набрала на смартфоне номер.

— Стоять, смотреть! — рявкнул я на нее. Палата была не то что закрыта — забаррикадирована. Плюс наряд из трех человек, менявшийся каждые четыре часа. Плюс запасы еды и воды на два дня, благо санузел в палате был свой. Бойцам охранения был дан четкий приказ — что бы не творилось внутри, не входить и никого не впускать. Террористы, эпидемия, ядерная война и появление инопланетян форс-мажором не считались.

Здоровая рука чернела, и уже начала гнить. Ира пыталась проблеваться в санузле, потом — просто в углу, позже — в утку рядом с кроватью, далеко я ее не отпускал. Пусть смотрит, ей полезно. На вопросы не отвечал, только когда она бросилась меня от пациентки оттаскивать — спасать бедную девушку от злодея, приклеил ей руки к спинке кровати.

Распад — процесс не быстрый, а главное, плоть не уходила токсинами в организм, а накапливалась в созданных каркасах. Что-то вроде бульона, в котором была и кровь, и кости, и сухожилия, и мясо, только теперь это делилось на две части, для левой и правой руки.

Первые семь часов я именно этим и занимался, уничтожал. Правда еще один раз поел, не для себя — чтобы моей помощнице помочь адаптироваться. Но той стало еще хуже, сама она есть не могла, все что было из запасов — ушло в унитаз, ведро и утку, девушка, и без того стройная, чуть ли не высохла.

Да и ела она немного, большую часть кот уговорил. Помогал он только в самые ответственные моменты, просто своим присутствием и безмятежным выражением мордочки.

— Ну что, Белова, приступаем к самому интересному, — подмигнул я ей, — зря что-ли старались столько времени.

— К чему? — прохрипела Ира.

— Иди сюда. Вставай, хорошо видно? Смотри.

Пришлось стукнуть ее по спине, чтобы заблокировать рвотный рефлекс. Черно-коричневая слизь, в которую превратилась правая рука, колыхалась — обьем из-за потерь был меньше каркаса. А потом начала перетекать из одной условной руки в другую. Словно через одно плечо к другому протянули тонкую черную трубочку, через которую шел поток перегнившей плоти. То из одной, то из другой части руки вырывало кусочек гноя, иначе не называть, и перемещало в другую половину. Для Иры казалось, будто черная рука стала похожа на губку, а я видел, что каждый воздушный пузырек заполнен схемой. Войди сейчас кто-то и выстрели в меня, даже табуреткой если бы ударили, все — конец, сил защищаться не было, они практически полностью ушли на подготовку.

Поэтому периодически зажигал светляка — сил он почти не требовал, а впечатление производил. Да и Иру я напугал основательно, подумает тысячу раз, прежде чем мне навредить.

Кот лег Кате на грудь, слизь, до этого шедшая с трудом, полилась свободнее, белые искорки вперемешку с красными словно обволакивали каждую каплю. А один раз даже лизнул девушку в щеку, посмотрел на меня, мол, смотри, какой милый и добрый котик. Разве можно такому отказать, и не скормить последнюю парочку ману?

Показания приборов, подключенных к введенной в кому девушке, шли на монитор главврачу, он наверняка тоже переживает, если что с генеральской племянницей случится, головы не сносить. Просто за компанию вместе с другими ответственными лицами. Но по сети передавалось то, что мне было нужно — иначе давно тут бы уже бригада реаниматологов в дверь ломилась. Сердце останавливалось минимум два десятка раз, а когда перекачка из одной будущей руки в другую закончилась, билось раз в минуту. Давления практически не было, нервные импульсы не проходили, зачем организм нервировать, он и так в глубоком стрессе.

Когда буро-черная жидкость начала розоветь, Беловой вроде полегчало. Она даже поспала час, потом еще и еще — мне мертвая от недосыпа охранница ни к чему. Когда проснулась в очередной раз, удивилась

— Что, уже все?

— Нет, — гордо оглядывая плоды своего труда, ответил я. Руки выглядели как настоящие, и это всего через сутки после начала процесса. В них еще не было костей, даже ногтей на пальцах не было, но кожа выглядела почти натуральной. Да, сероватая немного, но это ненадолго, кровеносные сосуды уже почти сформировались, еще час-полтора, и нормализуется

кровоток, начнут наращиваться кости, продукты распада, проходя через схему-фильтр, будут восполнять необходимые запасы белков, минералов и элементов.

— Тридцать восемь часов, — хлопнул я Белову по заднице, без всякой задней мысли. Она просто так привалилась к стойке с аппаратурой и спала одним глазом. — Иди, поешь, сейчас будем финальные штрихи делать.

— Мы?

— Ну ты тоже должна как-то поучаствовать, не только жрать, спать и блевать. Даю тебе десять минут.

Руки у Кати, по-крайней мере внешне, восстановились. Все-таки чужой организм лечить труднее, чем свой. Грубыми схемами не обойтись, не даром ан Траг говорил, что слабый псион для такого дела предпочтительнее, главное видеть тончайшие линии, и уметь их компоновать. Кости еще оставались слабыми, трубчатыми, внутри должна была нарасти губка, но зато потом будут тверже, чем у обычных людей, а то два раза ломала уже. Хорошо, что правую руку, а то бы были две руки со следами переломов.

— Ну вот, — приобняв Белову за плечи, подвел ее к больничной кровати, — что скажешь?

— Я бы сказала, что это чудо, Марк Львович, но так вымоталась, что просто могу вас по-дружески поцеловать. Или укусить. Хотите?

— Нет, это лишнее. Тут нужна, понимаешь ли, женская рука. И взгляд, как тебе ногти?

— Ногти как ногти, — Ира вздохнула. — Можно я сделаю то, что нужно, и посплю? Вообще не поняла, что я тут делала, но вымоталась так, словно на дежурстве неделю без сна.

— Да. Помоги мне отодвинуть кровать. Отлично. Клади ей руки на виски, чтобы уши прикрывали. Вот молодец.

— Да. Зачем я это делаю?

— Хочу посмотреть, как она без ушей выглядит, может, симпатичнее станет. Шучу. Держи, только сильно не нажимай. Сейчас.

Кот оторвался от очередного бутерброда — красную рыбу он сьедал, а хлеб аккуратно скидывал на пол. И смотрел, что я буду делать, словно начальник на подчиненного.

Я зашел Беловой за спину, обнял ее, прижав своими руками ее ладони. Ира ойкнула, попыталась вырваться. Но даже шевельнуться не смогла. Подмигнул коту, и послал мощный импульс, как совсем недавно, а кажется, что в прошлой жизни, сделал Арраш. И как я вот пару недель назад делал в бразильской

деревеньке. Поток белой энергии, раньше шедший от локтей, теперь формировался где-то в районе трахеи, стало трудно дышать, кот, заметив это, подошел, потерся шерстью об ноги, сразу полегчало. Сильное продолжительное воздействие я бы создать не смог, хватило на три коротких импульса. Но и это неплохо, учитывая, сколько до этого сил я потратил. Отпустил Иру, она свалилась кулем на пол, без сознания.

Глава 18

Вениамин Семенович Гольцман был очень осторожен. Сколько его помню, а встречались мы три или четыре раза, номер телефона он менял постоянно. Симки покупал левые, недвижимость на кого только не оформлял, так что найти ювелира было непросто. А все советская пеницитарная система виновата, довелось и за левое золото сидеть, и за маркировку камней. Получил контакты и согласие поговорить от Уфимцева, сравнил с теми, что удалось с помощью модуля добыть — две большие разницы.

К тому же дома ювелир никого принципиально не принимал, я подъехал к условленному месту, оставил Иру в машине, сел на скамеечку рядом с совсем уже пожилым мужчиной, читающим газету. По-настоящему, не доверял старой закалки еврей новым масс-медиа.

— Марк, рад тебя видеть. Какой шикарный кот, и глаза умные, почти как у тебя.

— Он в прошлой жизни был иегудим.

— Не шути так, — строго сказал Гольцман. — Камень принес?

— Конечно, Вениамин Семенович, — ювелир умел делать такие вещи, что Тиффани и Картье и рядом не лежали. Знающие люди передавали его телефон и его самого из рук в руки, от незнакомых людей заказы он не брал принципиально. — Вот он.

Гольцман открыл старый потрёпанный дипломат, еще из 20 века, взял у меня коробочку, открыл.

— На первый взгляд, юноша, я бы сказал, что их надо обработать. А на второй назвал бы себя старым дураком, такие камни нельзя портить, это чудо. Не хотите продать?

— Эти — нет.

— Понимаю, понимаю. Если будут еще, я возьму всю партию, не торгуясь. Поверьте, и спросите своего дядю, Гольцман всегда дает хорошую цену. И в следующий раз звоните прямо по тому телефону, который я только что дал, не беспокойте Юру. Этот поц обязательно захочет свой процент, а разве два приличных человека не могут договориться сами?

— Могут, Вениамин Семенович.

— Я вас умоляю. Зовите меня просто дядя Веня. Вы же мне как родной.

Ну еще бы, за те деньги, которые я ему перевел, я уже стал практически его любимым сыном.

Дядя Веня аккуратно раскрыл бархатную папочку, положил

основы, сделанные в виде шумерских клинышков, цепочку, достал из специального отделения инструменты и практически без примерки, в одно касание прикрепил камни, продел цепочку в отверстие, полюбовался, сложил в коробочку и протянул мне.

— Потом просто скажите, как все прошло. Только без подробностей, мое старое сердце не выдержит.

— Спасибо, дядя Веня, — я встал.

— Зай гезунд, юноша. И не забывайте старого человека, звоните. Помните, что я сказал про камни.

— Не ожидала, Марк Львович, — Ира, едва я уселся на свое место, тронулась.

Пока она валялась на полу, а потом три-четыре часа в себя прийти не могла, я Катю долечил. Точнее говоря, мы с котом, и не то, чтобы совсем, но сделали что могли. Врачам я строго-настрого запретил в течение недели ее трогать, вообще. Если внутривенка, то не через руку, никаких ИВЛ и прочего антиквариата, и вообще лучше не подходить близко. Врачи кивали и с ужасом смотрели на отросшую руку, такого в их практике никогда не было. Ничего, пусть привыкают, месяц, может год, и тут появятся новые лекари, медицина останется, но как вспомогательное средство для пси-воздействий, ведь ту же руку, если ее пришить свеженькой, псион гораздо легче приживет, чем если, как я, новую делать.

Уфимцев подошел, обнял меня крепко и стоял так минуту, не меньше, я даже заскучал. А потом пообещал, что сделает для меня все, что сможет. Кроме одного — согласия на наши с Катей отношения. В принципе, я с ним был согласен, тупиковый вариант. Не в первый раз пожалел, что Анур отсюда свалил, а то расхлебываю по сути его проблемы.

Так что теперь мы с Ирой возвращались обратно, домой.

— Вы решили под себя подмять поставки левых камушков? — продолжала она.

— Это ты о Гольцмане? Ира, я удивляюсь, как ваше управление вообще кого-то может ловить. Делами занимается его старший сын, дядя Веня только следит и в текучку никогда не влезает. А канал организует его брат из Канады.

И замолчал. Десять минут Ирина молчала, а потом не выдержала.

— Если не узнаю, умру от любопытства.

Вообще девушка стала раскрепощеннее и разговорчивее. Поток не растворил в себе блок Анура, но слегка изменил его. На одной моей силе ничего бы не вышло, организм Кати сопротивлялся, и схема попала между двух полюсов, каждый из

которых принадлежал мне. Да и держался-то он там из последних сил, без подпитки.

— Ладно, останови здесь.

— Прямо на трассе?

— Ну да.

Ира съехала на обочину, повернулась ко мне.

— Дядя Веня не просто деляга, он шикарный ювелир. Но у него есть особенность — делает вещи для конкретного человека, и очень обижается, если кто-то его творение продает, или дарит не тому, а точнее — не той. А обижаться Гольцман умеет. Вот, смотри, — и я протянул ей коробочку.

Ира раскрыла, сначала смотрела недоумевающе. Ну да, на первый взгляд ничего особенного, стандартный кулон под старину на тонкой цепочке, словно в магазине купили. Понимание приходит чуть позже. В этом случае — через минуту.

— Не понимаю, что со мной, — сказала девушка. — Смотрю на него, и из рук выпускать не хочется.

— Это что, — махнул я рукой, — ты попробуй примерь.

Девушку не надо было уговаривать. Она застегнула цепочку, посмотрелась в зеркало. А потом закрыла глаза, и еще раз посмотрелась.

— Я не знаю, как это описать, Марк Львович, но словно удобную вещь надела. И почему-то смотрится он не так, как в коробочке.

— А это, Ира, талант. Не только одаренные умеют делать чудеса.

— Класс, — девушка протянула руки, чтобы расстегнуть застежку. — Это вы кому купили, Ашши? Или Кате?

— Тебе, — пожал я плечами. — Подарок.

Ира замерла. Потом колье сняла, положила подчеркнуто аккуратно в коробочку, протянула мне.

— Я такие подарки, Марк Львович, от посторонних мужчин не принимаю. А тем более от начальства.

— Вот дурочка. На свадьбу тебе подарок.

— Простите?

— Ну вы же с Серегой женитесь, ему я вот эту висюльку подарить не могу, засмеют. А тебе — могу.

— С чего это вы решили, что мы собираемся… — девушка уже позабыла, что собиралась отдать коробочку, — откуда вы узнали?

— Этот шлимазл матери разболтал. А Ольгу Петровну ты знаешь. Так что бери. Бери, говорю. Сказал же, дядя Веня делает украшения для конкретных людей. Вот это он сделал для тебя.

— А знаете, я возьму, — решительно сказала Ира, — мне

плевать, сколько оно стоит, можно ли дарить такой подарок, и вообще… Я хотела сказать, что… В общем…

— Ты поняла, что это твоя вещь? И только ты можешь ее носить?

— Да. Вы иногда можете что-то понятное сказать.

— Дерзишь, — я откинулся назад, — поехали. Ира, после того, как ты при мне блевала и падала в обморок, мы стали одной командой и даже чем-то сроднились, это круче, чем видеть человека голым. Но это не значит, что можно вот так свободно разговаривать со мной.

— Даже когда я на вашем брате женюсь? — Белова, видя в зеркале мое смеющееся лицо, показала язык.

— Выйдешь замуж. Хотя, с учетом его характера, ты правильно сказала. Слушай, вот что ты в нем нашла?

— Он не такой как вы, — прямо ответила Ира. — Он почти как Артур, только лучше.

— Когда я доживу до Артуровых лет, тоже хорошим стану. Ты чего опять затормозила? Ребята позади нас уже, небось, матерятся. И кот хочет есть, правда, Эр?

Кот кивнул. И строго посмотрел на водительницу.

— Нет, я слышу, что они делают. Нас обсуждают, — Ира не доехала до КПП несколько сотен метров. — Я думала, что Артур… Перед тем как мы вернемся, я… У меня… Нет сначала второе — когда мы вернемся, все будет по-прежнему, обещаю, что вот то, что сегодня, больше не повторится. А когда я выйду замуж за вашего брата, уволюсь в тот же день. Или раньше.

— Это было третье? Поехали, — насчет первого я даже не переспрашивал.

— Нет, это все второе.

— Так, Белова, хватит темнить. хочешь, чтобы я тебе объяснил то, что два дня назад не стал?

— Да, — решительно кивнула девушка.

— Хорошо. Посмотри на свои ладони, что ты видишь?

— Ничего, — она и так, и эдак вращала кистями, разглядывая пальцы со всех сторон. — Руки как руки, красивые. Мозоли небольшие, брошу работать, растолстею, исчезнут.

— А теперь украшение свое нацепи.

Два раза не пришлось просить, тут же кулон оказался на груди.

— Смотри.

Даже не вглядывалась долго, ойкнула.

— Что это, Марк? Что ты со мной сделал?

Ну вот, я уже Марк и на «ты».

— Домой, — рявкнул.

Тут же Белова подтянулась, без слов вырулила на шоссе, и через КПП подкатила к дому.

Нас не было два дня, еще ночь и утро, и выделенное для попоек время должно было закончится, так что в доме никого не было, кроме Ашши. Шумерская принцесса сидела, смотрела телевизор, одновременно что-то готовила, разговаривала по телефону по-португальски.

— Ола Марко! Тудо бом керидо! — помахала она мне рукой, и перешла на русский. — Тебе привет от сеньоры Гомеш, она наказала кормить тебя много, чтобы ты хоть чуточку походил на мужчину. И твою тощую подружку. Отлично выглядишь, милая. Перфекто!

Ира надулась, и хотела сказать что-то в ответ остроумное и разящее наповал, но не выдержала и убежала в свою комнату, любоваться на себя в зеркало.

— Марко, ты балуешь свою подружку, и вообще, я тебе камни отдала.

— Значит, они мои, — парировал я, — что хочу с ними, то и делаю.

— Хорошо, милый, как скажешь, — махнула скалкой Ашши. — Как прошла операция? Куандо пор фавор? Обригада, сеньора Гомеш. А тэ авишта. Чудесная женщина, только очень разговорчивая. Зовет нас в гости до начала лета, у нее новый мужчина, врач, который приезжал, ну ты помнишь. У него, кстати, есть племянница, как раз для тебя, я смотрела фото. Там такая задница, как этот стол, тебе понравится. Давай, дорогуша, показывай быстрее, что ты там напортачил.

Она посмотрела в быстрой перемотке ход операции, задала несколько вопросов. Сказала, что без кота у меня ничего бы не вышло, и что только котик один сделал все как надо. И за это он получит запечённую баранину.

Кот с ней был полностью согласен. Его взгляд, брошенный на меня, как бы говорил, что вот такие должны быть лучшие кошачьи друзья, не то что некоторые.

— Останови-ка, дорогуша, — сказала она в тот момент, когда на изображении я приложил свои ладони. — А теперь посмотри в глаза и скажи, кто тебя научил? Этот твой ан Траг? Вижу, что — нет. Милый, ты чуть было не убил себя. Нельзя делать то, что делают повелители. Уж прости, способности — это еще не результат. Я про кота не просто так сказала, видишь, что он там делает?

Мне и видеть было не надо. Я знал. Кот потерся об мою ногу, стабилизируя ядро, которое готово было пойти вразнос.

Ашши вздохнула

— Когда ты вживлял мне монеты, я помогала тебе, и кот тоже, ты ведь это почувствовал?

— Да, — кивнул я.

— Ты словно ребенок, которому достался эр-шатх. Это такая штука, которую тебе может быть найдет кот, хотя в этой реальности им просто неоткуда взяться.

— Мне говорили, — осторожно прощупал я почву, — что эр-асу появляются, когда меч рядом.

— Не знаю, кто тебе это сказал, дорогуша, но, во-первых, я не стала бы говорить об эр-асу во множественном числе, а во-вторых, только ушедшая богиня знала что-то об этом создании. Странно, что он так долго здесь, видимо, эту проекцию тоже заперло в этой реальности. Хотя, должна признаться, все что я сейчас говорю, только слухи, никто толком не знает ничего об эр-асу. Последний кот, о котором точно известно, что он был, жил у эгира Апа-Илту тысячи лет назад. С тех пор, как царство Кут исчезло вместе со своей богиней, исчезли из нулевой реальности эти коты, их только в проекциях можно найти. Как он у тебя оказался, я забыла?

— Может быть потому, что я не рассказывал, — улыбнулся, забывчивость — это не про псионов.

Ашши изобразила обиженную кухарку, и до самого ужина со мной не разговаривала. Поворачивалась спиной, фыркала, в общем, играла оскорбленную в лучших чувствах женщину. За ужином, по сравнению с которым стряпня сеньоры Гомеш казалась бледным подобием гамбургера из Бургер Кинга, ани подчеркнуто обращалась только к Ирине, в мою сторону даже не смотрела. Это не мешало ей обсуждать меня, мою манеру есть и вообще присутствие мужланов за столом.

— Милая, отличное колье, — между делом заметила она. Хотя глаз с него не сводила с тех пор, как мы пришли. — Твой жених тебе подарил?

— Нет, это Марк Львович, — Ира показала на меня вилкой. В присутствии Ашши она все больше склонялась к тому, что командир именно ани.

— Отличный подарок, — Ашши соблаговолила взглянуть на меня. — Марк, ты должен познакомить меня с ювелиром, я хочу заказать себе несколько вещей. И ты за них заплатишь, милый, не торгуясь.

— Это шестая.

— Что, дорогуша?

— Ты спрашивала, кто шестая, — я кивнул на Ирину, — это она.

Со стороны телепортация всегда смотрится эффектно. Вот человек стоит, а точнее сидит на одном краю стола, а вот он уже стоит возле другого.

— Вот в чем дело, — Ашши положила Ире руки на плечи, перешла на эме-гир. — Все в семью, зу Уриш? Знаешь, если бы не твое очевидное местное происхождение, могла бы подумать, что ты один из нас. Мне не очень верится, что вот эти символы ты придумал, или ювелир тебе подсказал.

— Подсмотрел в одном месте, — совершенно честно ответил я. Добрый дедушка Ас-Эрхан оставил мне на кристалле такое наследство, что за сто лет не разгрести. Старикан был дока по красным кристаллам и тому, как их использовать, прямо аж жаль, что пришлось его прикончить. Напросился бы в ученики, тоже смог бы миры соединять и разъединять, кулон — это так, детская забава.

— Не врешь, хотя вам, абсолютникам, верить нельзя, — Ашши нажимала на точки на теле Ирины, та сидела в прострации, открыв рот, явно не ощущая, что происходит. — Ты не подумал, что энергия уходит через… Нет, ты подумал, дорогуша. Час, два? Прямо перед приездом, да? Знал, что я не удержусь. Ничего, что эти тексты под запретом?

— Только в вашем мире, милая, — подмигнул ей я.

— Я же говорила, тебе не идет такое обращение к приличным девушкам. Хорошо, я займусь ей. Но ты мне…

— Стандартная цена — шиклу в неделю. Это входит в наш договор. Но если не хочешь, не надо. Мы с котом и сами справимся, правда, котик?

Кот посмотрел на меня, потом на Ашши, потом прошелся по столу, подходя к каждому блюду и нюхая его — а наготовила Ашши с большим запасом, вздохнул, показывая, насколько тяжел этот выбор, и как он еще пожалеет об этом. И лег рядом со мной, и с моей пустой тарелкой.

Ани покачала головой, как бы намекая, что теперь предателю ничего не перепадет, кроме тумаков, нажала пальцами Ире на скулы, девушка встала и молча ушла вверх по лестнице.

— Пусть поспит, — милостиво разрешила моя недобровольная помощница, — завтра у нее трудный день. Если она одаренная, почему это не проявлялось, и почему Анур ее не тренировал? У нее стоял сильный блок, я видела. Да еще с личным знаком, так рабов метят. Теперь почти распался, это даже хорошо.

— Ты видела хоть одного одаренного эре?

— Я за свою жизнь много чего повидала, дорогуша. Как там твои ребята?

— Они твои. Вот прямо сейчас и узнаем.

Семен перепрыгнул через забор — новые способности на физическом состоянии тоже отражались, добежал до двери, распахнул.

— Марк Львович, с Дашей проблемы.

— Жива?

— Нет. То есть да, Настя ее вытаскивает.

Я посмотрел на Ашши, как-никак она теперь их наставница. А лезть в чужой воспитательный процесс нельзя.

— Сходи, дорогуша, развейся. Покажи, кто в этой песочнице самый большой карапуз, — разрешила та. — Если что, зови. Хотя я ничего такого не вижу.

Семен покосился на нее, но ничего не сказал, если я был для них кем-то вроде командира, то Ашши — вершительницей судеб, не меньше.

Телепортироваться я не стал, даже не спешил особо, раз ани сказала, что девочке ничего не угрожает, значит, так и есть. По дороге захватил в гараже один из тренировочных мечей, все равно сегодня с ними никто прыгать не будет, а завтра — тем более. Через гараж и вышли.

Идти пришлось на соседнюю улицу. Уже на повороте были слышны выкрики, смех, подойдя поближе, я увидел круг. Два десятка гостей из-за океана обступили Кирилла, тот пытался вырваться, но его отбрасывали в центр, поджигали огненными стрелами, в общем, издевались как могли. Рядом Настя держала голову Даши на коленях.

— Света где? — спросил я у Семена.

Тот хотел ответить, но девочка сделала это за него сама. Вылетев из дома, она бросилась, расшвыривая обидчиков Кирилла, ее тоже втолкнули в круг, на крыльцо вышла девушка лет двадцати.

— Задайте этой русской сучке, — крикнула она.

Я подошел поближе, кивнул Насте, та показала ладонью, что все в порядке, под контролем.

— Эй, не слишком ли двадцать на двух детишек? — крикнул толпе.

— Может, ты тоже хочешь попробовать? — спросил один, высокий качок. Ему тут же зашептали, что это вроде как начальник лагеря.

— Да мне похрен, — отозвался качок. — Ну чего, мужик, хочешь вступиться за этих недоносков?

— Кирилл, — позвал я парня. — Держи.

И бросил ему меч.

Кирилл вопросительно посмотрел на меня, провел пальцем по острому структурированному лезвию, пробежали искры.

— Осторожно, — предупредил его. — Если убьешь, сами будете лечить.

Парень кивнул, перехватил боккен поудобнее, вытянул ладонь вперед, отражая очередной файрболл, летевший в Свету, и кинулся на главаря.

Глава 19

— Ты чего о себе возомнил? — Уфимцев-старший собственной персоной пожаловал. Генерал орал так, что аж слюни изо рта летели.

Я молча сидел, слушал небольшой частью сознания, а в другой прокручивал те события, которые, собственно, к его появлению и привели.

Когда Кирилл кинулся на качка, он, наверное, и сам не ожидал, что все так получится. Всего-то по плечу решил ударить, чтобы рука, как он потом сказал, отсохла, и тот не смог бы огнем кидаться — почему-то ассортимент заклинаний у гостей был небогат.

Деревяшка раскроила обидчика на две части, задев сердце, прошла сквозь тело, словно через воду, то, что в этой воде еще треть сухих веществ есть, неодушевленный предмет не смутило. Американец умер почти мгновенно. Остальные оторопело уставились на труп, и через секунду площадка возле дома очистилась, никто даже помочь не остался. Из окон высунулись руки со смартфонами. Только Настя и Света кинулись, пробуя остановить кровь и реанимировать, а потом к ним и Кирилл с Семеном присоединились. Им даже удалось зарастить внутреннюю рану, и заставить сердце биться, только прошло минут десять. Тогда им пришло наконец в голову, что я рядом.

— Ну помогите же, уми! — Настя подскочила ко мне, потянула к телу.

А чего там помогать, клиент был практически мертв. Медкапсул у меня нет, оживить я его оживил, только вот поражение мозга было фатальное. Получилось что-то вроде зомби, с сохранившимися рефлексами, только без сознания. И человечину есть не хотел, может быть — пока. Кирилл плакал, Света — тоже. Настя и Семен держались, но и им было не по себе.

А дома Ашши устроила им взбучку. Своим тихим, спокойным голосом, от которого дрожь пробирала.

— Вы каким местом слушали? Вот ты, дорогуша, что начала первым делом делать?

— Сердце спасать, — побледнела Настя. Она сама уже один раз умерла, а вообще физические наказания были излюбленным методом воспитания у ани.

— Может ты, милая, сердцем думаешь? Мозг — вот главный орган, его надо спасать в первую очередь.

Ребята переглянулись. Им было непривычно — после

неправильного ответа все пока стояли на своих ногах.

— А ты, красавчик, задницей думаешь? — поглядела Ашши на Кирилла. — Или у противника вторую голову увидел? Или не мог со своего места в глаз попасть? А ты?

Ани вдруг повернулась ко мне.

— Ты, дорогуша, все правильно сделал. Был бы моим учеником, я бы тобой гордилась.

— Потому что я дал тебе три дня отдохнуть?

— Схватываешь на лету, милый. А у вас, очаровашки, с сегодняшнего дня начинается новая жизнь, — на ладони Ашши засветился оранжевый шарик. Разделился на пять частей. И все пятеро учеников повалились на пол, скрипя зубами от боли.

— Ну чего разлеглись, лечите друг друга. За десять минут не успеете. будет добавка, — ласково протянула Ашши. — А за это время мы с вашим бывшим уми найдем чем заняться. Правда, милый?

— Так, у меня срочное дело к Беловой, прости, — тут же попытался сбежать я, и был перехвачен.

— Не так быстро, дорогуша. Нам кое-что надо решить. Например, сколько их останется в живых в конечном счете, — и поглядела на копошащихся подростков. Настя уже зарастила свой ожог, и помогала Свете, которой чуть глаз не выжгло, ну и остальные были при деле.

На самом деле Ашши подала хорошую идею, а я ее развил. А она подправила. И так десять минут.

Пятерке теперь светил новый режим. Четыре часа на сон — это, по мнению ани, и так было преступно много, зато два часа на еду — в самый раз, Ашши вдруг решила, что любит готовить, потом девять часов занятия, и девять часов прогулка по территории. Любая увиденная цель должна была быть атакована. Даже бойцы Иры, сама Белова и мы с Ашши. Для охраны было сделано послабление, возможность провести эти девять часов на КПП, или уехать куда-нибудь. Сама Ашши собиралась заняться с Ириной идивидуально. А вот всем остальным обитателям тренировочного лагеря предстояло провести это время на свежем воздухе. Отбиваться не запрещалось, даже наоборот.

Радости американцам это не принесло, но они приказ Ашши, донесенный им следующим утром, просто проигнорировали. Тем более что осталось их тридцать девять, и ани пообещала, что как минимум десяток до отведенного срока в три недели обязательно умрет. И может быть даже — навсегда.

Когда пятерка вышла на улицу, все двери были заперты, а дорожки — пусты. Ребята растеряно переглянулись, не то чтобы

их тянуло убивать, но изматывающая тренировка с трех утра до полудня не способствует хорошему настроению, так и тянет кому-нибудь что-нибудь отрезать, я помню.

— Ну и чего смотрим? — Ашша снова зажгла над ладонью пять шариков, только красных, с какой-то чернотой. — Или вышибить двери для вас проблема? Если хотите, можете остаться.

Пятерку как ветром сдуло к дому подальше, послышался грохот, звук разбитого стекла, потом чьи-то вопли.

— Ну вот, так-то лучше, — ани поглядела на меня. — Ты, дорогуша, что-то расслабился, и даже немного потолстел, будем исправлять.

Труп качка увезли, и три дня не было никакой реакции, за это время к первой жертве добавилась еще одна — американцы приняли одного из них за Кирилла, и забили насмерть из засады. Парня удалось оживить, но теперь он вздрагивал при каждом звуке и прятался на КПП. Пятерка, вначале действовавшая скованно, разошлась, и даже роли ребята между собой распределили. Появился свой снайпер — Семен, у которого атакующие схемы выходили лучше, Света определяла, где прячутся противники, Даша и Кирилл были основной ударной группой, а Настя — та лечила, и своих, и чужих. Вот что значит призвание.

И вот теперь появился Уфимцев, внутрь периметра заходить боялся, после того как на вышку поднялся, поглядеть, что происходит, и его там чуть не подбили. Так что милая дружеская беседа в его машине происходила, водитель и охрана жались метрах в тридцати.

— Я в порошок тебя сотру, ты в Сибири сгниешь! — разорялся генерал. — Это же наши партнеры, а ты их в гроб!

Я чуть покачал головой. Поднял большой палец вверх.

— Уфф, — Уфимцев-старший вытер вспотевший лоб. — Сколько их было, микрофонов?

— Ну почему были, — пожал я плечами, — они и сейчас есть. Четыре. Хочешь послушать?

— Давай, — оживился генерал. И за голову схватился. — Никак к этим штукам не привыкну вашим. Слушай, это такой голос у меня противный?

— Не темни, Игорь Григорич, не из-за трупа же приехал.

— Вот тут ты ошибаешься. Кстати, Марк, а если бы я и вправду на тебя так заорал, что? А то Серов про тебя нарассказывал ужасов, от Беловой регулярно получает информацию. Даже брата твоего к ней сосватал, чуть ли не в

приказном порядке. Так тот взбрыкнул, и вообще порвать с ней хотел.

— Кто вам мешает ко мне своего информатора заслать?

— Поздно, Леня вон не справился, Катя бы сама не согласилась, да и то, что ты Беловой разрешаешь сливать, все, кому надо, в курсе. Вроде как канал коммуникации у тебя такой с нами. Насчет трупа — как раз из-за него. Смотри, какая ситуация получается, — на сигнале, идущем с микрофонов, Уфимцев перестал орать и теперь что-то зло мне выговаривал за промахи, — американские друзья наши как-то вяло отреагировали, что один из ихних жмур. Думаю, одно из двух тут, или кто-то у них в этом разбирается, или кто-то стучит на тебя туда. Из твоих же.

— И то, и другое, — кивнул я. — Насчет первого не уверен, может маскируется, а вот второе — сто процентов.

— И что дальше?

— А что ваши знаменитые аналитики говорят?

— Да ну их, — Уфимцев сжал пальцы, — считают, что нельзя в секрете держать, иначе война. Там, наверху, тоже так думают. А война, Марк, это страшно. Я в Афгане срочную служил, в 82-м туда попал. Потом в Чечне, в командировке. Никакой романтики, скажу я тебе. Правда, когда эти колдуны, прости, вот как ты, научатся, тоже спокойной жизни не будет.

— Сколько дают?

— Три поколения, это лет семьдесят. А потом — сами не знают, что.

— Значит, — кивнул я, — есть у вас семьдесят лет, чтобы технологии к этому подтянулись. Не бог весть какая защита, но все же. На Луну вон слетайте, там можно обособиться.

— Ты про проект «Аполлон-80»? — Уфимцев хмыкнул. — Стоп, откуда тебе, все забываю, что ты вроде как одиночка. Приятели твои базу построили на той стороне Луны, на четыре тысячи человек, с каким-то новым оборудованием. Еще одна головная боль, средств доставки-то у нас пока нет, должны были только в 2030-м полететь, да и без колдунов там делать нечего. Хоть чем-то тебя удивил. Кстати, вот, держи.

Я покачал коробочку в руке.

— Вы меня прям в час по чайной ложке кормите.

— Это все, — твердо соврал Уфимцев. — Все, что осталось, больше нет. Для чего хоть они?

— Смотри, — я достал монетку ману из коробочки, положил на ладонь, накрыл другой. Открыл — монетки не было.

— Фокусы — это хорошо, — одобрил генерал. — А по сути?

— Здесь — не для чего, некуда их тратить, ну если только по

цене золота. А вот там, куда я надеюсь перебраться, очень даже ценится. Курс за монетку примерно триста миллионов евро, если на наши деньги, хотя все это условно.

Генерал присвистнул.

— Так я их отправляю вроде как в хранилище, — продолжил я. — А когда будет случай, достану. И твои интересы учту.

— Я тебя услышал, — Уфимцев пожал мне руку. Отдал коричневую кожаную папку, — тут то, что ты просил по твоей тете, прочтешь — уничтожить не забудь. Единственный экземпляр, все электронные копии стерты.

Не знаю, что там было уничтожать, и так ясно, никуда тетя Света не летала. А значит, и Лейбмахер тоже, Серега это уже давно раскопал. Но пропали они вместе, и в один день. Я посмотрел протоколы внешнего наблюдения, пролистал логи внесения записей задним числом — много к Ануру вопросов, очень много. И к дяде Толе заодно. На дядю Ёсю плевать, он мне никаким боком не приятель, а вот сестра матери — это серьезно. Уриши может и спустили бы, кого только среди старых семей не резали и не распыляли, до сих пор все в мире и согласии живут, а вот бояре Травины спросят, и еще как. Иначе будет Всеслав мне по ночам являться и укоризненно смотреть. Последняя страница меня удивила, у внучки Лейбмахера, которую мне в невесты подсовывали, родилась дочь, предположительно от Павла Громова. Сейчас в Швейцарии живут, не тужат, собственный домик в каком-то горном кантоне, полная страховка, счет в банке, сиделка и охрана. Анур позаботился, не иначе. И я могу.

И тут же одернул себя, если вот сейчас детей как заложников буду рассматривать, все, назад дороги нет. Пусть живет.

Потянулись дни, похожие один на другой. Утром я вставал, пытался съесть хотя бы малую часть того, что Ашши приготовила, а готовила она каждый день что-то новое, ездил к Кате — девушка шла на поправку, руки становились все плотнее, гулял с котом по нашему импровизированному полигону, подбадривал американцев. Те первое время бегали и прятались, а потом огрызаться начали, образовались группировки, которые сообща отражали нападения, и даже контратаковали. Выделились лидеры, та девушка, которая выбросила Свету из дома, и подросток, ничем не примечательный, кроме потенциала.

У каждого из них было примерно до десяти последователей, остальные вроде как по двое-трое держались, кто-то даже в одиночку. Схемы создавать умела примерно треть, но с качеством было не очень. Поначалу. А потом, в боевых практически

условиях, начало расти. Но и у пятерки тоже прогресс был, двадцать часов в течение почти месяца — это серьезно, пусть без пси-линка, но тут никто очередями из сосулек не стрелял и дронов с плазменным оружием не запускал. Для сельской местности сойдет.

— Конечно, дорогуша, — сказала Ашши, когда я поделился с ней своими мыслями, — другие миры как-то освоили все это, и тут тоже пойдут своим путем. Слишком быстро — тоже плохо. Попробуй вот эти креветки в чесночном соусе. Эй, ты что на тарелку себе положил детскую порцию, а ну еще наваливай.

Кот был с ней полностью согласен. Он не только подрос на диете из ману, а еще и округлился, по размерам теперь напоминал трехмесячного медвежонка, весил не меньше пятнадцати кило, и это перед обедом. И сложением тоже, детскость никуда не исчезла, толстые лапы косолапили, голова была непропорционально велика, — а что поделаешь, умище-то куда девать. Это же умище иногда включалось, и на людях он превращался в обычного кота.

Не знаю, что на меня нашло, но вот перед сном стал рассказывать ему о себе, своей жизни, кот внимательно слушал, на скучных местах — зевал, на опасных — бил хвостом по кровати. Когда дошил до смерти Милы, облизнул мне щеку языком. Вот чем этот кот точно отличался от обычных, никакой шершавости на языке не было. А то бы кожу мне содрал. И вообще, мы стали эмоционально ближе — такое бывает, когда мужчина страдает дома в одиночестве всякой хренью, вместо того, чтобы выйти, размяться, сжечь парочку городов, звезду взорвать. Или влюбиться в кого-нибудь.

Правда, до сна уделял время занятиям — смотрел, как Ашши гоняет Белову. Вот там ничем таким, что делали подростки, почти не пахло.

— Настоящей колдуньей тебе никогда не стать, — заявила ани. прямо ей в лицо на первой же тренировке. — Дара нет почти, повезло, что Артур с тобой что-то сотворил, не подумай, не лезу в ваши отношения. Но ты, дорогуша, и так хороша собой, только с попой надо что-то делать. Есть побольше.

И все то время, пока другие ее ученики наводили страх и шорох в округе, она заставляла Иру на площадке перед домом махать мечом, стрелять из пистолета по соседнему коттеджу, где прятались ее подчиненные, в общем, заниматься примерно тем же, что и ан Траг меня напрягал на занятиях с наемниками. Даже методы были похожие, только в этот раз источником ненависти и боли выступал я.

— Сереже пожалуюсь, — заявила Белова на одном из занятий,

зажимая рассеченное бедро. — Шрамы покажу, синяки, он тебя побьет.

— Не будешь защищаться, правую кисть отрублю, — пообещал я в ответ. — Вообще замуж не выйдешь, кольцо надеть будет некуда.

Угроза подействовала, все-таки женщина — это женщина. Даже Ашши.

А Серегу я не боялся, он приехал как-то раз, посмотреть, чем его будущая жена занимается. И когда я ей живот проткнул, бросился на меня с кулаками, пришлось обездвижить.

— Привыкай, дорогуша, — сказала ему Ашши, — сам выбирал. Но вы друг другу подходите. Смотри, как Марк прыгает, старается, а толку никакого, один как перст. У Иры твоей сестра есть? Можно страшненькую, ему уже все равно.

— Детдомовская я, — Ира подошла отдышаться, вытирая следы крови салфеткой. — Так что Марку повезло, сестер нет. И Сереженке тоже, тещи не будет.

— Если что, милая, я тебя удочерю, — пообещала Ашши. Пошутила, но все равно и брат, и Ира побледнели сильно.

Но нельзя сказать, что Белова была хорошей ученицей, делать-то она делала все, что ей говорили, только не верила. И когда я раны заращивал, и когда она со ста метров из пистолета в глаз фанерному человеку попала. Да, чудеса, но как-то не ее, несмотря на то, что фигура из фанеры была вылитый я.

— Ты почувствуй, как искорки стекают с твоих рук в оружие, и прямо в цель, — Ашши перешла на веганское питание, и грызла брокколи. Ну а мы остались без завтрака, обеда и двух ужинов. — Когда стреляешь, чувствуешь?

— Да, — Ира готова была заплакать.

— Шиклу в месяц — мало, — повернулась ко мне ани. — Пять.

— Идет, — согласился я. Кот сожрал почти весь запас ману, но последнюю монетку он поглощал с какой-то неохотой, видимо, пресытился. И вопрос с оплатой скорее принципиальный был, чтобы халява на меня с неба не падала, как обычно.

— Ладно, — Ашши покачала головой с сомнением. — Смотри сюда, дорогуша. Что это?

— Кухонный нож.

— Молодец. Встань, закрой глаза, сейчас я тебя разверну, и воткнешь его со всей силой в фанерного Марка. Кстати, он сказал, что у тебя задница плоская и сисек нет, а за такую правду и убить не жалко. Держись за руку, иди сюда. На уровень груди, ему не повредит, этот гад выкарабкивается из любой ситуации. Сосредоточилась? Бей, милая.

Ира открыла глаза, сначала просто, потом максимально широко — нож ушел по самую рукоятку в кирпичную стену дома.

— Как это? — с дрожью в голосе спросила она. И с этого момента у нее все пошло как надо.

Обучение американцев подходило к концу, некоторые даже со своими преследователями подружились, здраво рассудив, что лучше быть вместе с сильной стороной, чем с той, которую бьют, и к концу третьей недели команда карателей выросла до десяти человек. Выросла бы и до сорока четырех, но ребята хорошо помнили, кто их обижал. Месть — тоже своеобразный воспитательный момент, не знаю, как насчет холодной, в этом конкретном случае она была и холодной в виде льдышек, и горячей, как огненные шары, и даже под напряжением в полмиллиона вольт при близком контакте. Следующую партию обещали через квартал, уже побольше.

— Место нашли, — обрадовал меня Серов, — ремонтируем сейчас. Военный городок, с полигоном и прочими радостями, бронетехнику выпустим, посмотрим, что с ней будет. Мы на авиацию подавали заявку, но пока не проходим по бюджету.

— Онижедети, — напомнил я генералу.

— Ничего, в войну вон и семилетки воевали, — парировал Серов, в армии ни дня не служивший.

Так что предстоял переезд. Местных жителей мы к пришествию колдунов подготовили, по логике контор теперь нужен был перерыв для общества. К тому же, кроме американцев, решили и местных курсантов готовить. Из своих запасов.

— Так что отдыхайте, — продолжал Серов, — надеюсь, ничего за этот квартал не случится.

Как в воду глядел генерал. Или накаркал.

Глава 20

Подготовка к свадьбе — процесс ответственный. Особенно, если жених с невестой еще ни о чем не договорились, и вообще о необходимости предстоящего союза только размышляют, хоть и вслух. Моя мать всегда была женщиной решительной, вот и сейчас не собиралась пускать все на самотек.

— Знаешь, я, наверное, женюсь, — сказал мне Серега, в очередной раз приехав в гости. По служебным делам, ну и заодно на любовь всей своей жизни посмотреть. — Решительно и бесповоротно. А то эти разговоры, планы на будущее, надо ставить точку и определиться.

— Что, мама задолбала?

— Ты не представляешь, как! Звонит на работу, там уже все в курсе, потому что она и им тоже звонит. Ира же до сих пор числится у нас, так позавчера половина отдела кадров, женская, обсуждала, брать ей мою фамилию или нет.

— Послушай моего совета, брат. Совет человека, который был два раза женат.

— Ты вроде про один говорил, — Серега махнул рукой, выпил залпом минеральной воды, как стакан виски махнул.

Трезвенник в семье, это вообще беда, а занудливый трезвенник — катастрофа. Но приходилось вот так поддерживать его морально, а что делать, нормальный человек в затруднительном положении забухает на неделю, и все, проблемы решатся сами собой.

— Оба какие-то неполноценные были. В общем, я, как человек опытный, могу тебе одно сказать, чем быстрее ты это сделаешь, и желательно в бессознательном состоянии, тем лучше.

— Почему в бессознательном?

— Из двух вот этих мероприятий то, о котором я почти ничего не помню, прошло просто супер. А второе было так себе. В общем, соглашайся.

Серега посмотрел на лужайку, где Белова пыталась достать Ашши тренировочным мечом. Поселок опустел, и мы должны были скоро переместиться на новое место, заинтересованных в этом лиц я предупредил, что от дома отказываться не собираюсь, и вообще, моя собственность — это святое, на что мне пообещали новых соседей, как только отремонтируют то, что я, по их словам, со своей бандой с землей сравнял.

— Ты так говоришь, как будто это решенный вопрос, — депрессивно ответил Сергей, махнул еще стакан газировки, как бы его не развезло от такой порции. — Вдруг Ира не согласится.

— Ашши, — крикнул я, скорее для других, ани и так прекрасно слышала. — Ира выйдет замуж за Сергея?

— Конечно, — ответила ани. — Так, ты чего встала, дорогуша? Нападай, двигаешься, как беременная антилопа. Да пошутила я, обычная.

— Ну вот, вопрос решенный, — хлопнул я покрасневшего Серегу по плечу.

Тот только рот раскрывал. А я уже матери звонил, и после этого счастливым молодым было не отвертеться. Не пойму, чего Серега на меня разозлился, и Ира была чем-то недовольна. Хотя нет, она объяснила потом.

— Это неправильно, Марк Львович, — усевшись рядом со мной на скамейку, заявила она. — Должно быть по-другому, кольцо, романтика, ресторан. Все к этому шло, вон, Сережа уже созрел. А теперь будто заставили.

— Ты моего брата три месяца знаешь, а я двадцать семь лет. Поверь моей интуиции, Ира, лучше сделать всё сейчас, а то этот фрукт может до пенсии зреть. В ближайшие дни. Скажем, в эту пятницу.

— В ЗАГСе заявление за месяц берут, вы же знаете. Хотя нет, откуда вам.

— Белова, ты забыла, где ты работаешь и на кого? Если надо, Серов вас сам женит, хоть через десять минут, как капитан корабля.

— Не пойму тогда, — Ира сжала пальцы. — Зачем эти тренировки, если мы договорились, что после свадьбы я от вас уйду?

— От меня уйдешь, а со службы тебя все равно никто не отпустит. И от тренировок не отмажешься. Уж лучше быть ценным сотрудником, ставить свои условия, при необходимости защитить себя и моего непутевого брата, чем в интрижках голову сложить.

— Сережа — не непутевый! — гордо ответила Ира и ушла. С чересчур прямой спиной и не оглядываясь.

Так что в ближайшие выходные наш скромный дачный участок принимал гостей. Ну не в таком количестве, как ресторан в пятницу, там и сослуживцы пили и ели в три горла, и высокое начальство посетило мероприятие, чтобы все как у людей, и артистов пригласили, в общем, было очень официально и разгульно. Ну а в субботу собрались узким семейным кругом, сестра прилетела из Питера, детишек-колдунов на природу вывез. И кота — тот был совсем не против поиграть с доберманами. Бедных собачек насчет этого никто не спросил.

— Анечка, — мать при виде Ашши всплеснула руками, — ты почему вчера не пошла в ресторан?

Зу Маас-Арди к совпадению имени и титула относилась равнодушно, Анечка — значит Анечка.

— Я только Марка люблю, тетя Оля, — полушепотом, но так, чтобы все услышали, заявила она. — А там наверняка столько мужчин было в военной форме, я бы не сдержалась. Он-то на меня внимания совсем не обращает.

Вот за что она так, а? Мать вскинулась, поглядела на меня, и я понял, что разговора не избежать.

— А где Вика? — перевел я быстрее разговор на другую тему.

— В гости поехала, — ответил за нее отец. — У нее в интернате друзья, она там жила, пока Артур сюда не привез. Недолго, два или три месяца, а подружки остались. На каникулы туда ездит уже не в первый раз, там только так называется — интернат, условия, как в санатории. Извини, Ира.

— Ничего, — Белова выглядела счастливой, и даже напоминание о детдоме это не могло нарушить. — Мы тоже дружили. Иногда даже с девчонками переписываемся, в сети.

Милославские и Богдановы тоже присутствовали, Леха с Жорой бросили свои семьи на меня, забрали отца и умотали рыбу ловить, вот ведь сволочи. Друзья, называется. Но для их жен у меня была ани, а для детей — кот и близнецы.

Сестра приехала со своим приятелем, тоже ординатором, со мной подчеркнуто не разговаривала. Ну да, мать говорила, что Лиза на меня обижена очень, мол, больше всех волновалась, что я пропал, а когда появился, ей последней позвонил. И теперь всем видом показывала, насколько ей плевать на мое существование. Друг ее, Максим, только виновато руками разводил, что поделаешь, такой у девушки характер.

— Никому не говорили, но, когда ты пропал, рыдала месяц, наверное, — тихо сказал мне он. — На антидепрессантах сидела. От нее еще парень тогда ушел.

— Ценное дополнение. Так вы теперь с ней? После того парня?

— Нет, ты что, — Максим смутился, — мы просто друзья. Работаем вместе. С собой взяла, чтобы, как она сказала, родичи не донимали всякими глупостями. Ну и вообще, для поддержки моральной.

— Дело ваше. А ты чего такой мрачный?

— Да разговоры идут, что скоро врачи будут не нужны. Заменят их какие-то волшебники, — парень скептически улыбнулся. — Я бы не верил, но у меня отец в клинике

главврачом работает, он рассказывал по секрету, что даже специальное отделение сделали, там ребята совсем молодые учатся и одновременно больных принимают. Туда близко не подойти, автоматчики у входа, только по пропускам можно зайти.

— Ты больных этих видел?

— Да, все их видели, ну в клинике, парковка-то одна. Губернатор, семейка его, олигархи, силовики.

— Ну вот. На ваш век хватит простых людей.

— Отец то же самое говорит, — Максим встряхнул головой, — я думал, шарлатаны очередные. Типа реики какого-нибудь или пиявок с су-джоком. Лиза сказала, ты тоже…

— Шарлатан?

— Нет, прости. Можешь лечить не прикасаясь.

— Нет, у меня исключительно контактный способ. Но, вон там девушку видишь? Которая моего кота гладит? — Настя сидела на качелях, а рядом развалился эр-асу. Доберманы, когда случалось мимо пробегать, смотрели на колдунью благодарными глазами. — Вот она может.

— Шутишь?

— Какие шутки. Позавчера возили туда, вроде бы к самому, — я показал пальцем на небо, — или к кому-то из очень приближенных. Девочка первый раз в жизни на майбахе поездила. Настя! Подойди-ка.

Девушка подняла голову, послушно встала. Кот на меня недовольно посмотрел, потом нашел глазами одного из доберманов, лениво соскочил с качелей и пошел развлекаться.

— Максим — ординатор, — представил я парня Насте, — Если захотите, пообщаетесь. А мне звонят, прости.

На линии был Серов, голос у него был тихий, а вид — мрачный.

— Ждем тебя, Владлен Палыч, — начал я, но он перебил.

— Марк, тут такое дело, интернат с детишками захватили. Который рядом с вами. Выслал за тобой вертолет. Это срочно.

Интернат находился в здании бывшего санатория, с большой зеленой территорией, обнесенной бетонным забором. Въезд преграждал КПП, перед которым валялись два трупа.

Захвативших интернат было двадцать человек. Из них четырнадцать одаренных, служивших в ведомстве Серова, остальные — парни из отряда специального назначения, к ним приставленные. Пока никаких требований они не выдвигали, в пятницу закончили работу, или что там они делали, не знаю, Серов не уточнил. Потом разошлись вроде как по домам, а рано утром появились здесь всей группой, захватили наряд на КПП,

прямо там расстреляли, заглушили связь, заперли директора и воспитателей в подвале. До полудня никто и не знал, что с интернатом что-то случилось, только дежурный, решивший по какому-то вопросу позвонить, пожаловался, что никак не удается соединиться с администрацией. Для успокоения выслали наряд ППС, из троих полицейских целым остался один, который каким-то чудом смог уехать и отзвониться. Остальные сейчас были в реанимации.

Санаторий занимал почти шесть гектар, и проникнуть на территорию труда не составляло, вот только близко к зданию было не подойти. На крыше засели снайперы, а одаренные швырялись огненными шарами. Не прицельно, но далеко.

Я прилетел раньше Серова, вертолет, севший около дачного участка, особых восторгов не вызвал, у соседа через два дома так вообще вертолетная площадка возле коттеджа была. Да и прилетел за мной не какой-нибудь боевой летающий танк, а узкий двухместный геликоптер, пассажирское кресло позади пилота. Подобрал меня и бодро рванул к месту, не долетая примерно с пяток километрво, приземлился рядом со своими более солидными собратьями, а уже оттуда к месту событий меня на уазике доставили.

Серов появился практически одновременно со мной, я отьезжал от посадочной площадки, и его вертолет приземлился, и генерала привез, и пятерых бойцов охраны, их уже ждал гелендеваген.

— Что с детьми? — Серов кивнул мне, и сразу начал в курс дела входить.

— Неизвестно, товарищ генерал, — майор в полевой форме через планшет отслеживал перемещение бойцов. — Глушилка у них на крыше стоит, вышку сотовую сожгли, у той, которая дальше, слишком низкая мощность, чтобы пробить. Удалось только с одним из кураторов, нашим сотрудником, связаться, у него спецсвязь иногда пробивает, но он ничего не знает, их заперли, а детей потом куда-то сгоняли. Подвал бетонный, двери как в бункере. Пишет, все живы, ну из обслуги и воспитатели. Его самого оглушили, очнулся уже внизу. Те, кто с ним там сидят, рассказывают, что напавших человек двадцать или около того, ведут себя жестко до жестокости. Один из воспитателей пытался детей защитить, пристрелили на месте.

— А по нашим данным?

— Все утренние сводки подтверждаются. Это Вешенский, его пятерка. И еще девять человек из другого потока, послабее. Шестеро бойцов — отделение капитана Ревенко, он вместе с

ними.

— Все дерьмо всплыло, — покачал головой Серов. — Марк, что думаешь?

А глушилку нельзя эту как-то снять? — спросил я.

Майор озадаченно покосился на штатского, решил, что очередной эффективный чиновник из молодых да ранних пожаловал, взбрыкивать не стал, а вежливо объяснил, что для этого другие силы нужны, которые сейчас должны быть с минуты на минуту. Потому что среди них самих нет нужных профессионалов.

— Товарищ генерал, — решил я прояснить ситуацию, — ты хочешь, чтобы я один пошел, и с ними разобрался?

— А сможешь? — Серов внимательно на меня посмотрел.

— Не знаю.

— Тогда пока ты — консультант, в этом деле лучше нас понимаешь. Операцию начнем, и тогда будет видно, нужна твоя помощь или нет. Вот же суки, детей захватили, что с вами, колдунами, не так.

Он слишком громко это сказал, майор покосился на Серова, и снова уткнулся в планшет. Судя по всему, особых успехов у его подчиненных не было.

Люди потихоньку прибывали. Сначала приехали бойцы СОБРа на двух автобусах в сопровождении машин ДПС, потом прилетел вертолет федерального канала, покружил над нами, и практически одновременно появились два микроавтобуса местного телевидения. Федералы больше снимали сам объект, а вот местные — те только чуть поводили камерой и тут же переключились на подъехавшего губернатора с приближенными, Серов благоразумно в сторону отошел. Среди свиты я увидел отца Жоры Богданова и Сельчинскую. Лена Пална мазнула по мне взглядом, потом замерла, что-то в ее женских мозгах в конфликт вошло. И уставилась прямо в мою сторону. Хорошо хоть ее отвлекли тут же.

— А где одаренные-то ваши, другие, которые на стороне добра? — спросил я генерала.

— Должны уже быть здесь, — проворчал генерал. — А, вот и они.

Кавалькада из шести черных микроавтобусов плавно притормозила, двери распахнулись, и оттуда начали не торопясь вылезать люди в штатском.

— Тебя представлять не буду, — предупредил Серов. — Этих Артур Громов тренировал, мастера.

Я кивнул, не стал напоминать, что те, кто внутри, тоже где-то учились плохому, и не всегда колдовство побеждает зло.

Мастеров набралось тридцать человек, семнадцать мужчин и тринадцать женщин, точнее говоря — парней и девушек, всем было лет двадцать примерно. Из первого микроавтобуса выпрыгнул подполковник, подбежал к Серову, отдал честь, доложил, что спецгруппа три-одиннадцать прибыла. И, получив благосклонный кивок, побежал обратно. А генерал уже вводил в курс дела шестерых из прибывших, значит, тоже на пятерки разбиты. Эти шестеро кивали, что-то уточняли, хоть с виду дисциплина и хромала, но на самом деле вон как подобрались, остальные разбились на группы, на них надевали бронники. Подполковник вернулся, встал рядом с Серовым. К шести микроавтобусам добавились еще четыре, из них выпрыгивали бойцы в черном, без опознавательных знаков.

Со стороны бывшего санатория раньше постреливали для острастки, а сейчас перестали, наверху высокий рыжий молодой человек в спортивном костюме спокойно наблюдал за происходящим. Рядом с ним еще двое стояли, парень и девушка — бинокль я опустил, но и так неплохо видел. Девушка приблизилась к спортсмену, явно — главарю, что-то на ухо ему сказала, на таком расстоянии даже я ничего не расслышал, главарь усмехнулся. Поднял руку, подержал в воздухе, словно закрываясь от солнца, опустил.

Мне совсем не показалось, Серов еле заметно кивнул. Делиться наблюдением ни с кем не стал, но происходящее из разряда хоть и чрезвычайной, но все же контртеррористической операции превращалось в какой-то заговор.

— В черном — спецназ, губернатор свое слово скажет, и тогда начнем, — объяснял мне Серов, одновременно отдавая приказы. Штатские — отдельно, военные — отдельно. — Ты вперед не лезь, но, если что, рассчитываю на тебя. Вон, подполковник Снегов с нашими колдунами возится, с ним будешь работать.

Наконец, организационные вопросы решили. Губернатор пообещал, что террористы будут обязательно наказаны, взял мегафон, предложил преступным элементам сдаться, обещая пожизненное вместо смертной казни, потом то же самое донес до оккупировавших интернат начальник местной полиции. Те ожидаемо не ответили, и главный полицейский рассказал на камеру, что противник опасный, необычный, но работники органов сделают все, что от них зависит. Тут Серов вышел на первый план, как-никак, командующий контртеррористической операцией. Это еще какое-то время заняло, телевизионщики задали генералу несколько тупых дежурных вопросов, получили

такие же ответы.

Освободившийся от журналюг Серов поднес к глазам бинокль, не знаю, что он еще хотел там увидеть, подполковник Снегов подскочил к нему, чтобы получить от начальства последние ценные указания, бойцы в черном подобрались, видимо, им придется взять на себя первый удар.

И тут голова генерала лопнула. Брызнула мозгами во все стороны. Стоящие рядом секунду или больше оторопело смотрели на практически безголовый труп, а потом бросились кто куда. Губернатора отволокла за машину его охрана, остальные тоже попрятались по разным с их точки зрения безопасным местам. Только подполковник как стоял в стороне, так и остался стоять.

Я тоже прятаться не стал, пуля вошла в голову начальника операции не со стороны интерната, а с противоположной. Поглядел туда, вдалеке, километрах в пятнадцати виднелась телевизионная вышка, в зоне прямой видимости, значит.

Глава 21

После гибели генерала Серова, героической, как отметили комментаторы, главным неожиданно стал подполковник Снегов — по старшинству из имеющихся.

Губернатор потихоньку распорядился позорный момент своего бегства стереть, но, судя по тому, что снимали и на мобильные телефоны, незамеченным это не останется. Зато неожиданно выяснилось, что первыми в бой должны пойти совсем не спецназовцы.

Командир СОБРа доложил Снегову, что санаторий окружен. Подполковник удовлетворенно кивнул, подошел ко мне.

— Вы ведь Травин?

— Да.

— Знаете, зачем вы здесь?

— Только то, что Серов сказал.

— На самом деле, я не в курсе, знаю только, то вы каким-то боком к нашей программе. Тоже из этих? — и он кивнул на своих подопечных. — Куратор ФСОшный?

— Примерно, — подтвердил я.

— Ситуация хреновая, — подполковник сделал мне знак, мол, секунду, отдал несколько распоряжений по рации. — Эти ребята, которые интернат захватили, они одни из самых сильных, не все, но пятеро точно, остальные на подхвате. Центральная фигура там — Сергей Вешенский, позывной — Козьма, или Козя. Своенравный, дисциплину не признает, из мажоров. Собрал вокруг себя группу таких же отморозков, с ними давно проблемы, его ребята даже кого-то из родственников генерала Уфимцева тронули, по глупости, не специально. Но — было восемь, осталось пять. С тех пор злобу затаил, что не дали с обидчиком разобраться. И вот вылилось в это. Требования, как вы слышали, стандартные — вертолеты, сорок миллионов долларов наличными, воздушный коридор. Двое бойцов останутся с детьми, и если вертолеты не долетят до нужного места, расстреляют их. А они могут, я этих людей знаю.

— Товарищ подполковник.

— Просто Снегов, меня все по фамилии зовут.

— Снегов, — я усмехнулся, — мне-то вы зачем это рассказываете? У вас вон сколько сил, прибывают и прибывают, дивизия, не меньше. Время тянете?

— Раскусили, Марк Львович. Жду, когда другой старший здесь появится, — улыбнулся Снегов. — А так вроде по делу трындим.

— Давайте в угадайку играть не будем, — предложил я. — Хотите, чтобы я с вашими пошел? Или вместо них?

Одаренные уже полностью экипировались и ждали, кто во что горазд. Две пятерки была явно опытнее других, они не шлялись попусту, и не трепались, а терпеливо ждали, да и выправка у них была получше.

— Снегов, а эти десять — кто?

— Это лучшие из тех, кто остался, — подполковник поморщился. — Девушку видите? Самая сильная — она. Она же старшая.

Махнул рукой.

Девушка, о которой Снегов говорил, подошла к нам — быстро, но не резво. С достоинством. Бритая, с приятными чертами лица.

— Знакомьтесь. Это капитан Герциева. а это — Марк Травин.

Герциева первая протянула мне руку, крепко, по-мужски пожала.

— Женя.

— В общем, Женя, Марк — куратор от ФСО, его покойный Серов вызвал. О нем вы говорили с ним, когда только приехали. Что решите, Марк Львович? А то..

Рация забубнила, подполковник выслушал, как от зубной боли скривился.

— Начальство велит начинать. Орать изволят.

— Хорошо, — решил я. — Я иду. Только с ребятами дайте несколько минут десять поговорить.

— Хорошо, пять минут могу дать, — рация опять заорала, Снегов с ненавистью на нее поглядел. — Но не больше. Велят спецназ отправлять, а мне ребят класть совсем не хочется. Женя, Марк…

— Нет, она остается старшей. Пойдем, капитан Женя, поговорим.

Снегов махнул нам рукой, показал на часы, в принципе, какое-то время ну нас было, пока пришедший в себя губернатор с областными силовиками изображали кипучую деятельность под прицелом телекамер.

— Вас Громов тренировал? — сразу решил я смягчить ситуацию. Девять ребят слаженно подошли, встали вокруг нас с капитаншей.

— Да, — ответила за всех Женя.

— Мы с Артуром Анатольевичем большие друзья. А его отец, Анатолий Громов, мой дядя. Так что тренировался я по особой программе, расширенной, — добавил тут же. А то кроме

раздражения, мои знакомства в них ничего не вызвали.

— Так вы тоже?

— Марк, и на «ты», — я зажег крохотный светляк над ладонью. — Если что, могу и намного больше. Так что обузой не буду. Давайте так сделаем, вы разбираетесь с теми, кто к Казе прибился, там проблем ведь не будет?

— Не должно, — Женя подняла руку, останавливая вопросы.

— А я займусь им и его компанией. Там всего пятеро.

— И всеми пятерыми займетесь? — иронично улыбнулся один из бойцов.

— Попробую. Но если что, вы ведь всегда неподалеку, правда?

Кроме одаренных, в команду входило столько же бойцов спецназа. На мой взгляд, они не столько помогали, сколько охраняли посторонних от колдунов. Их командир, безымянный майор, выслушав распоряжения стоящей его ниже по званию Герциевой, молча, без возражений кивнул.

Двадцати человек для четырехэтажного здания было слишком мало, все входы и выходы контролировать изнутри они не могли. Поэтому делали это снаружи, на крыше засели снайперы — четверо из обычных бойцов, по одному на каждом углу. А возле выхода на крышу стояла та самая троица. Девять одаренных из прибившихся были рассредоточены по зданию. Еще двое из команды Вешенского были с детьми внутри подвала, а двое обычных бойцов охраняли взрослых заложников. Серова пристрелили, когда он был не в прямой видимости с крыши, вопрос в том, знают ли они.

— Майор, — попросил я подойти военного. Тот совершенно без эмоций приблизился. — Ваша задача — держитесь позади нас, стараетесь, чтобы сверху вас не подстрелили, подключаетесь, когда будем выводить детей. Что умеют эти ребята, знаете?

Майор кивнул, посмотрел на Женю. Та плечами пожала, мол, раз хочет покомандовать, пусть попробует.

— Герциева — старшая, но если хотите остаться живыми и здоровыми, послушайтесь моего совета, — сказал я майору. — Внутри — моя племянница, и, если кто-то будет виноват в ее смерти, долго он не проживет. Или они.

Через ледяной щит военного прорвался скептицизм. Ну да, штатские любят потрепать языком.

— Не верите. Сделаем так — я сниму снайперов. Один, и без шума. Этого будет достаточно?

Майор подумал и кивнул. А Женя недоверчиво на меня посмотрела. Как раз вышли к краю зарослей, с крыши нас видно

не было, но стоит выйти на пустое место, а до главного входа — метров пятьдесят, и начнут стрелять, или огнем поливать.

— Тогда порядок действий, — продолжал я. — Я уничтожаю снайперов, разбираюсь с теми, кто на крыше. Вы зачищаете здание. Потом взрослые заложники — тоже на вас. Дети, ими я займусь, а когда все будет в порядке, сможете красиво завершить операцию. Договорились? Ну и хорошо.

Ребята меж тем странно себя вели. Они создавали над правой ладонью схемы, не до конца, и аккуратно перемещали их на левое предплечье. Получилось немного, с десяток у каждого. Идея была понятна, только реализация странная, схема — это не камень, который кладешь в сумку, а потом вытаскиваешь. Но, судя по всему, другого выбора у местных псионов не было, конструкты они создавали медленно, хоть и аккуратно. Но молодцы, что сказать, одновременно десять незаконченных схем держать то еще удовольствие, вон и пот у многих выступил на лбу. Когда это занимает ничтожные доли секунды, как-то не задумываешься, что у других может быть не все так шоколадно. Но все равно, даже мои подопечные и то с самого начала были как-то поживее.

Предстояло выполнить обещание — снять часовых. Хотел сделать картинный жест такой, руки растопырить, глаза выпучить, чтобы прониклись. Но вспомнил, что не на прогулке. Помахал ребятам рукой, и переместился на крышу.

Десятка тут же начала меня глазами искать, стать невидимым тоже круто.

— Силен, — сказал Жене один парень, — невидимость. Я даже не заметил, как он чертеж построил.

— Домашняя заготовка, — предположила одна из трех девушек в команде. — Как думаете, на каком он этаже?

Так и хотелось создать двойника, который подойдет, постучит пальцем умнице по лбу и скажет — «На последнем, блондиночка».

Один из снайперов выцеливал кого-то из нашей команды — с маскировкой у ребят было не очень, это военные практически растворились среди деревьев, увидеть их было сложно, с метками — проще гораздо.

С этого глазастого я решил начать. Лежащий на одеяле террорист мягко потянул спусковой крючок, только вот выстрела не последовало. Он осмотрел винтовку, проверил затвор, еще раз потянул, с тем же результатом.

— Проблема с оружием, — доложился он в микрофон, и потянулся к запасной винтовке.

Даже такой тренированный и сдержанный человек не

удержится, если его ударить током. Не таким сильным, чтобы помер, но чувствительным. Снайпер вопль сдержал, да и заорать со слегка парализованными связками тяжело, но руку отдернул резко, плечо поднялось, и тут же на одежде расплылось кровавое пятно.

— Меня подстрелили, — просипел он, пытаясь отползти от края крыши, но почему-то получалось только в обратную сторону. С собственным телом бороться бесполезно, секунда, и он с воплем полетел на асфальт.

Первый пошел. А я переместился на другой край крыши, ко второму.

Второй снайпер держал под прицелом подъездные пути. Но раз его товарищ оставил боевой пост, обязанностей добавилось. Вешенский отдал приказ, причем звук возникал рядом с бойцом, молодец колдун, не то что некоторые внизу. И с противоположного угла к освободившемуся месту заспешил третий. Ой как неосторожно, он бежал, пригибаясь, но все равно недостаточно низко. Теоретическая пуля и его с крыши снесла — а что она из моей руки вылетела, кто ж заметит.

— Мудаки, куда смотрите, — заорал Вешенский, обычным голосом, не до понтов уже было.

Второй обернулся инстинктивно, когда командир орет, надо смотреть, но увидел не Вешенского или меня. А змею. Кобра в трех метрах от него приподнялась, раздула капюшон и зашипела. Второй перевернулся, и из положения лежа всадил в нового врага три пули. Две в бетонное ограждение ударили, а одна попала в ногу девушке.

Та заорала, приложила руки к ране, останавливая кровь. Ага, немногим слабее главаря. А тот, разозлившись, снес второго снайпера с крыши, изломанное еще в полете тело грохнулось где-то внизу.

Последний негритенок, то есть боец, попытался скрыться — спонтанно возникшие разборки в отряде его не то что озадачили, но видимо не понравились. Бросился к козырьку, под которым находился выход с крыши, уже почти до двери добежал. И был перехвачен Вешенским.

— Ты куда это собрался? — главарь спокойно приподнял своего снайпера за шею, прижал к стене. — Убежать вздумал?

Снайпер хотел что-то сказать, но пальцы Вешенского сжались, из-под них брызнула кровь. Потом Козя брезгливо отбросил тело в сторону, легко, словно оно не под сто кило весило, повернулся к своим. Девушка себя уже залечила, а парень просто стоял в стороне и с любопытством на все это смотрел.

— Что-то здесь не так, — главарь вешал на себя щиты. Так

себе, слабенькие, но все равно — уверенно и много. Прямо местный уникум. — Где Серов?

— Не отвечает, — девушка достала обычный смартфон, набрала номер. — Недоступен.

— Вниз нельзя, — главарь огляделся, — ага, внизу эта Герциева, которую ты трахнуть хотела.

— Слабачка, — пожала девушка плечами.

— С ней еще девять, — добавил третий парень.

Ну да, по схемам всех можно посчитать, они как елки светятся. Надо же такими раздолбаями быть.

— Значит, и поддержка там. А где остальные двадцать? Серов говорил о тридцатке, — девушка даже ногой топнула.

— Альбин, заткнись, я думаю, — главарь создал следящую схему, подвесил над собой. Неплохо. Интересно, почему Артур одних хреново тренировал, а других вот так — на совесть. — Ага, окружили нас. Ладно, будем уходить, в этот раз не получилось. Серов, сука, подставил. К кому мы сейчас наведаемся, а?

— Он же своих в Испанию отправил, — третий приоткрыл дверь на крышу.

— Не всех, брат его здесь с семьей остался, который фитнес держит. Ими и займемся, эта семейка мне теперь много денег должна, и не только. Так, Колян, спускаемся на второй этаж, оттуда по переходу в гараж. Запасной план, помните?

Шикарно, гаражи я люблю. Там столько укромных мест…

Троица явно решила бросить всех. Один из тех, кто контролировал этажи, подошел, чтобы что-то спросить у Вешенского, тот одним движением разорвал ему горло, переступил через тело.

— Балласт еще остался, они нас видели, — Альбина походя пнула труп. — Что с братьями делать?

— Пусть сами выбираются, — не оборачиваясь, ответил Вешенский.

Троица быстро, почти бегом прошла через здание, спустилась в гараж — там стояло две машины, черный джип и скорая помощь.

— Садимся в скорую, — Казя подбежал к микроавтобусу, раздвинул дверь. — Альбина, за руль, мы с Коляном сзади. Выруливаешь, включаешь мигалки, не доезжая метров тридцать до собровцев, останавливаешься, два раза моргаешь фарами, пауза, еще два раза. Там уже договорено на самом высшем уровне, тихо уходим, а полицейские потрошат скорую. Блин, надо было труп с собой взять, ну да ладно, пусть сами что-нибудь придумают. Поехали, быстро, быстро.

Альбина подъехала к воротам, Колян высунул ладонь, схема сорвалась и прилепилась к механизму, начиная отодвигать створки. Способный.

— Кезя, готово, — псион повернулся к главарю. И замер.

Тот сидел прямо, очень прямо, и неподвижно смотрел перед собой. Со стороны казалось, что черный кинжал сам по себе завис рядом с ним, чуть забравшись в ухо. Колян тоже замер.

— Смотрю, вы с этим предметом знакомы, — я появился из воздуха, словил очередь из четырех огненных шаров, которые растворились в щите.

— Кезя, это тот, кто Машулю убил, — почему-то прошептал Колян. А ведь если больше двух — говорят вслух.

— Знаю, — процедил тот. — Эй, что тебе нужно? Деньги?

Вместо ответа я вдавил кинжал в ухо. Ничего. Что эти подонки мне могут предложить? Это я сейчас предлагал Вешенскому еще одну жизнь прожить, быструю, как вспышка, но очень насыщенную.

Колян дернулся, но петля уже обвивалась вокруг его горла. Тот, кто с ними занимался, явно игнорировал возможность того, что бору тоже бывает разного цвета. Так что парень не успел даже осознать, что с ним происходит, как умер. Тяжело жить, когда в голове вместо мозга жижа коричневая, тут даже псиону нелегко приходится.

— Выезжаем, — заорала Альбина, створки как раз раскрылись, и скорая с мигалками выскочила на дорогу. Стрелять по ней никто не стал, все-таки она ехала в сторону собровцев, мало ли кто за рулем, может заложники смогли сбежать.

Не доезжая тридцати метров до засады, девушка выскочила из машины и вдарила очередью из огненных шаров по бойцам СОБРа. Не сама, я помог, но нервы у полицейских, заранее предупрежденных о скорой, не выдержали, а защита Альбины не выдержала нескольких очередей из автомата. И способностей к лечению, даже тех, которые были, их не хватило, собровцам я немного помог.

Где подвал, я не знал, поэтому телепортироваться не решился, хоть в стене и не застрянешь, приятного все равно мало. Пока шел через здание, там велась зачистка. Оставшиеся одаренные сдавались в плен, при мне парень поднял руки. Но Женя всадила ему плазменный шар в грудь.

— Снегов сказал, пленных не брать, — напомнила она своим.

Майор, держащийся вместе с двумя бойцами рядом с ребятами, утверждающе кивнул. И выстрелил несколько раз в труп. Поучаствовал.

Дверь в подвал преграждала толстая сейфовая дверь — похоже, тут не просто помещение было для хранения всякой фигни, а настоящее бомбоубежище. Открыть эту дверь можно было как снаружи — и этот механизм был варварски разломан, или, наверное, изнутри. Я-то и так, и так смогу, но еще и детишек нужно не напугать, там внутри двое не самых лучших представителей человеческого племени.

Команда капитана Жени двинулась в сторону столовой, взрослых освобождать, надеюсь, обойдется без жертв. А если будут, не детский сад тут, этих вон ребят майора, наверное, не один год натаскивали, знают, что делают и на что идут. К тому же два террориста, да еще уверенные в том, что на крыше до сих пор их тяжелая артиллерия в наличии, наверняка расслабились.

Я встал перед дверью, вздохнул. Внутри словно Новый год наступил, все светилось от ярких искорок. Вот, значит, что за интернат такой, для непростых детишек. В их возрасте главное — нужный пример, пусть, когда вырастут, станут хорошими людьми, а значит, добро должно победить зло.

Глава 22

— Мотя, оставь ее, — один из террористов-колдунов жевал сникерс.

Второй, как две капли воды похожий на него, пытался задрать девочке лет тринадцати платье. Та отбивалась, молча, Мотя лениво лапал подростка за ляжки, наслаждаясь самим процессом.

— Дикая какая. Эй, зачем бьешь меня, лучше поцелуй.

— Козя сказал не трогать никого, — первый подошел, вырвал девочку, толкнул к сидящим детям. — Где он там, по рации отвечает?

— Какая рация, Фима. Еще сорок минут.

— Хоть что-то ты делаешь правильно, — Фима уселся обратно, достал еще один батончик. Но сьесть не успел.

Детей выводили под аплодисменты зрителей, трое из интернатовских были легко ранены, так, царапины и ожоги, вовремя появившийся полпред в сопровождении людей в строгих костюмах, среди которых я увидел Уфимцева-младшего, обнял выборочно несколько детишек, пообещал, что с терроризмом в стране будет покончено, а тем временем одаренные лечили под прицелами камер, дети счастливо улыбались, непонятно было, пугались ли они вообще.

Та девочка, которую Мотя домогался, тоже улыбалась. Только в мою сторону старалась не смотреть, как и другие дети, наверное, когда неудавшийся насильник вдруг хватается за горло, синеет и падает, не лучшее зрелище для детской психики. Ну а что делать, пришлось действовать быстро, задушил обоих, даже дернуться не успели.

Ко мне только Вика подошла, с толстым черным котом на руках. Кот появился, когда уже все закончилось, и очень вовремя — внимание детей тут же переключилось на него, да и эр-асу было в кайф, когда столько искрящихся ручек потянулись его погладить.

— Спасибо, дядя Марк, — тихо сказала она. — Мне было очень страшно. Но я знала, что ты меня спасешь.

— Домой поедем?

— Нет, я с девочками. Они напуганы, надо их успокоить. Котика можно с собой взять?

— Вика, этот кот сам решает, можно или нет.

Девочка серьезно кивнула, поставила кота на землю.

— Котик, можно я возьму тебя с собой, а то дети боятся, а ты их успокаиваешь?

И кот кивнул. Вот паразит, палится вовсю. Хотя я тоже хорош, «котик решает». Вот побыл среди военнослужащих людей, только одна извилина, похоже, и осталась.

Пока детей осматривали врачи, потом рассаживали их по автобусам, а ответственные лица давали прощальные интервью, подполковник не торопясь подошел ко мне.

— Марк Львович, спасибо.

Я кивнул.

— Вас подвезти до вертолета?

— Это лишнее, — решил я. — Знаете, что, Снегов, довезите-ка вы меня до дома. Вам ведь все равно по пути.

Не знаю, так или нет, но подполковник кивнул.

За руль он сел лично, Женя со своей пятеркой разместилась в салоне, а я скромно уселся рядом с водителем. Повесил полог, нечего этим начинающим колдунам подслушивать.

— По душам хотите поговорить? — понимающе улыбнулся подполковник, выруливая на трассу. — Может, спросить что хотите?

— Да, — кивнул я. — Вы, подполковник Снегов, мне не нравитесь.

— Отчего же? — Снегов вел машину уверенно. Вот прям как одна моя новая родственница. — Смотрите, Марк Львович, все прошло отлично. Террористов убили. Убили ведь? Судя по тому, что Альбина мертва, значит, и Вешенский — тоже, он бы без нее не убежал, там такая любовь-морковь была, закачаешься. Детей освободили. Сделали это одаренные, завтра по всем телеканалам покажут, как мои ребята заложников освобождали, бойцов лечили, и люди поймут, что такие как мы не только магазины громить умеем, или людей прикосновением убивать, вот как после Нового года в центре Москвы, но и спасать, и лечить. Простых детишек, сирот. Заявим о себе на всю страну. Это ведь и в ваших интересах.

— А вы, значит, одаренный?

Вместо ответа подполковник зажег светлячка над ладонью. Крохотного. Ну да, если он одаренный, то вот те сзади — повелители сидят. Не позорился бы.

Но, похоже, для подполковника это был знак принадлежности к новому человеческому виду.

— А бойцы поддержки?

— Нет, но они на нашей стороне. У кого мать с отцом, у кого дети — на ноги их подняли, за нас на куски порвут, — спокойно

ответил Снегов. — Интернат теперь под моим кураторством будет, и дети сами по себе не останутся, ребята с ними займутся, и вообще — когда каждая служба на себя тянет одеяло, страдают-то подчиненные. Так что, надеюсь, нас в отдельное ведомство выделят, уже и Уфимцев согласен.

— Только Серов был против?

— Владлен Павлович — герой, и это не обсуждается. Если бы террористы его не убили, помогал как мог.

— Серова убили с телевизионной вышки, — усмехнулся я. — Пятнадцать километров по прямой.

— Вы ошибаетесь, Марк Львович, ни одна снайперская винтовка с такого расстояния не попадет, да что там, пуля просто столько не пролетит. Мировой рекорд — пять тысяч метров.

Я покачал, чуть сдвинулся влево, загораживая подполковника от его же людей и вообще любопытных. Достал телефон.

— Белова, ты уже закончила?

— О чем вы, Марк Львович?

— Мы с товарищем подполковником о тебе беседуем. Выясняем, жить ему или как Серов — смертью героя погибнуть.

Слышно было, как Ира ойкнула. А вот товарищ подполковник вздрогнул.

— Вашей невестке ничего не угрожало, — твердо сказал Снегов, уверенно ведя машину. — То, что вы сделали, впечатляет, но все же — не боитесь, Марк?

— Чего?

— Нас здесь шестеро. И в остальных машинах люди, думаете, справитесь со всеми?

— Справлюсь, — честно сказал я. — Артур их хорошо тренировал, но для того, чтобы знания усвоились, нужны не месяцы, а годы. За то время, пока ваши будут пытаться заклинание вызвать, они уже все будут мертвы. Вместе со спецназовцами.

Подполковник уважительно посмотрел на меня. Потом решился.

— Очень не хочется жить жизнью подопытной крысы на побегушках, вон, к примеру, девочкам — престарелых олигархов ублажать, или жен их морщинистых разглаживать. С ними ведь особо не церемонятся, хоть мы и на государевой службе. Приходится самим о себе заботиться, раз уж Артур их бросил.

— И вы решили начать с убийства?

— Владлен Павлович уж очень в этой жизни нагрешил, — усмехнулся Снегов. — Жил не очень, зато погиб, как настоящий патриот. И у него в этом деле свои резоны были, там не только

деньги, очень ему поперек горла одаренные встали. Он и вас вызвал специально, думал, Вешенский с вами справится, если что. А если нет, то все равно, это же на всю страну — колдуны захватывают детей, убивают полицейских. СОБР первым должен был под удар попасть. Кстати, нужно Серову должное отдать, детей бы в любом случае не тронули. По крайней мере он так распорядился, запись разговора у нас есть.

Я только головой покачал. Человек ищет оправдание убийствам только поначалу, а потом уже это происходит легко и непринужденно, по себе знаю.

— И вы бы Вику оставили в интернате, — подполковник, думая, что меня убедил, — Артур Громов говорил, что у нее большие способности. Что головой качаете? Не верите?

— Отчего же, верю, — ответил я. — Только Вику вам пока не дам.

— Почему?

— Потому что, товарищ подполковник, идеи у вас хорошие, вот только методы хреновые.

Снегов пожал плечами, ничего на это не ответил. Потом сказал:

— С Беловой мы уладили?

— Ира — женщина замужняя и самостоятельная. То, что стреляет хорошо, это ей в плюс, а то, что непосредственного начальника ослушалась, минус. Поэтому, Геннадий Петрович, с завтрашнего дня она возвращается на службу. Но я, если что, забочусь о них с Сергеем.

— По имени-отчеству назвали, Марк, значит, знаете меня? Может, даже помните?

Я улыбнулся.

— Помню, правда, давно это было, лет двадцать пять назад. При случае привет от вас дяде Толе передам.

Снегов вздрогнул, поглядел на меня, понял, что не шучу. И тоже улыбнулся.

Мерседес уже ждал меня на перекрестке, куда мы со Снеговым подъехали. Черная колонна умчалась в сторону Москвы, а пересел в привычную машину, на привычное заднее сидение. До дачи ехать было километров тридцать,

Ира вела мерс молча, поглядывая на меня в зеркало заднего вида. Наконец решилась.

— А где вы котика оставили, Марк Львович?

— Марк, и на «ты», — усмехнулся я. — Кот с Викой, охраняет на всякий случай.

— Значит, Марк, я у тебя больше не служу?

— Нет.

— И не жалко?

— С завтрашнего для меня возит Кирилл.

— Я не могла отказать, — сказала Ира решительно, — Геннадий Петрович — друг моего отца, покойного, его убили, когда мне было три, а мама умерла, когда я родилась. Они тоже были сиротами, так что никого и не осталось. Ни бабушек, ни дедушек. Только дядя Гена с товарищами навещали в интернате, а когда мне шестнадцать исполнилось, устроили сначала в юридический колледж, а потом вот в Академию.

— А вот такой товарищ с ним приходил? — и рядом с Ириной на переднем сидении возник образ мужчины в военной форме.

— Да, вроде, — неуверенно сказала она, приглядываясь, — пару раз.

— Поздравляю тебя, Белова, это Анатолий Громов, — я рассмеялся, а Ира чуть нас в кювет не увела. — Надо же, как мир тесен.

Гостям не надо было ничего объяснять, подумаешь, уехал один, приехал с Ириной, ей по работе положено меня возить, а в молодой семье любые деньги не лишние. Сергей, тот было полез с претензиями, но быстро устал. И мать неодобрительно на меня посмотрела, губы поджала. Только отец прямо спросил, было ли между нами чего-нибудь, я ему честно ответил, что — нет, и он поверил.

Лиза — так ей вообще было наплевать, один я приехал, или нет. Она наблюдала за своим Максимом из френдзоны, который от Насти не отходил.

— Что, сеструха, ревнуешь? — решил я братское участие проявить. После вопроса добавить, мол, ты же лучше, и вообще там не к кому.

— Пошел ты, — коротко ответила сестра, и ушла к себе. А точнее, к Вике в комнату. Вот и поговорили.

Только Ашши меня понимала, впрочем, как и всех остальных. Подошла, села рядом, похлопала по руке.

— Ты слишком чувствителен, дорогуша. Когда-нибудь ты привыкнешь к тому, что у тебя не одна семья, и что родные люди вполне способны сами о себе заботиться. С Ирой я больше не занимаюсь?

— Почему? — удивился я. — То, что она у меня не работает, не значит, что ее жизнь в сказку должна превратиться.

— Ты просто чудо, милый, когда вот так рассуждаешь. Как настоящий ас-ариду.

— Ашши, интересно, у тебя самой дети есть?

— Хочешь поговорить по душам? — ани улыбнулась. — Когда ты доберешься до нашего мира, сам можешь все узнать, секрета в этом нет. Двое.

— Всего?

— Погоди, зу Уриш, ты что, не знаешь, почему у женщин-псионов обычно двое, максимум трое детей?

— Да как-то мимо меня это прошло, — я развел руками.

— Ну да, это объясняют в семьях, посторонним знать не за чем, уж извини. Мужчина-псион, настоящий, истинный, может иметь сколько угодно детей, но истинный дар передается от обоих родителей. Я не говорю о слабеньких чувствующих, тут боги сами что-то делают.

— И?

— Не тупи, Марк, у истинной одаренной может родиться только два, максимум три таких же одаренных ребенка, обычно — первые. А потом что ни делай, с кем ни спи, ничего путного не получится. Приходится выбирать. И в первый, и во второй раз выбирала я сама, так что у меня, дорогуша, все в порядке.

Я прикинул и так, и эдак. Поглядел на совсем еще молодую женщину. Максимум двадцать пять.

— То есть, регал-командор Маас-Арди…

— Ну вот видишь, милый, ты не совсем безнадежен, и правильно, молодец, за обществом надо следить. Нас с его отцом, тогда — нер-командором, тянуло друг к другу безумно, это был как огонь, дорогуша. Поэтому Ферри получился таким хорошим мальчиком, хоть и ждал почти четыре года, пока родился.

— Четыре?

— Такое неприлично обсуждать, зу Уриш, особенно с женщиной, — Ашши игриво хлопнула меня по руке. — Но, на мой взгляд, совершенно нормальный срок, не будем же мы, ас-ариду, как обычные женщины, выталкивать из себя плод ровно через девять месяцев. Ко всему его отец был далеко, на службе, а я хотела, чтобы он был рядом, пришлось подождать. Так что у тебя тоже есть шанс кого-то встретить, не раскисай. Когда порталы наладятся, и мы вернемся обратно, то после того как ты расплатишься со мной, я тебе обязательно кого-нибудь подыщу.

И эта туда же.

Лиза сидела в своей бывшей комнате и мрачно пялилась в экран, на меня даже не взглянула, но отреагировала.

— Чего приперся? — со свойственной ей прямотой спросила она.

Я уселся рядом с ней на пол.

— Лиз, я твой день рождения пропустил.

— И что, в первый раз, что ли?

— Но подарок за мной.

— Заметано, — ответила сестра, продолжая убивать монстров. Вот таких заклинаний, как в игре, даже я не знал, хотя при желании мог бы.

— Квартира, которую ты снимаешь…

— Да, хозяева меня предупредили, что продали ее. Надо новую искать. Спасибо, что помогал с оплатой.

— В общем, это я ее купил. Для тебя.

Лиза оторвалась от игры, только вот довольной не выглядела.

— Опять твои делишки, Марк? Что потом, за эту квартиру меня в рабство продадут?

— С чего ты взяла?

— Слушай, ты думаешь, я тупая? Я не знала, чем вы с дядей Толей занимались? Его кокнули, а теперь вон ты весь в белом и на белом мерседесе. Кстати, надо бы поменять это старье. Наследство получил?

— Будешь продолжать в том же духе, уйду, — предупредил я.

— Ладно, прости, — Лиза обняла меня за руку, прижалась щекой к плечу, — навалилось все. Этот Максим, хрен с ним, на самом деле, но обидно, ты пропал куда-то, тетя Света исчезла, наверное, умерла. Плохой год был. За подарок спасибо.

Тут она подозрительно на меня посмотрела.

— Погоди, Марк. Ты подарки просто так никогда не делаешь. Что тебе от меня нужно?

— Просто подарок, — невозмутимо ответил я.

— Ага, от тебя, щас. Как третью плойку, да? Тоже на день рождения?

— С приставкой-то что не так было?

— Телефон училки по инглишу, который я тебе добыла, и потом тебя расписывала всеми красками, кроме коричневой. Хотя вот ей-то и надо было.

— Двенадцать лет прошло, — осторожно напомнил я.

— Другие случаи напомнить?

— Не надо. Хорошо. Квартира — это подарок, на день рождения, договорились, в любом случае она твоя, тем более сейчас для меня это не такие большие деньги.

— Спасибо, что сказал, а то я уж подумала, что последнюю рубашку снял, — саркастически усмехнулась Лиза. — Ладно, выкладывай, братик, чего тебе нужно. У нас на кафедре такая ординаторша есть, закачаешься. Грудь твердая тройка, задница хоть гвозди заколачивай, фитнес-няша. Показать?

— Нет.

— И правильно, вон у тебя подруга какая, мужики слюни

льют, Макс, козлина такой, одним глазом на этот жутко способный синий чулок пялится, а другим — на нее. И приятели твои, как приехали, жен бросили, я думала, они ее изнасилуют прямо на лужайке. Но ты ведь не любишь то, что у тебя в руках, тебе журавлей подавай, да?

— Речь не об этом.

— А о чем? О чем ты еще думать можешь?

— Елизавета Львовна!

— О как! Ладно, давай, выкладывай, конспиратор.

— В общем, такое дело, я скоро опять могу уйти. Может быть, ненадолго, но неизвестно, как сложится.

Лиза тут же стала серьезной и собранной.

— Я поняла. Что от меня нужно?

— То, что у тебя скоро сестренка появится, ты в курсе?

— Ты с будущим врачом разговариваешь, между прочим. Погоди, сам-то как узнал? Мать тебе точно не говорила. И почему сестра? Может, еще один такой же засранец, как ты? Так, поняла, молчу и слушаю.

— Когда меня не будет, о семье будешь заботиться ты.

— Это и есть твоя страшная тайна? Марк, а кто, кроме меня? Серега, который весь правильный такой ФСБшник, а сам уже под каблуком у этой стервы белобрысой? Или она, бля, я как ее взгляд увидела, такая убьет и не поморщится. Ты с ней тоже спал?

— Ли-за!

Сестра показала, что застегивает себе рот на молнию, а ключ прячет.

— Смотри, — и я показал ей светящийся шарик.

Сеструха минут пять в себя приходила. И пальцем тыкала, и требовала, чтобы он исчез и появился, дверь причем сразу заперла на задвижку, хотя это лишним было, я уже позаботился о приватности.

— Значит, ты из этих, — она пальцами поводила в воздухе, — о которых отец Макса рассказывал. Я думала, просто как всегда к рукам что плохо лежит прибрал, а для понтов изображаешь, что тоже можешь такое делать. Они с тобой уйдут?

— Нет, они останутся, и другие тоже, в этом как раз и проблема.

— Поясни.

— Пока я здесь, вы под защитой. Какой-никакой, но никто не тронет, поостерегутся. А вот когда я отсюда уйду, нет, специально лезть не будут, но вот такие как я — могут обидеть, не конкретно вас, в вообще.

— Потому что способности появились, а ума и совести не прибавилось? — Лиза всегда умела самое главное вычленять.

Поэтому с ней легко было разговаривать.

— Да.

— Так что сделать надо? Кун-фу выучить, или за границу всех вывезти? Хотя раз ты хату купил, не вариант. В общем, что скажешь, то и сделаю.

— Без вопросов?

— Марк, ты единственный в мире человек, которому я доверяю. Не знаю, почему, но это так. Только, пожалуйста, объясни, что и для чего.

— Хорошо, — я выудил прямо из воздуха золотую пластину. — Ты молодец, вслепую никогда нельзя, хотя если припрет, то можно. Это са-гир. На наш язык точного перевода нет, вроде как основа. Видишь на ней текст?

— Закорючки какие-то.

— Да, этот язык называется эме-галь.

— Древний?

— Не то слово. — Я положил пластину на пол. — Смотри, в центр я помещаю камушек. А по углам кладу монеты.

— Красивые, — Лиза потянула руку к золотым кружочкам с дыркой посередке, но я ее остановил. — Дорогие?

— Каждая — на наши деньги около двухсот-трехсот миллионов евро. Минимум — сотня.

— Врешь, — скептически усмехнулась сестра, поглядела на меня. — Нет, не врешь. Откуда у тебя такие деньжищи, Марк? Кого ты убил? Нет, точнее — сколько?

— Ну вот, — я прикинул, что должно получиться, на скользкий вопрос отвечать не стал, — теперь последний штрих. Нет, два.

Когда перед телевизором появился кот, Лиза сначала закашлялась, а потом треснула меня кулаком по плечу. И выдала длинную фразу. Я всегда знал, что у врачей есть специальный факультет, где учат ругаться матом, у Пашки даже спрашивал, но тот все отрицал. Отрицать можно сколько угодно, но против фактов не попрешь, сеструха явно там отличницей была.

— Идиот, я так могла инфаркт заработать. — Лиза перешла на нормальный язык. — Это тот, который по улице бегает?

— Бегал.

Кот иронично поглядел на нас, а потом уселся и начал ногу вылизывать.

— Смотри, если получится, то у нас появится камушек. Я такой же почти нашел полтора года назад, и с того момента все завертелось. Погоди, обещала же не перебивать. Этот кристалл, который лежит в центре, испорченный, и такого, какой был у меня, не получится. Но будет кое-что другое.

Самое время было помолиться. Только не знаю кому, Эрешкигаль, с которой все и началось, Аррашу, который показал мне, как работать с са-гиром, или Ас-эрхану Уришу, который тоже кое-что раскопал и записал на кристалл, который в модуле хранился. И символы на пластине уже начал чертить, только вот неправильные, потому что изначальный язык старикан не знал от слова совсем. Так что ее я брать не стал, взял ту, что в изначальном мире нашел.

— Если что, ты меня останови, — попросил я кота.

Тот оторвался от собственного хвоста, кивнул. И с интересом уставился на пластину.

Глава 23

— О великий эр-асу, — сказал я на эме-гир коту, — мне нужна твоя помощь. Подними, пожалуйста, свою пушистую задницу и подойди сюда.

А потом повторил то же самое на эме-саль в слегка измененном варианте, потому что первый — не вдохновил эр-асу от слова совсем. Мимо своих мохнатых ушей пропустил демонстративно. Но жреческое наречие кое-как ситуацию исправило. А может, просящие нотки. Или длинная фраза с восхвалением его заслуг и принижением моих.

Кот снисходительно зевнул, не знаю, как он смог так передать эмоции, но — вот прямо фейспалм обеими лапами, подошел к золотой пластине, смахнул монетки в свою сторону, не иначе как намекнул, что их можно с большей пользой употребить. Кристалл сдвинул с центра к краю, и уставился на меня. Вроде как — давай, друг, я все что мог, сделал. И тут же когтем пододвинул себе две монеты, сделал из них на паркете две дорожки и словно снежок снюхал — в прямом смысле слова, носом. Насмотрелся американских сериалов.

Вариант, предложенный котом, был похуже моего в смысле функциональности — все-таки ману многое давали в процессе, но с другой стороны, результат получался моментально, не надо было ждать две-три недели. Век, точнее — пять-шесть, живи, и столько же учись.

Основной текст дался мне легко, первый и последний знаки сами легли на пластину, стоило мне представить, что я хочу получить. Са-гир вспыхнул до рези в глазах, снова послышался врачебный мат, когда Лиза проморгалась, я протягивал ей ярко-желтую таблетку. Круглую, разделенную полоской на две половинки. Только надписи на ней не хватало — «Съешь меня».

— Запивать надо? — деловито спросила она, и, не дождавшись ответа, проглотила. — Сладкая. Что теперь?

— Не знаю, Лиза. Надо подождать какое-то время.

— Братишка, если бы не кот, подумала, ты надо мной издеваешься. Я охренела от того, что он сделал, если бы не видела, такое и не представишь. Куклачёв отдыхает. И вообще, кот у тебя, или ты у кота?

— Хороший вопрос, — вздохнул я, а эр-асу прокосолапил к Лизе, подставил голову, та машинально погладила.

Есть! Из-под пальца выскочила хоть крохотная, но все же искорка. Оранжевая. Пока только одна. Не думал, что так быстро подействует, хотя это же не настоящий дар, чего тянуть-то.

— Марк, — тихо сказала сестра, замерев, — похоже, у меня крыша поехала. Какие-то закорючки в голове, и я их понимаю. Предлагает мне какой-то план.

И по-дурацки хихикнула. Ну да, у меня тоже примерно такие же ощущения были, только вместо заботливого брата непонятные личности.

— Расскажи, — продолжая хихикать, попросила она, — какими колесами ты барыжишь. И почем. Где товар делают?

— Ладно, — вздохнул я. Самому бы сформулировать правильно, чтобы лишнего не сказать. — В общем, золотая пластина — это как сундучок желаний, кладешь туда предмет, получаешь то, чего хочешь. Или не получаешь. То, что ты проглотила, это портальный модуль, только дефектный. Перемещаться ты не сможешь, но другие бонусы, которые паровозом идут, у тебя будут. И наведенный дар, с виртуальным ядром, и листинг схем, и даже инструкции, как их применять.

— Нихрена не поняла, но чувствую, ты на новый уровень вышел, братуха. Матереешь не по дням, а по часам. Раньше чужими деньгами заправлял, хотя что там говорить, чуть ли не на побегушках, а теперь судьбами ворочаешь, — точно определила Лиза. — На поток поставишь?

— Нет, только раз мог это сделать, и похоже, больше не получится никогда, — честно ответил я. Лиза не поверила, а зря.

Модуль не соврет. Надеюсь. Хотя в этом случае лучше бы соврал.

«Использована премиальная опция. Сопряжение модулей произведено. Подчиненный модуль активирован, тестовая привязка построена. Следующее использование опции возможно на уровне 7. Осторожно! Вероятность утери привязки подчиненного модуля при переходе в блок переноса — семьдесят процентов. Для полной привязки обратитесь к системе. Связь с системой отсутствует. Осторожно! Не пытайтесь войти в систему без предварительного оповещения». Вот как такой ситуации посетить еще пятьдесят реальностей, чтобы получить этот седьмой уровень? И с этой канцелярщиной что-то делать надо, наверняка в интерфейсах есть что-то более приятное и не так режущее глаз. Не хватает только значка «андер констракшн».

Только вот подумал, и модуль отреагировал, значок появился. Лопата, воткнутая в кучу чего-то коричневого, похожего на мою жизнь.

— И что теперь? — Лиза кое-как, с десятого раза, но самостоятельно создала крохотного светляка и пробовала его погасить. Сделал это за нее, пока она гормональный взрыв переживала. — Ой, как классно! Так, я спокойна. Спокойна. Все

хорошо. Блин, как хорошо! Марк, не смотри, отвернись. Как неудобно-то. Блин! Ой! Ой-ой-ой! Сказала же, не смотри.

Я демонстративно отвернулся, подождал. Молодец, отдышалась, успокоилась.

— Марк, я теперь крутая колдунья?

— Не знаю, мне, чтобы получить способности, пришлось в другой мир перейти, а потом еще неделю ждать. Что с тобой будет, не представляю, вообще то, что получилось — чудо даже для меня. Сколько у тебя схем в листинге?

Лиза закрыла глаза, не привыкла еще.

— Всего десять. Ого, тут на разделы они разбиты, и есть еще серые, неактивные. Марк! Я могу лечить! Ты представляешь!

Она вскочила, запрыгала по комнате.

— Я! Могу! Лечить! Людей! Что теперь, будем тренироваться?

— Лиза…

— Молчу и внимаю тебе, великий и ужасный волшебник.

— Великий и ужасный — это он, — я кивнул на кота, который тут же был схвачен и затискан. — И тренироваться мы пока не будем, точнее говоря, программа уже есть у тебя в голове, и она сама тебе будет подсказывать, что делать, мое вмешательство в основном не нужно. А теперь, Лиза, послушай, твоя самая важная задача — сохранить все это в тайне. Все, что тебе предложит твой внутренний голос, делать только в одиночестве, по крайней мере, пока большую часть не освоишь. Там нападающих схем должно быть одна-две, их — только в бетонированном помещении и только после освоения защитных. И никому ни слова, ты поняла? Матери, Максиму, лучшей подруге, Сереге, любому, кто спросит или не спросит.

Вот насчет кого я был спокоен более-менее, так это насчет Лизы, ей надо было идти в разведку работать, менее болтливого человека я, наверное, в своей жизни не встречал. Ну если только среди немых. Сестра хранила секреты так, что хоть пытай.

— А подружке твоей молоденькой, которая мужиков с ума сводит и на тебя глаз положила? Тоже не говорить?

— Ей, Лиза, в первую очередь.

— Хорошо, я поняла. Но у тебя-то спрашивать можно? Если что-то не пойму, или сделаю не так.

— Да, — сказал я ей мысленно. И она услышала. Рот раскрыла, потом глупо заулыбалась.

— Надо просто представить, что отвечаю?

Я кивнул.

— Так, Марк, иди, расскажи, что ты меня утешил, а я должна остаться одна. Пророраться, рассказать самой себе этот секрет, еще раз что-то попробовать и вообще в голове уложить. Ладно? А вот

так мысленно мы далеко можем общаться?

— В пределах планеты — запросто, — улыбнулся я. — И поаккуратнее, дом нам не разнеси, колдунья недоделанная. У меня еще один есть, но там сейчас ремонт идет. Капитальный.

Мое участие в операции прошло незамеченным, так, в кадр пару раз попал, и то затылком, основной удар славой приняли на себя Снегов с подопечными, ну и Серов, посмертно. Вот такая несправедливая штука жизнь, стараешься, рискуешь, а плюшки другие получают. А ведь появись я перед дядей Толей со звездой Героя, он бы от зависти волос лишился. Хотя, с другой стороны, отрастил бы себе потом другие, да и вероятность того, что встретимся, сейчас была скорее призрачной. Система переноса все так же находилась в перманентном состоянии ремонта, а что это такое, я прекрасно знал, покупал как-то квартиру с черновой отделкой. Строители божились, что сделают все за месяц, в итоге через год только кое-как закончили, и потом еще столько же приезжали, переделывали.

Ну а раз все миры создаются по образу и подобию, надежд на конкретные сроки мало. Год — это я еще поскромничал, нанимая Ашши, все могло стабилизироваться завтра, или через десять лет. Или через сто. Где шлялся кот, по каким реальностям, я не знал, а он рассказывать не собирался, но сам факт того, что они существуют, уже внушал оптимизм. Осторожный.

Коттеджный поселок к понедельнику был полностью отремонтирован, я даже коту намекнул, чтобы он намекнул кому надо, как надо оперативно устранять повреждения. На КПП нашу компанию встретили тепло, как-никак, единственный обитаемый дом в некогда процветающем островке богатой жизни. Хотя нет, возле одного из коттеджей стоял грузовик, а рядом с ним какие-то коробки. Как и обещал Уфимцев, первое поселение колдунов потихоньку обустраивалось.

В больницу к Кате я поехал один — Белова вместе со своими бойцами сразу после свадебных посиделок упорхнула, и все, ни водителя, ни телохранителей не осталось — их, правда, самому пришлось гнать, без командирши они мне не сдались. Хорошо хоть Милославский чем-то таким, связанным с авто, занимался, и подогнал мне подержанный семиместный Спринтер.

Ани Ашши к моим транспортным средствам вообще скептически относилась, все, что двигалось, касаясь земли, вызывало у нее только презрение.

— Дорогуша, ты бы хоть что-то приличное прикупил, —

недовольно сказала она. — На маршрутку похоже. Придется тебе за проезд каждый раз тридцать рублей платить. А у меня лишних денег нет.

— Где ты такого набралась? — удивился я.

— От учеников. Они, в отличие от тебя, в машинах разбираются.

Ну, строго говоря, разбирался только Кирилл. И ему Спринтер понравился, особенно когда на водительское место сел и покатался.

— А ничего, что мне шестнадцать только, Марк Львович? — спросил он. — У меня и прав-то нет.

— С чего ты взял, что нет?

— Так уми говорит, что у нас одни обязанности, — подключилась его сестра.

— Даша, перестань, — Кирилл попытался, но не смог. Девушку уже было не унять. Она выговорилась за все те месяцы, что здесь провела. И даже по мне прошлась, правда, назвала самым любимым, но безжалостным уми, и по Ашше — жестокой уми, и по Беловой, которая только строит из себя принцессу, а на самом деле всех ненавидит, и вообще мир плохой и люди — говно. Ну и разрыдалась под конец. Кирилл виновато на меня смотрел, пытался что-то сказать, но я знак ему сделал, мол, не надо. Иногда надо выговориться, все забываю, что четверым из них только шестнадцать.

Когда рыдания перешли в всхлипывания, а к этому времени вся пятерка собралась посмотреть, что же творится, я достал из воздуха платок, ну чем не фокусник, протянул девочке.

— Нужно?

Даша всхлипнула жалобно, смахнула остатки слез рукой, ну хоть этому научились.

— Держите, — я достал из кармана пачку синих удостоверений. — Раз уж Белова нас покинула, да и оружие носить обычный человек права не имеет.

— А какое у нас будет оружие? — перебил меня Семен.

— Ты сам и есть оружие, не понял еще? — ответила за меня Настя.

— Точно, так и есть. Но если захотите с килограммом железа на поясе ходить, без проблем. Так что вы четверо — сержанты, ну и лейтенант Анастасия Полянская. Поздравляю. Всем, ну кроме Насти, два года в документах прибавили, так что вы, считай, совершеннолетние теперь. Паспорта тоже готовы, и обычные, и загранники на всякий случай. Так что, Даша, можешь хоть сейчас замуж выскочить за того американоса, который тебе глазки строил.

Даша пробормотала, что никуда не собирается, и все

мальчишки — дураки. И виновато на меня посмотрела, ей вообще было неудобно из-за истерики.

— Как скажешь. В общем, сегодня я еду один, а вы остаетесь с жестокой уми. Вон она идет, легка на помине, уже что-то приготовила, и теперь вы на очереди.

Ашши подошла, величественно кивнула в сторону подвала, и пятерку как ветром сдуло. Вот что значит военная дисциплина.

— Поедешь свою красотку будить, прекрасный принц? — томно проворковала она. Не будь у меня способностей к саморегуляции, гормоны уже из ушей бы лезли. — Может, меня с собой возьмешь? Или этих пятерых гномов поддержки?

— Нет, это лишнее.

— Как скажешь, милый. Иди, иди, смотрю, не терпится уже.

Я только усмехнулся, ничего не сказал.

А в больнице меня ждал неприятный сюрприз.

— Екатерина Юрьевна не одна, — предупредил меня Леня. — Доктор у нее.

— Какого хрена, я же сказал тебе никого не подпускать к ней?

Тот только руками развел.

В палате рядом с кроватью стоял Катин отец, а рядом мой старый знакомый — Иннокентий, из салона Катиной же мачехи.

Я кивнул полковнику, протянул Кеше руку.

— Привет, очкастый. Ты чего у меня клиентов отбиваешь?

Но Кешу смутить было нелегко. С медиками вообще проблема, с ростом личного кладбища эмоции атрофируются. Он крепко пожал мне руку, улыбнулся, подмигнул и продолжил дальше водить руками над девушкой. Прям маг-затейник.

— Юра, — тихо сказал я, — смотри, он же ее бесконтактно лапает. Вон, над грудью задержался. Ты, как отец, должен вмешаться.

— Все вы хороши, — не поддался на провокацию Уфимцев. Ну что за день-то такой.

Наконец Иннокентий Генрихович прекратил домогаться моей бывшей невесты, выпрямился, задумчиво снял очки, повертел их в руках.

— Юрий Григорьевич, она полностью здорова. Только вот руки мне не нравятся, словно что-то неправильное в них. Как будто разные.

Уфимцев повернулся ко мне, вопросительно посмотрел своим тяжелым чекистским взглядом.

— Ну да, — согласился я. — Одна левая, другая правая.

На самом деле одна рука восстановилась быстрее, и схема с нее слезла. А вот вторая, ей еще день-два, хотя, в принципе, тоже

неплохо — чуть сухожилия деформированы. Я откровенно полюбовался на результаты своего вмешательства. Похвалил себя за то, что не поддался соблазну, и не написал на заново слепленной руке «От Марка».

Собеседники юмор не оценили, да и на мой взгляд он был так себе.

— Я собирался позвонить, — спохватился полковник.

— Все нормально, — честно сказал я. — Тоже так бы поступил, будь это моя дочь. Доверяй, но проверяй. Будить будем?

Уфимцев кивнул, а вот Кеша покачал головой.

— Может, подождать пару дней? — предложил он, — пока левая рука не восстановится полностью. Похоже на тендинит, только в стадии ремиссии.

Я могу сразу определить, когда врач врет, даже без своих пси-улучшайзеров. Семья Громовых и их друзья в белых халатах научили. «Марк, эта таблетка совсем не горькая», «сейчас я дерну за руку, больно не будет», «там маленький прыщик, ты даже не почувствуешь». Хотя нет, последнее, это не Громовы, а Маринка, которая Валентиновна. Уфимцев тоже что-то заподозрил, с его работой такие нюансы на раз определяются. Посмотрел на меня.

— Пусть просыпается, — решил я. — Погода отличная, солнце, весна, природа цветет вовсю, ну и ей пора. А то лежит, бока вон какие отрастила.

Про бока я приврал, у Кати с фигурой всегда все было в порядке, корректировать — только портить, а пси-сон на жировые отложения влияния не оказывал. Наоборот, сохранял все в точно таком же виде, как было, даже вон волосы не отросли.

Полковник усмехнулся, а Кеша стал бочком пробираться к выходу.

— Стоять! — Уфимцев бдил.

Врач замер. Причем боялся он не Уфимцева, а меня. С чего бы это?

— Давай, Марк, — распорядился Юрий Григорьевич. — Что там надо делать?

— Сказки читали? Вот это. Ладно, Юра, шучу, сама проснется. Смотри, вон уже веки дрогнули, сейчас глаза откроет.

Катя чуть пошевелилась, облизнула губы, приоткрыла глаза. Левый отлично получился, прям как будто от рождения такой красивый.

— Папа, — прошептала девушка, протянула руку. Уфимцев ее тут же заграбастал.

— Кеша, — протянула Катя вторую руку, левую. Мою! — Любимый.

Иннокентий хоть и побледнел, но подскочил с другой стороны кровати, схватил Катину руку, поцеловал в ладонь.

— Дела, — вздохнул я. Надо, надо было надпись сделать.

И этим привлек внимание девушки. Она напряглась, улыбка сошла с ее губ, взгляд стал жестким.

— Марк, сволочь, что ты здесь делаешь? Кто его вообще сюда пустил?!

Глава 24

Говорят, бывает любовь с первого взгляда. Я в такие вещи не верю, все-таки кроме зрительного контакта, еще и тактильный не помешает. И просто поговорить тоже, внешность не главное в человеке, существенное, но не основное — если собираешься серьезные отношения развивать. Собственно, мне самому взгляда-то хватает, но я такими громкими словами, как любовь, не разбрасываюсь.

Кеша влюбился в Катю именно с первого взгляда, еще когда в салоне у Светки Милославской работал главным шарлатаном. Уфимцева иногда приезжала к мачехе, и одновременно — бывшей однокласснице, и улучшала производственный процесс, стоило ей появиться, как больные лечились быстрее и качественнее, Кеша становился любезнее с клиентами и своей куколкой-медсестрой, если врывался в кабинет Светы, то только по очень важным причинам, придававшим каждому посещению значимость. Еще какое-то время, и Милославская бы провела параллель между визитами падчерицы и ростом производительности труда, но все клиники позакрывали перед Новым годом, и Кеша мог только вздыхать и мечтать.

А потом парню повезло — предмет обожания оказался в больнице. Хоть и охрана стояла, и врачи рот на замке обещали держать, но в каком состоянии Катю привезли, особым секретом не было — такое просто не скрыть. Как и то, что она чудесным образом начала восстанавливаться, словно ящерица, у которой хвост отрубили. Только тут руку, глаз и ухо, прям адмирал Нельсон в юбке.

Иннокентия вновь возникшие физические недостатки любимой с пути к счастью не сбили, даже наоборот, он, как врач, очень этой темой заинтересовался. А поскольку с системой здравоохранения Кеша был знаком не понаслышке, то ему удалось в эту больницу устроиться на должность консультанта — там надавил, там подмазал, и вот уже и костюм медицинский есть, и тапочки. Тем более что как специалист он был неплохой, репутацию имел соответствующую, и подозрений поэтому не вызвал.

Мои рекомендации Кеша соблюдал строго, тут ему мозгов хватило, руками ничего не трогал, и другим не давал. Но невеликим своим даром почувствовал, что с Катей что-то не то. Выглядело это примерно, как если слепой будет чей-то рисунок ощупывать. У некоторых подушечки пальцев до того чувствительны, что ощущают след от карандаша, и Кеша смог —

не понять, что я такое наделал, а оценить.

И обнаружить, что в схеме есть небольшой изъян, все мы несовершенны, кроме кота и его настоящей хозяйки. Этот дефект — я просто не заморачивался, не до того было, позволял ему девушку иногда будить, схема давала импульс, чтобы тело не залеживалась, активность мозга возрастала, и в принципе делать ему ничего не пришлось, только чуть силу приложить. Катя лежала с открытыми глазами, слушала — говорить-то все равно не могла, а этот поц дул ей в уши. Мою роль он старательно обходил, потому что не знал, что в действительности произошло, про себя честно все рассказывал, но бедной девушке деваться-то было некуда, ни убежать, ни охрану позвать, так и слушала. А потом вон как, втянулась. Стокгольмский синдром.

— Выходит, ты меня спас? — Уфимцев Кате все вкратце объяснил, и вытащил Кешу за собой. А меня оставил с ней наедине.

— Ага.

— И я должна тебе спасибо сказать, — Катя поджала губы, — я так свыклась с мыслью, что это сделал ты, ненавидела тебя до дрожи. Думала, вот очнусь, убью, не знала, как, но нашла бы способ. Представляешь, сейчас гляжу на тебя, а внутри все кипит.

— Могу исправить, — я пожал плечами, — хочешь, сделаю так, что без ума в меня влюбишься?

— А ты можешь, — не спросила, а утвердительно сказала Катя. — Спасибо, что не сделал этого. Нет, Марк, не хочу. Я попробовала, и поняла, что ты уже тогда был прав, когда меня бросил, мы друг другу не подходим. Как там ее звали? Прости, не важно.

— Ага.

— Что ты заладил, ага да ага! Раньше разговорчивее был. В общем, ты понял? Мы теперь с Кешей.

— Совет вам да любовь, — искренне сказал я. — Отличный выбор. Если твой папаня его там сейчас не прикончит, собственноручно, или скорее Лене прикажет, будете жить долго и счастливо. Да не дергайся ты, живой пока твой милый друг, волнуется, Уфимцев на него орет, но парень держится.

— Ты через стенку видишь?

— Ага.

— Невозможно с тобой разговаривать!

— Знаешь, — я похлопал ее по руке, — и не надо. Ты отдохнула, выздоровела, выглядишь отлично, надеюсь, мозгов прибавилось, и вести себя будешь поосторожнее. Плюсом вон личного медика получила. А я поеду утолять грусть-печаль в Бразилию, развеюсь немного, а то тут обстановка нервная какая-

то, люди совсем дерганные стали. Кстати, тебе от сеньоры Гомеш привет, помнишь, в Португалии у них гостили? Позвони ей как-нибудь, старушка будет рада.

— Хорошо, — пробормотала Катя, засыпая. — Конечно, помню. Как у нее дела?

— Она теперь богатая вдова. Тоже захомутала врача, — сказал я уснувшей девушке. Все-таки она классная, не отдал бы никакому Кеше, не будь у меня… А ведь нет у меня никого, аж грустно стало.

Катя заявилась сама через два дня — я как раз выбил для ребят отдельный дом рядом со своим, нечего им по чужим спальням шляться, трехэтажный особняк в качестве временной резиденции для пятерки подходил, а потом и постоянное что-нибудь пусть им Уфимцевы оформят. Не все же мне на свои кровные содержать — хотя что греха таить, большую часть того, что нужно, я получал бесплатно. В качестве довольствия.

Девушка приехала почти одна — с Леней, куда ж без него. Но без новой большой и светлой любви. Я даже испугался чуток, вдруг передумала, но вела она себя прилично, на шею не бросалась и объятьями не душила.

— Вот, — выложила Катя на стол длинный узкий пенал. — Это Артур мне подарил, вроде как предложение сделал. А потом свалил, все вы одинаковые.

— Кроме Кеши, — напомнил я.

— Да, кроме него, — с вызовом ответила девушка. — В общем, если вдруг увидитесь, отдай ему это. Нет, не так сказала. Когда увидитесь. Ладно? И еще раз, Марк, спасибо тебе. Я долго думала, вот про то, как мы были вместе, и вообще, про тебя, про себя. В том, что мы не… Короче, я целиком виновата.

— Но это ведь к лучшему, — приободрил я девушку. И тут же поправился, — для тебя.

— Да ладно, я не обижаюсь, — Катя махнула рукой, — ну что, я поехала? А то расчувствуюсь, расплачусь, и опять все по новой, а мне это не надо.

В пенале лежал браслет в виде змейки, с красными камушками вместо глаз, очень тонкая работа, наверняка целое состояние стоил. Ашши, увидев его, присвистнула и вырвала из рук.

— Ты где его взял, дорогуша? Честно скажи, для меня?

— Нет, — как и просили, честно ответил я. — Эта вещь принадлежит ан Уру Громешу, повелителю потоков и великому соблазнителю женщин.

— Надо же, громко как сказано, — Ашши продолжала вертеть браслет в руках, прямо-таки пожирая его глазами. — Ты ведь, пупсик, не возражаешь, если я сама его ему отдам? А то это странно будет смотреться, когда один мужчина дарит другому украшение. Или отдает, что со стороны выглядит одинаково. Мы, старые семьи, такое не одобряем.

— Точно отдашь?

— Честное благородное слово, — пообещала Ашши. И даже в подтверждение клинышек над ладонью зажгла. А если один асариду говорит другому, что отдаст третьему, не верить просто неприлично.

К Ануру у меня вопросов много накопилось, и вмешивать туда его личные отношения мне не хотелось совершенно. Так что страсть Ашши к побрякушкам, внезапно возникшая, была очень даже кстати. И браслет этот чудесно к ее висюльке подошел, словно прям из одного набора. Я-то это понял, и она поняла, что я понял, и так далее, но мы же взрослые люди, если человек сам захочет рассказать, ждем. И держим бронепоезд на запасном пути.

— Ты чего это в Южную Америку собрался? — Уфимцев-старший не то что равнодушно спросил, просто как-то устало.

— Да так, хочу обстановку поменять, может эмигрирую, вон в Штатах меня с руками оторвут.

— Не шути так, — генерал завязал веревочки на олдскульной коричневой папке, осторожно передвинул ее ближе к краю стола. Мы сидели в его кабинете, ничего так, скромно обставлено, но очень дорого. Явно бюджетных средств не жалели. — Марк, сколько лет мы уже знакомы?

— Двадцать пять? — я точно не помнил, когда Уфимцев появился среди друзей дяди Толи. Мозг псиона хоть и помнит многое, но тоже не совершенен.

— Двадцать три. Тебе тогда пятнадцать лет было, Толя еще пистолет на днюху подогнал, и ты ментам попался, а я тебя выручать приехал. Помнишь?

Я кивнул, такое не забывается. Пофорсил перед девочками и друзьями-приятелями.

— Ты ведь тогда никого не сдал, хотя не один по банкам стрелял. Они убежали, а ты остался. И Пашка твой тоже смылся, кстати. Уже тогда мозги у тебя были на месте, поэтому и потом к тебе присматривались. А сейчас вот так глупо провоцируешь. Границы — давно уже условности. Для простых людей, да, визы и тому подобное, а для тех, кто решает, их нет. Еще раз спрошу — зачем?

— Ребят хочу вывезти, проветрить, — честно ответил я. — Они же кроме своего интерната, жизни не знали, а так на крокодилов поохотятся, к шаманам съездим, и вообще меня туда звали. В Мексику потом заедем, на пирамиды повзбираемся, на Кубе погреемся. Думаю, месяц им хватит. А вы как раз свою базу до ума доведете, а то эта задумка с коттеджным поселком так себе была.

Уфимцев нахмурился.

— Уж не свалить ли ты решил?

— Предчувствие у меня, Игорь Григорьевич. Возможно, придется. И зависит это не от меня.

— И когда?

— Если бы знал, сказал. Что-то не нравится мне вот это бегство ваших кураторов. Как бы похуже чего не вышло.

Генерал сморщился, словно лимон прожевал.

— Без них Земля чище станет, уж поверь. Ты свой, хоть и вон в независимость играешь, а они — вот сто процентов чужие. Мы тут архивы поднимаем, из каждой войны, каждой революции их носы торчат, словно цель была какая-то побольше народа истребить. И это не только двадцатый век, раньше началось, примерно с середины девятнадцатого. Такое впечатление, мы для них как пешки были, что хотели, то и делали. Почему, не знаешь?

— Знаю, но думаю, теперь это значения не имеет.

— Ох ты темнить любишь, — Уфимцев вздохнул. — Ладно, я тебя понял. За семьей твоей, если что, приглядим. Ребят ты натаскал, пятеро — нормальный костяк для будущей команды. Подружка твоя, которая с ними занимается, надеюсь, тут тоже не задержится. Кто из них предатель, выяснил?

Я черкнул на бумажке, протянул генералу, тот только прочитать успел, как листок в пепел рассыпался.

— И что делать будешь?

— Ничего. Один стукач у меня был, теперь добавилось, главное — знать. Да и вы же сами сказали, нет границ. Привыкайте, что одаренные — это общая ценность, их на привязь не посадишь, будут там, где к ним лучше относятся. Как музыканты или ученые, только еще и убить могут. Или вылечить.

Идея еще раз посетить Бразилию была не моя, кто бы сомневался. Ашши заявила, что ее лучшая подруга сеньора Гомеш жестоко обидится, если мы не навестим вдову и не сьедим все ее запасы продуктов. Бесконечные. Наверное, у ани были свои резоны вернуться на то место, где ее в плену держали, но я спорить не стал. Особой опасности в поездке я не видел, а что ребятам оторваться неплохо бы, тут я генералу чистую правду

сказал. Обязательно смена обстановки нужна, не на Эйфелеву башню же глазеть, окружающий мир должен быть совсем другим, так что сельва — подойдет.

К тому же у меня самого было там одно незавершенное дело, Алехандро обмолвился, что дядя Толя где-то в том районе пропал, на полпути к перуанской границе, и точные координаты у меня были. Явно энгун туда топал не просто так, посмотреть не помешает. Можно даже прогуляться по дикой природе, змей погонять, для падаванов неплохой практикой будет.

То, что конторы меня просто так не отпустят, понятно было, в плюс им, что выбрали самый мягкий вариант. В поездку собирались Сергей с новобрачной, ну им понятно, медовый месяц положен, почему бы и не взять. Лиза тоже хотела примкнуть к нашей разросшейся группе, но я ей строго-настрого велел оставаться дома и не отсвечивать. Мой вариант пси-линка исправно муштровал девушку, программа была рассчитана на месяц, как и у меня, только потом эта штука не растворится, так и останется вместе с искусственным даром, раз собственного нет. А как вернусь, решим, что делать. Вдвоем решим — я и кот.

Кот, когда я ему про пуму напомнил, вообще не отреагировал, пройденный этап, а вот дело с ягуаром явно считал незавершенным, и к поездке отнесся благожелательно.

Ну и еще нельзя все время держать все под контролем. Иногда полезно отпустить ситуацию, дать ей развиться самой. Меня тут год не было, ничего страшного ведь не случилось. Вроде бы.

Нищему собраться — только подпоясаться. Ну а человеку со средствами просто надо взять бумажник и паспорт. Когда таких людей девять, то еще проще, бумажник все равно остается один, только количество паспортов меняется. Чемоданы я брать строго-настрого запретил, один рюкзак на человека — вполне достаточно, несмотря на глушь, в которую мы собирались, проблем с покупками не ожидалось.

— Марк, — сказала мама перед отъездом, — обещай мне одно.

— Я вернусь, — кивнул, — обещаю.

— Ты ведь понимаешь, что с моим сердцем я не переживу, если ты опять пропадешь?

Мог бы сказать, что редко у кого к пятидесяти восьми годам здоровье, как у двадцатилетней, и вид соответствующий, но спорить не стал, согласился.

— На месяц всего едем-то, вон, Серега с Ирой тоже там будут, приглядят за мной.

— И Анечка, — напомнила мама, с надеждой глядя на Ашши. — Ты ведь позаботишься о нем, правда?

— Конечно, дорогая, можешь быть совершенно спокойна, твой сын в надежных руках, — пообещала ани. И плотоядно улыбнулась. А потом они еще шептались на дорожку понятно о ком.

Как мне вот объяснить родителям, что я морально не готов встречаться с женщинами старше меня как минимум в три-четыре раза. Пусть даже выглядят они как вчерашние выпускницы.

****

Мелкий дождик моросил в Хемптон Бейс. Несмотря на противную погоду, на берегу океана стоял высокий молодой человек с коротко стриженными светлыми волосами, босыми ногами, в облегающей майке и шортах, и бросал чайкам кусочки мяса. На подошедшую женщину он не обратил никакого внимания. Той пришлось дотронуться рукой до его плеча.

— Эй, — позвала она.

Блондин недовольно посмотрел на гостью.

— Ты опоздала.

— Я виновата.

— Мне не нужны извинения, — молодой человек раздраженно бросил пакет на песок. — Мне нужен результат.

— Не сердишься? — женщина обхватила его руку, прижалась к ней. — Я все устроила, скоро они будут там, где ты хотел. Этот слизняк ничего не подозревает. В команде — тоже, они думают, что мы всего лишь хотим переманить его на свою сторону.

— Это уже не важно, — блондин небрежно погладил гостью по щеке. — В каждой игре всего несколько ключевых фигур, остальные — статисты и их можно заменить. Тебя можно заменить, его — тоже, меня — нельзя. Поэтому справишься ты, или нет, значения не имеет. Но если ты хочешь остаться в игре, в твоих интересах приносить пользу.

— Ты говоришь, как мой отец, — женщина грустно улыбнулась. — Он тоже любил рассуждать о глобальных проблемах, а потом бросил меня, словно ненужную вещь. Но ведь ты так не поступишь, правда? Ты же обещал? Я все делала так, как ты говорил. Я даже пожертвовала сестрой.

— Ты ее ненавидела.

— Правда. Но все равно, я достойна лучшего. Я, а не эта сучка.

— Я тебе ничего не обещал. Ты привезла то, о чем говорила?

— Да, в машине. Но там не все.

— А где остальное?

Женщина хищно улыбнулась.

— А остальное, мой дорогой, ты получишь, когда я буду уверена, что ты не врешь.

И тут же упала на песок от сильного удара. Блондин поставил ей ступню на шею, и теперь разглядывал, как какое-то экзотическое насекомое. Женщина пыталась сопротивляться, раз за разом пытаясь что-то сделать, но ничего не получалось.

— Где остальное? — еще раз спросил он.

— Они привезут с собой, — прохрипела гостья. — Прости, не знаю, что на меня нашло. Пожалуйста, я прошу.

Блондин улыбнулся, резко надавил ногой на шею, раздался хруст. Женщина попыталась вздохнуть в последний раз, ее тело изогнулось, и тут же опало. Он подождал с минуту, вздохнул, присел на корточки, положил ладонь на сломанную гортань. Вдавленные хрящи на глазах вставали на место. Грудь поднялась, женщина сделала наконец вдох, схватилась за шею.

— Запомни этот момент, когда посмеешь еще раз дерзить мне, — посоветовал хозяин гостье, открывшей глаза и пытающейся пошевелиться. — И да, мертвой ты выглядишь отвратительно.

Глава 25

— Девять негритят, поев, клевали носом, один из них засранец, и их осталось восемь, — наблюдая, как Серега скрывается в туалете самолета, продекламировал я детскую считалочку. Тихо, чтобы никто не услышал.

Настя прыснула первая, за ней — Ира, и остальные тоже. Даже стюардесса улыбнулась, а ведь ей по должности над клиентами ржать нельзя. Только Ашши была спокойна и холодна.

— Не хочешь ему помочь, дорогуша? — осведомилась она.

— Нет, — решительно ответил я. — Мне надо отдохнуть от братских обязанностей. Сейчас он уединился, потом позвонит матери, и расскажет, как у нас все хорошо, а потом и посадка уже скоро. И вообще, у него есть жена, почему она не выслушивает все эти нотации?

— Потому что у него есть брат, — Ира хитро улыбнулась.

— Белова, давай ты разведешься, а я на тебе женюсь? Тогда он обидится, и не станет со мной больше разговаривать.

— Ты свое счастье проморгал, — гордо ответила блондинка. — Я типа другому отдана и все такое. И вообще, он прав, могли бы и обычным рейсом лететь, а не нанимать самолет.

— Или покупать, — Ашши наклонилась к моему уху, обдав его жарким дыханием. Вот как так получается, женщина — высший класс, мужики штабелями ложатся, у меня же как блок какой-то стоит, а то что должно — нет. Нет никакого желания с ней шуры-муры разводить. Ани прекрасно это знала, и пользовалась, как могла. Проход по коридору во внезапно спадающем полотенце — это самое меньшее, о чем стоило говорить.

Да и тут говорить особо было не о чем. Подумаешь, самолет. Одна Настя столько денег приносила в общую копилку от своих визитов на самый государственный верх, что два таких можно купить. Даша со Светой тоже баклуши не били, осваивали лечение на чинушах, сами-то слуги народа платить не очень умели, на халяву привыкли, так что за счет какого-то бюджетного фонда открыли финансирование, перевели деньги, оттуда — на офшор, и обратно в страну уже как инвестиции, на них оформили на новую компанию коттеджный поселок, вот этот вот Фалькон, ну и еще несколько всяких мелочей. Если вдруг придется валить отсюда, будет у ребят что поесть и где пожить. И у Беловой — на что мужа содержать, должно хватить с избытком, Серега не привередливый. И у Лизы, за компанию. А уж как все оформить, чтобы потом не отобрали, я немного знал, хотя, если захотят, все

равно попробуют отнять. Корпорация «Уриш», Каймановы острова.

Н и еще отдельно для себя, любимого, и для своей семьи существовала цепочка компаний, которая исправно приносила доход — в том числе с собственной криптобиржи, модуль создал программных ботов, которые и без него смогут делать деньги. Управляющие по всему миру были уверены, что работают на независимые старт-апы, а на самом деле владельцами всего этого были два скромных пенсионера из России, через акции на предъявителя, доверенности от несуществующих лиц и номерные счета.

Вообще такое настроение было, прям хоть завещание пиши. Успокаивало то, что коту был абсолютно спокоен, на него я в первую очередь смотрел, уж если он волноваться начнет, все, только на Луну. На базу, про которую Уфимцев говорил. Это космонавты не долетят, а я — так спокойно, воздух мне не особо нужен, излучение не пугает, только на орбиту пока не могу выйти, один раз прыгнул на двадцать км, и все, обратно к сотням метров, и то по горизонтали.

Фалькон 7-икс — самолет небольшой, вполне может садиться и на региональных взлетных площадках. Правда, когда пилот узнал, где именно, лететь отказался напрочь. Зато второй пилот, бывший военный летчик, никаких проблем не видел. Кроме одной — меня почему-то отказался за штурвал пускать. Ну и ладно, после штурмовиков-ныряльщиков это корыто не очень-то смотрелось. Но все равно, в кабине я посидел, посмотрел, что и как этот майор делает, запомнил. Теперь в случае чего смогу и сам куда-нибудь улететь.

На вилле сеньоры Гомеш мы провели три дня. Кот наигрался с пумой, побегал по окрестным лесам, и план по загнанным ягуарам перевыполнил, ребята отъелись так, что прям округлились, еще немного, и еда из ушей бы полезла, Серега с молодой женой из комнаты почти не выходили, Ашши проводила с хозяйкой время на кухне, только вот мне заняться было особо нечем. Бухать с врачом — дохлое дело, он не мог напиться в силу своей натренированности, я — из-за особенностей организма, в первый же вечер мы обсудили все, что можно было обсудить, прониклись друг к другу добрыми чувствами и на этом сочли, что хватит, пообщались. Тем более что у хахаля вдовы своих дел было полно, кто-то рожал, кто-то умирал — в других случаях помощь специалиста обычно не требовалась, шаманов и колдунов вполне хватало.

Так что день я подождал, а потом забрал вертолет покойного Алехандро, и устроил облет окрестностей. Слетал на поляну, на которой мы с Ашши отбивались от предателя, покружил над селением — там наверняка был новый шаман, можно было с него стрясти чего-нибудь, как-никак я ему это место устроил, но решил, пусть пока живет, добра наживает, в гости всегда можно наведаться.

Алехандро говорил, что передал чемоданчик дяде Толе где-то возле границы с Перу. Это километров двести пятьдесят по прямой, а в воздухе почти все дороги прямые. Пришлось второй раз вертолет просить.

— Конечно, bonito, забирай что хочешь, — вдова ждала очередного клиента из Колумбии, смерть мужа еще не повод, чтобы семейный бизнес страдал. — Ты куда летишь? Ясно, там недалеко есть селение, в нем живет фетчисейро, не такой сильный, как шаман, который недавно умер, да простит Иисус ему грехи, но тоже ничего. Передай ему вот это. Взамен забирать ничего не нужно, мы потом сочтемся.

И показала на белый полипропиленовый мешочек, килограммов на пять.

Наркокурьером мне еще работать не приходилось, закинул упаковку на заднее сидение, завел двигатель и взлетел.

Двести пятьдесят километров для Робинзона-44, это час с четвертью лета, считая взлет и посадку. Сверху полюбовался на сельву, зелень сплошняком, едва видимая дорога шла параллельно моему курсу, но километров за пять до цели уходила направо, как раз в сторону того колдуна, которому я вез целебный порошок. Двигатель работал ровно, без сбоев, горючего был изначально полный бак, для любимого гостя не скупились. Вдова связала в своем мозгу мой визит и смерть мужа, и теперь я для нее как сын был. Почти.

Поляну я нашел сразу, большое пространство шло ярусами к самой нижней точке в центре, с дорогой, ведущей с севера. Правда, мощеная поверхность обрывалась наверху, но для чего-то ведь ее строили.

В центре поляны по кругу стояли семь каменных столбов высотой в метров в пять, с какими-то крылатыми фигурками поверху, то ли птицы, то ли безумная фантазия накурившихся инков, а вот уже в центре этого круга возвышалась почти на метр плита, два на два.

Я посадил вертолет на среднем ярусе, прямо возле дороги — по мощеной поверхности идти куда приятнее, чем прыгать по траве. Змей я не боюсь, но все равно, неприятно. Не дошел до столбов несколько метров, остановился — сооружение вблизи

впечатление производило странное. Во-первых, сами столбы были покрыты значками. Модуль тут же принялся за расшифровку, демонстрируя свою полезность, хоть какую-то. Во-вторых, фигурки на верхушках столбов мне решительно не нравились, было в них что-то неправильное. И мерзкое. Такое я уже видел в одном подземном храме на моей планете. Не на этой, а на той, которая мне может быть еще принадлежит. Да, точно, эти птицы идеально дополняли две стоявшие там скульптуры, выводя к третьей, где они пожирают остатки. И в-третьих, плита. В углах были выбиты символы, а точнее — клинышки эме-гир. Тот, который ближе ко мне, обозначал Наргала, справа от него — кровь, слева — желание, и напротив — шаг. Не знаю, кто тут хотел шагать к шумерскому богу, только от плиты фонило смертью. Все основание было буквально испещрено черными точками, невидимыми обычному глазу.

Модуль наконец справился с неизвестным языком, и вывел мне точное описание ритуала, такой я тоже видел. Ну да, Мила лежала вот на такой плите, и ее разделывали семью черными ножиками, которые у меня до сих пор хранятся. Столбов было семь, и вариантов ритуала — тоже семь, все предполагали, что у человека, исполняющего обряд, свет выходит из ладоней.

Самый простой, принести в жертву одного человека, посложнее — семерых, были и более жестокие и запутанные варианты. А вот последний, седьмой, точного описания не содержал. Предлагалось убить самого себя, чтобы воскреснуть в другом мире — Ханак Пача. Тот, кто дал текст каменотесу, как это сделать видимо, не знал. Поэтому добавил от себя, что это — только для благословленных Великим Инти жрецов, потомков этого самого Инти.

Первые шесть ритуалов четкой цели тоже не имели, хотя скорее всего тот, кто тут все это расписывал, просто представить не мог, для чего они предназначены.

В принципе, понятно было, раз дядя Толя здесь пропал, и потом нашли трупы его бойцов, а его самого не нашли, потому что он был уже в другом мире, значит, здесь он провел один из ритуалов. Откуда у подполковника ГРУ семь ритуальных кинжалов, я не знал. И куда они потом делись — тоже, наверняка с собой унес. Раз сил у шумера было немного, значит, действовал он по третьему сценарию, с семью жертвами, и великим камнем, который, как мне казалось, должен означать портальный маяк.

Проверять набор на работоспособность у меня не было никакого желания, даже на себе. Хоть и был этот клинышек на плите, до жертв я еще не докатился. А теоретически узнать было не у кого, Ашши наверняка была в курсе, но ее я бы спросил в

последнюю очередь. По возможности, предварительно надежно зафиксировав.

На краю поляны показались фигурки людей — много, они окружили верхний ярус живым кольцом, держа в руках копья, а по дорожке ко мне неторопливо спускался невысокий толстенький человечек в белых брюках, такого же цвета туфлях и рубахе, на плечи был накинут какой-то плед с квадратным рисунком, в центре каждого элемента были вышиты символы, почти такие же, как на столбах. Толстячок остановился прямо на границе окружности из столбов, помахал мне рукой.

— Что здесь забыл сеньор? — спросил он на американском английском. — Это святое место, здесь нельзя находиться посторонним. Даже мои воины не смеют подойти ближе.

— Ты ведь местный колдун? — перешел я на португальский.

— Так меня называют недалекие люди, — на том же языке ответил предводитель банды копейщиков.

— Я привез посылку от сеньоры Гомеш.

— Благодарен тебе, гринго, но не стоит вот так врываться в святилище. Боги не любят, когда их тревожат неподготовленные люди.

Я уселся на край плиты, жрец внимательно следил за мной. не пересекая границ условного круга.

— Пять кило отличного порошка. Они в вертолете. Прикажи, пусть заберут.

— Ты должен был привезти их в деревню, — толстяк даже не сдвинулся с места. — А вместо этого прилетел сюда. Зачем?

— Здесь, — похлопал я по плите, словно приглашая собеседника сесть рядом с собой, — один мой родственник прикончил семерых человек, а потом провел обряд. Хочу выяснить, куда он подевался. Три года назад. И если ты мне расскажешь, я дам тебе тысячу американских долларов.

Жрец расхохотался, он трясся, вытирал кулаками слезы с пухлых щек, выставлял ладонь вперед, мол, погоди, не до разговоров сейчас. Наконец, отсмеявшись и откашлявшись, вошел в круг и сел рядом со мной, покачивая короткими ножками, не достававшими до земли. Причем, несмотря на свою комплекцию, запрыгнул на плиту он легко.

— Прости, сумма меня поразила. Столько денег я давно не видел. С тех пор, как один из моих почитателей не выронил несколько бумажек из пачки. Продолжай.

— Пять тысяч?

— Марко, так ведь? То, что ты привез, стоит в сотню раз больше. Нет, бывает и дешевле, но у Гомешей всегда отличный товар. Зачем тебе эта история про человека, ушедшего в Уку

Пача, нижний мир, где живет бог демонов Супай?

— Не знаю, семья и все такое, — пожал я плечами. — Вдруг он оставил здесь что-то из своего имущества, так я это готов выкупить. За приличную цену.

Жрец слегка дернул рукой, и ребята наверху, побросав копья, откуда-то достали автоматы.

— Когда-то давно, — серьезно сказал он, — мой предок, Вайна Капак, нашел кое-что, точнее говоря, ему оставили кое-какие предметы. Он приказал выбить наставления на этих столбах, а наверху посадить хранителей, отпугивающих посторонних. Кровь текла здесь рекой, а потом инку умер, и наследство перешло к его сыну. Ну а потом пришли испанцы и португальцы.

— Для этого нужно в меня из автоматов целиться? Я вообще-то русский, и к испанцам, а тем более португальцам отношения не имею.

— Проклятые предметы все это время хранились в нашей семье, мои предки пытались повторить ритуалы, но без какого-либо результата, — не обращая внимания на мои слова, продолжал один из панаков. — Мы от этих вещей избавились сто пятьдесят лет назад, потому что они несли только смерть и несчастье, продали их с условием, что они никогда больше не появятся на этой земле. Твой родственник провел здесь запрещенный обряд, и семья Гомеш ему помогла. Тогда мы не стали возражать, плата была щедрой, а сами вещи снова исчезли. В моей семье есть легенда, предсказание, что однажды придет тот, кто сможет разбить этот камень, и принесет с собой эти реликвии. И тогда этот мир перевернется.

Я поглядел на плиту, прикинул. В принципе, искаженная энергия, пропитавшая ее, на вид была стабильной. Если провести две линии, начертить схему распада, а потом ее уничтожить, уложить сверху жреца, проткнуть ему кинжалами лоб, щеки, кисти и бедра, то на этих линиях появится разлом. И я стану тем парнем из легенды. Ну нафиг такое счастье, мир-то уже и так перевернулся, правда, в эти места новости доходят с большим опозданием.

— Так что насчет вещей? — напомнил панаку.

— Нет у нас ничего,

Толстяк внимательно следил за тем, как я выхожу из круга, поднимаюсь к вертолету, выгружаю мешок и завожу двигатель. А потом взлетаю. Автоматы аборигенов все это время были нацелены на меня. И только взлетев метров на двадцать, я уловил на лице жреца разочарование.

— Как слетал, Марко? — сеньора Гомеш была сама доброта. — Апу Анко звонил мне, с товаром все в порядке, и почему-то просил тебя пристрелить при случае. Ты обидел его?

— Мы немного поторговались, — признался я хозяйке поместья. — И не сошлись сначала в цене, но потом очень мило побеседовали. Он рассказывал мне про свою семью, я ему — про свою, даже не знаю, с чего он такой кровожадный, на вид — добрейший человек. Так что не стоит меня убивать, хотя бы в эти дни.

— Ты мой гость, — веско сказала вдова. — Любой, кто попробует тебя пальцем тронуть, будет иметь дело со мной и моими лутадореш. Но если ты сегодня не покажешь своим детям пример, как надо есть бригадейро, я сама тебя застрелю.

— Это не мои дети, — попытался соскочить я.

— Не важно, — бросила сеньора Гомеш и выплыла из гостинной. За время, проведенное без мужа, она еще больше округлилась.

Тот же вопрос мне задала Ашши. И ей я рассказал про странную плиту с вкраплениями черных точек, и четыремя символами, о столбах со странными непонятными знаками, и о жреце, который откуда-то знал Тоалькетана Громеша.

— Так ты говоришь, Тоальке был твоим дядей? — равнодушно переспросила ани. Настолько равнодушно, что я ей не поверил. — Я слышала что-то такое про молодого человека, который поссорился с семьей и сбежал в другую реальность. Видимо, сюда. Значит, он нашел способ, как вернуться, наверняка кристалл активировал. Тупость тоже имеет свои границы. Интересное место, но бесполезное, теперь, из-за колебаний поля, силы у нас хоть отбавляй, только кристаллов нет, а даже если бы они были, все равно разрушаются. Тебе, дорогуша, повезло куда больше, ты можешь перенестись в один из миров. Если получится, намекни там какому-нибудь первому встречному повелителю, что зу Маас-Арди может быть благодарной.

И нежно так провела пальчиком по моей груди.

На что я только вздохнул, мысль вернуться в мир шумеров приходила в голову, вот только модуль считал иначе, и блокировал любое перемещение. Система андер констракшн. И лопата в коричневой куче. Но ани об этом знать необязательно.

Правильно говорят, что отдыха не бывает слишком много. Я даже почти не устал, когда рано утром, на четвертый день, меня поднял буквально с кровати звонок из Москвы.

Глава 26

— Марк, срочное дело, — Уфимцев меня прямо врасплох застал, я спал — реально спал, по-человечески, свои законные полтора часа, и в это время видел сон. В нем была одна блондинка, которую я даже не пытался забыть, она мне что-то рассказывала важное. А я во сне сидел и любовался ею. Нет, в жизни бы грохнул на месте, а когда сплю, становлюсь добрым и незлопамятным. Тюфяком.

— Игорь Григорьевич, я знаю, у тебя там день. А у нас темная бразильская ночь, — по привычке зевая, попытался воззвать к совести собеседника. Похлопал лежащую рядом девушку по круглой заднице, показал глазами сначала на тумбочку, потом на дверь. Мулатка без вопросов сгребла купюры, чмокнула меня на прощание и упорхнула.

— Какая нахрен ночь, у нас ЧП. Ты же на самолете? Срочно собирайся, бери свою кодлу и дуй в Гватемалу.

— Товарищ генерал, — ну нравится мне, когда собеседник нервничает, такая натура поганая, — подождите несколько дней, и мы там сами появимся. Пирамиды майя ждут.

Матом ругался Уфимцев хорошо, сочно, я аж заслушался. Может, и вправду что-то серьезное.

— В общем, там капец, — подытожил он. — Уже почти сотня трупов, и с каждым часом количество растет. Пока ты там спишь, люди гибнут.

— Понял. Мы уже собираемся, только ваш подчиненный никак не проснется нормально.

— Кто?

— Брат мой.

— Можешь его оставить, он там не нужен особо. Хотя нет, бери, будет от нас координатором. Давай, пока ты вылетаешь, я тебя в курс дела буду вводить.

— Упс, — совершенно искренне огорчился я. — А пилота-то нет. Он в Рио умотал, будет только послезавтра, а то и на третий день.

— Марк, Марк, — слышно было, как генерал сшибает какие-то предметы, потом заорал на кого-то, — слушай, делай что хочешь, но через несколько часов ты должен быть в Гватемале, ближайший аэропорт Эль-Нараньо, там вас уже ждут.

— Могу я за штурвал сесть. Меня пропустят?

— Номер борта я знаю, у тебя зеленый коридор. С авиабазы в Колумбии уже вылетели два Ф-16, будут тебя сопровождать. Ты где?

— Едем на аэродром, — я чмокнул заспанную сеньору Гомеш в щеку, пожал руку ее врачу, и забрался в подъехавший Дефендер. Кот недовольно смотрел на меня — стряпня хозяйки пришлась питомцу по вкусу.

К счастью, вдова четко знала, когда можно изобразить недовольную хозяйку, которую неожиданно покидают неучтивые гости, и что надо делать, когда мужчины отправляются на войну. Жизнь с домом Карлушем ее не только этому научила. Так что собрались мы за десять минут, машины нас ждали у входа. В багажник грузили коробку с едой, война войной, а обед…

— Дорогуша, передай Уфимцеву, что я яйца ему оторву, когда мы вернемся, — попросила ани, и я передал прямо слово в слово. Генерал аж поперхнулся, что-то мою подчиненную он опасался куда больше меня, непорядок.

Серега на удивление был бодр и даже пытался в процесс вмешиваться, но быстро понял, что пока только мешает, и отошел, залип в телефон — тоже выслушивал какие-то ценные указания от уже своего начальства. Ребята, те уже были готовы — пока я спал, они с Беловой и Ашши тренировались, обычные-то люди все равно не увидят, пока схема материального воплощения не приобретет, а стрельба в этих местах дело рядовое, Ира особо не стеснялась. У нее получалось все лучше и лучше, с закрытыми глазами могла стрекозу в полете сбить за пару километров.

— Сажусь за штурвал, прогреваю двигатели, — доложил я генералу. — через десять минут взлетим.

Стюардесса умотала в Рио вместе с майором, люди они взрослые, в их отношения я не лез. Так что из обслуживающего персонала у нас никого не было.

— Телефон только ты слышишь? — уточнил Уфимцев.

— Да.

— В Гватемале захватили заложников, почти тысячу человек. И какой-то обряд проводят. Обычные вояки прорваться могут, но они пробовали, прямо на их глазах, считай, десять детей убили, а там журналисты, сейчас пока информацию держим, но через шесть часов весь мир узнает. Так что просто взяли в кольцо и ждут. Наши американские друзья говорят, что главный у террористов — из особо одаренных, и подручные его вроде тоже, но вот насчет них они не уверены. Ты как там?

— Взлетаю, — я потянул штурвал на себя, все эти кнопочки и рычажки даже трогать не стал, самолет управлялся электронно, взять под контроль системы не составляло труда, а уж на атмосферниках я много часов налетал. Не на таких древних, конечно, но принцип-то одинаковый, воздух держит. — Включил маяки.

— С бразильским правительством сложности, истребители тебя встретят на границе. А дотуда тебя три бразильских Тайгера сопроводят, на подходе уже. Видишь? Хотя что ты там увидишь.

— Вижу, вижу, — успокоил я генерала. Три Нортропа Ф-5 заходили сверху, разошлись, освобождая мне траекторию взлета. Пилот одного из Тайгеров вышел на связь, убедился, что у нас все в порядке, и троица пристроилась мне в хвост.

Серьезное дело намечается, однако. Ребята заметно нервничали, Серега — тоже, но молчал, и это реально помогало. А вот Ашши и Белова были спокойны. Все-таки ани с Ирой отличную пару составляли, там, где псион не могла достать заклинанием, Белова доставала из снайперки, а схему наложить на патрон, особого умения не надо. Двадцать километров прицельный выстрел? Запросто. И еще вела пулю от момента выстрела до момента попаданя. Талант. Пусть Снегов думает, что мы с ней разошлись, ничего подобного, за тот год, что я шлялся по мирам, понял, насколько важно создать костяк семьи. Собственную мафию.

По сути, у меня она уже здесь есть. Я — андербосс, капо Белова, консильери Лиза, ребята вон за солдат сойдут. Ашши в стороне, но оно и понятно, десятая заповедь — не могут входить в семью те, кто не соблюдает нравственных принципов. И дон эр-асу, вон лежит на кресле первого пилота, потягивается, зевает. Настоящий дон всегда спокоен, но и всегда начеку — один из Тайгеров решил приколоться, и сымитировал боевой маневр, так я мог бы поклясться, что на крыле появилась маленькая проекция кота. И зашипела.

На границе с Колумбией Тайгеры нас покинули, а по бокам пристроились два Ф-16.

— Первый лейтенант Монро. Буду сопровождать вас до Эль-Нараньо, держитесь эшелона триста.

И все, краткость — сестра первого лейтенанта. За два часа от границы Колумбии и Бразилии, и до самого аэропорта, американцы со мной больше не связывались, увидев, что иду на посадку, ушли на запад.

— Ну что, ребятки, держитесь, — предупреждать не надо было, я за штурвалом самолета и так вгонял почти всех в стресс, а когда садиться собрался, у пассажиров чуть инфаркт не случился, только двое держались с достоинством, Ашши и кот.

— Давай, дорогуша, — подбодрила меня ани. Она уселась в кресло первого пилота, перетащив кота на колени, и с интересом за мной наблюдала. — Тренажеры или боевые вылеты?

— И то, и другое.

— Носитель?

— Приходилось.

— Ты просто кладезь талантов, милый. Так ловко управляешься с этим древним корытом, так крепко сжимаешь штурвал. Это так возбуждает. Я подумала, возможно, наши отношения надо вывести на новый уровень.

— Нет.

— Как скажешь, дорогой. Но когда-нибудь я тебе это припомню. Эй, там, сзади, готовьтесь. Сейчас грохнемся.

Первой завизжала Даша, потом Настя. Света припозднилась, зато орала громче всех. Белова сжала зубы, побледнела, но ей тоже было страшно. А Серега — тот, похоже, готовил новую речь о безответственных братьях.

— Сказать им, что мы уже приземлились? — шепнула мне ани.

Я кивнул, но и так стало понятно, что мы уже на земле, когда самолет загудел, с включенным реверсом, и начал резко сбрасывать скорость.

— Наш борт приземлился в аэропорту Эль-Нараньо, — сообщил я попутчикам, — за бортом двадцать пять градусов, дождь. Командир корабля не прощается с вами. Личные вещи можете оставить, а сами выматывайтесь отсюда.

Мы не успели полностью остановиться, как два черных Тахо догнали нас прямо на взлетно-посадочной полосе. Один затормозил на уровне кабины.

— Тебя должны встретить, — проявился на связи генерал Уфимцев. — Лиза Мазарди, спецагент. Отвезет вас к пирамиде.

При имени спецагента Ашши поморщилась. Ну да, на агентов ФБР у нее аллергия.

Я спустился по трапу первым. Внизу хорошенькая женщина лет тридцати, в строгой не по погоде и стране блузке, юбке-карандаше и черных туфлях на низком каблуке, помахала мне рукой.

— Мистер Травин? — ее русский был практически без акцента. — Вас уже ввели в курс дела?

— Приблизительно.

— До пирамид лететь двадцать минут, садимся в машины, а в вертолете я вам все расскажу. Рада тебя видеть, Анабель.

— И я тебя, Лиза, — равнодушно ответила Ашши.

— За самолет не беспокойтесь, получите в целости и полностью заправленным, — мы расселись по машинам, за рулем первой была сама Лиза, второй — какой-то морской пехотинец.

Ашши демонстративно села к нему. — Спасибо, что согласились помочь.

— А в чем будет состоять ваша помощь? — спросил с заднего сидения Серега.

— Конкретно ваша — будете держать меня за руку, только так я буду чувствовать себя в безопасности, — Лиза улыбнулась шикарной американской улыбкой, подмигнула братцу, Белова зубами аж заскрежетала. — А мистер Травин и его помощники попробуют наказать негодяев.

Мистер Травин с помощниками пересели из джипов в Черный Ястреб. Лиза уселась на место пилота, я — рядом с ней. Кот исчез, стоило посторонним появиться на горизонте, и правильно, не до домашних питомцев сейчас. Но на самом деле никуда не пропал, я чувствовал его рядом.

— Ситуация сложная, — винты уже крутились, так что стоило нам всем разместиться, Блэк Хоук пошел на взлет. — Террористов около тридцати человек, все — одаренные разной степени, их главный, судя по всему, проводит жертвоприношения. На территории центральной части комплекса было около девятисот туристов, и сто человек обслуживающего персонала, все они захвачены, убежать удалось троим. Точнее, им дали убежать.

— Это все очень интересно, — приободрил я Лизу. — Только вот мы тут каким боком? Это дело американского правительства, вы и разбирайтесь. Россия, насколько я знаю, в Гватемалу не лезет.

— Дело в том, мистер Травин, что два человека, которые могут этим людям что-то противопоставить, сейчас в этом вертолете. Это вы и мисс Анабель Мазарди.

— Надо же, — Ашши для меня всегда была Ашши, — так вы родственники?

— Сестры. У нас общий отец.

— Но если мисс Анабель может, то и вы тоже. С таким-то папой.

— Нет, мистер Травин, к сожалению — нет, ни я, ни те, кто получил внезапный подарок можно сказать небес. Пусть я сильнее остальных, но другие наши бойцы из специального корпуса не дотягивают даже до ваших ребят, вы в этом могли сами не так давно убедиться.

Это я уже понял, когда Лиза волновалась, шел выброс бору, еле заметный, но впечатление об уровне ядра он вполне мог дать.

— Вопрос с вашим участием уже решен на уровне президентов, — продолжала сестра Ашши. — Но со своей стороны наше правительство выделяет на вашу команду двести миллионов

долларов. Взамен вы должны уничтожить террористов. Не взять в плен, а именно уничтожить. И освободить максимальное количество заложников.

— Ракетный удар мог бы решить вашу проблему, — подсказал я.

— Да, это было бы гораздо дешевле, и для имиджа лучше, если у вас ничего не выйдет, так и сделаем. Пойдете не одни, с вами будут двадцать студентов, которых вы тренировали, и взвод первого батальона седьмого десантного полка. С вами пойдет подполковник Форрестер. Их задача — вывести заложников, а вы возглавите основную операцию.

— И ты идешь с нами, — прошипела с заднего сидения Ашши.

— И я иду с вами, — согласилась Лиза, и перешла на эмегир. — Тоже кое-что могу. Наш с Анабель отец, как вы, наверное знаете, был Повелителем потоков. Нас он здесь бросил, но это не так важно. Я родилась в этой реальности, и не умерла до сих пор, а мне уже шестьдесят. И это чего-то значит.

— Отлично выглядите, — честно сказал я. — Когда это все закончится, выпьем по стаканчику? Поболтаем про другие миры? Я расскажу много интересного.

— Если вы согласитесь, мистер Травин, я готова вам прямо в этом вертолете отдаться без всяких предварительных ухаживаний, — так же честно ответила Лиза. — Договорились?

— Нет, здесь неудобно. А так да, договорились. Сто миллионов мне и по пятьдесят остальным.

Лиза набрала в телефоне сообщение, дождалась ответа, кивнула и пошла на посадку. В принципе, мог бы и больше попросить, ситуация у них безвыходная, или вообще за так все сделать, но надо поддерживать имидж пусть жадного, но все же разумного человека.

Пока мы группировались, знакомились и ждали подполковника Форрестера, Ашши оттащила меня в сторону.

— Дорогуша, не слишком ли ты много на себя взял? — прошипела она.

— Нет, мы действуем в рамках нашего договора, ани Маас-Арди.

— И что? Тебе не кажется, что это ловушка? Слишком все совпало, а уж эта тварь ублюдочная, она ненавидит меня с тех пор, как в первый раз увидела. Точно говорю.

— Ашши.

— Что?

— С каких это пор тебя волнуют чувства других людей?

— Дорогуша, ты не это хотел сказать.

— Да. У меня для тебя есть подарок.

— Нашел время, — ани тут же сменила тон. — Но он должен быть сногсшибательным, чтобы я сунула голову в этот мутняк. Или ты наконец-то решил меня соблазнить, милый? Давно пора. Я куда лучше этой сушеной воблы.

— Из двух сестер я определенно выбрал бы тебя. Или обеих сразу.

— Ты доиграешься, дорогуша, — холодно сказала Ашши.

— Прости. Тебе понравится. Хотел отдать в конце поездки, но сейчас… Мало ли что случится, — и протянул ей коробочку.

Ашши жадно схватила красный бархатный кубик, показная такая жадность, хотя что там, чем можно удивить человека, у которого в долгой жизни было практически все. Раскрыла, готовясь сказать дежурные слова благодарности, чмокнуть меня в щеку, и замерла.

— Мои камушки, — с придыханием произнесла она. — Это ведь тот же мастер, что Беловой кулон сделал?

— Он.

— Дорогуша, они великолепны, — ани нацепила сережки с красными камнями, что интересно, уши у нее проколоты не были, но зу Маас-Арди это не смутило. — Если получится, я заберу его с собой.

— У него здесь семья, — понял я, о ком говорит ани.

— А у меня — долгая жизнь. Поверь, дорогуша, практически все выбирают долгую жизнь.

— Мы обычно говорим — долгую и счастливую.

— Жить долго и быть здоровым — это и есть счастье, милый. Ты просто еще слишком мало повидал. Пойдем, а то лу Мазарди. волнуется.

Слово «лу» она произнесла с нескрываемым презрением.

По словам агента Мазарди, террористы захватили центральную площадь, окружив ее. Всех, кто был между первым и вторым храмами и у центрального акрополя, согнали в кучу и повели на юг, к пятому храму. Им попалось восемьсот пятнадцать туристов и девяносто шесть местных, намечался какой-то концерт, и главную площадь убирали. Это из тех, кого захватили, вообще народу было много, но едва раздались первые выстрелы, большинство разбежалось.

Те, кому не повезло, сидели на ступенях, по одиннадцать человек на каждой — там были и дети тоже, немного, примерно четыре десятка. Когда верхняя ступень освобождалась, вся эта людская масса поднималась, и перемещалась на ступень выше,

люди вели себя словно зомби, смотрели прямо перед собой, ни на что внимания не обращали.

Деревянная лестница, ведущая прямо к святилищу, была разрушена, точнее говоря, сожжена, между заложниками прохаживались террористы, время от времени они дотрагивались до голов жертв. Двое на верхней ступени примерно раз в две минуты уводили одного из заложников к жертвенному камню, там главарь, высокий молодой человек в какой-то хламиде и с роскошным тюрбаном на голове, вспарывал ему грудь, вытаскивал сердце, труп самостоятельно садился на край скамьи, вставал, шел к краю уступа и сбрасывался вниз. А сердце отправлялось в металлическую бочку с логотипом нефтяной компании. Таким образом, за час освобождались три ступени.

Двух сотен заложников уже не было в живых, сейчас были полностью заполнены шестьдесят четыре ступени, и на верхней еще сидело четыре заложника.

Все подступы к главной площади были заняты войсками — американскими морпехами и батальоном колумбийских AFEUR. Подъезды тоже контролировались, причем местных тут не было совсем, гватемальские вооруженные силы среди коллег не слишком котировались.

Мы расположились метрах в ста от храма, в Южном Акрополе. Лейтенант-полковник Форрестер что-то оживленно обсуждал с Беловой, они быстро нашли общий английский язык, и теперь водили пальцами по схеме комплекса. Сергей за ноутбуком что-то печатал, видимо, докладывал. Моя боевая пятерка уже облачилась в бронники и получала последние наставления от Ашши.

На верхней ступени один из террористов подошел к женщине, сидящей ближе к центру, дотронулся до ее плеча, она послушно встала и пошла за ним, наверх. Полностью разделась, сама забралась на плиту, легла, вытянув руки и ноги.

Главный террорист положил ей руку на шею, черная капля стекла на кожу, проникла внутрь, в легкие, набухла раза в три, растворяя ткани, черный кинжал легко вспорол грудину, и увеличившаяся капля впиталась в него. А потом уже рука жреца проникла в тело, вырвала сердце прямо с ошметками сосудов, небрежно швырнула в бочку, а тело, поддерживаемое быстро исчезающим конструктом, прошло к краю уступа и не останавливаясь сделало шаг в пустоту.

Глава 27

Бойцы лейтенант-полковника Форрестера исчезли среди строений, десяток снайперов занял позиции на пирамиде Южного акрополя, в воздухе висели коптеры-беспилотники. Эскадрилья ударных БПЛА с Хеллфайрами была готова взлететь в любой момент, вместе с сопровождением из Апачей. На мой взгляд, что-то больно дофига. Стоящий наверху псион был примерно уровня Ашши.

— Зу Лхасс из Лагаша, — она ответила на задумываясь, — один из приближенных эн Телачи. Усмиряющий. Тоже застрял здесь, как и я, только ему повезло больше, ядро на вид почти не пострадало. Думала, он подох.

Ашши я был склонен верить, к тому же только два типа псионов, насколько я знал, могли маскировать действительный размер ядра — повелители и я. Возможно, остальные прыгуны тоже, но кроме себя и еще одного, который одновременно был повелителем потоков, я не зал. Хотя… Нет, не знал.

Их тридцать, двое — так, вроде ничего, а остальные на уровне тех отморозков, которые чуть было мой поселок не разнесли. И не только на уровне, пятеро из них как раз были в той группе. Так что двадцатку американских шибко одаренных я оставил в резерве, мало ли какой сговор у них с теми, кто по ступеням ходит. Свободно разгуливает, без опаски, одного снайпер достал, так после этого пятерых детей зарезали. И пообещали в следующий раз расправиться с остальными.

— В Храм ведет ход из Южного Акрополя, — Лиза, сменившая туфельки и юбку на берцы и бронник с каской из набора Аймесс, шагала рядом с нами по очень старым и очень грязным коридорам. — Скорее узкий лаз, но вроде толстых среди нас нет, только задницы у некоторых большие. Да, Аннабель?

От взгляда Ашши можно было прикуривать — в прямом смысле, воздух ощутимо нагрелся.

Пятерка тоже экипировалась в кевларовые шлемы, берцы и бронники, так, на всякий случай. И пистолеты им выдали. Кирилл с Семеном были счастливы, их даже опасность не волновала. И это меня беспокоило — во-первых, по живым людям парни будут стрелять, если что случится, и как ни крути, это убийство. И во-вторых, сколько раз повторяли им, главное оружие псиона, это он сам. Девочки от пистолетов не отказались, но отнеслись к оружию равнодушно.

А вот Белова экипировалась по полной, из Аймесса у нее

было почти все, даже фелиновская электроника. Швейцарская система сопрягалась с американской, и Ира была на прямой связи с Форрестером. Ну а мы через нее — тоже все слышали. Два пистолета в ее руках должны были придать нам уверенности.

По плану в проходное помещение находилось в каждом из семи ярусов пирамиды. Ход вел сразу на второй ярус, оттуда через остальные мы могли попасть наверх, а могли через вентиляционные проемы перейти к лестницам, и там уже начать спасать заложников.

— Отличная идея, — Ашши плюнула, точно попав в паука размером с пончик. Слюна была явно кислотной, паук задымился и подох. — Вы видели этих заложников? Они же все обдолбанные, их мало того, что обработали, еще и наркоты вкатили. Да они сами не понимают, где находятся и что делают, на себе их понесем?

Лиза кивнула. Но словами поддерживать не стала.

— Твои предложения? — спросил я ани.

— Какие тут предложения, поднимаемся в святилище, там грохнем главного, двух подручных твоя пятерка размажет, а остальные разбегутся. Если успеют, и снайперы заснут.

— А какой был план изначально? — спросил я Лизу.

— Примерно такой же, — призналась она. — Или ракетами, если бы вы отказались. Но разрушенный культовый памятник майя нам сейчас, с нынешней международной обстановкой, совершенно не нужен.

— Тогда для чего нас тут столько?

— Предполагаем, — Лиза шагала впереди, — что на последнем ярусе, в помещении, тоже кто-то есть. Изначально их было сорок, одного убили, тридцать три ходят по улице. Остальные шесть где-то внутри. Стоп, пришли. Здесь начинается подъем с яруса на ярус, сразу за поворотом начинается могильник, в шестидесятых его разграбили.

Я шагнул вперед, похлопал Лизу по левому плечу, и когда она чуть развернула голову, обхватил правой рукой ей шею. Какой-никакой, а контакт нужен, если хочешь одаренного о чем-то спросить.

— Что ты еще забыла нам сказать? — прошептал я ей на ухо. Лу Маас-Арди пыталась построить вокруг шеи конструкт, но что-то у нее не задалось, А когда увидела у глаза острие черного кинжала, вздрогнула. Узнала, значит.

— Прикончи ее, — прошипела Ашши. — Эта тварь все равно бесполезна.

Мы остановились прямо перед входом в храм-пирамиду. Лиза как раз делала шаг через незримую границу, когда я ее вот так

перехватил. Вовремя — еще чуть-чуть, и она задела бы тонюсенькую красную ниточку, которую ни она, ни Ашши почему-то не видели. А я видел, и гордился этим. Замерли — я с Лизой впереди, Ашши слева от нее, пятерка позади, и Белова — замыкающая. Я молчал, считая до десяти. Психологи говорят, это лучший способ снять волнение и принять нужное решение, а не спонтанное. Но они людей лечат, а не псионов. Красная нить вибрировала, чувствуя наше приближение, и нужно было дать ей время успокоиться. И заодно вот так Лизу допросить, время-то ресурс невосполнимый, расходовать надо с умом.

— Больше ничего не знаю, — тихо проговорила Лиза. Спокойно. Уж лучше бы испуганным голосом, или изобразила истерику, а так вот получалось, что или правда не знает ничего, или то, что нас там ждет, пугает ее больше, чем этот черный клинок.

Ашши сразу все поняла, кивнула. Пятерка, та как встала с момента моего резкого движения в боевую стойку, так в ней и оставалась, и два пистолета Беловой были прямо в голову Лизе направлены.

— Тут сигнальная нить, — предупредил я Ашши.

Та подошла, недоверчиво посмотрела на меня, потом на узкий проем. Не знаю, чего там разглядывать было, да, вторая, вертикальная, была и вправду очень тонкой, только обнаружив первую, я присмотрелся и ее увидел. А горизонтальная-то вон какая толстая. Тятьев, когда меня проверял в другом мире, как раз до такой толщины дошел, а он и Ашши примерно на одном уровне. У нее больше опыта, тот — уже мертвый и не сможет за себя постоять, да, так и есть, на одном.

Так вот, горизонтальную Усмиряющая нашла, а вертикальную не видела в упор, и из-за колебаний первой почувствовать вторую тоже не смогла. Но на меня посмотрела не то чтобы с уважением, а как на двоечника, который вдруг таблицу Менделеева наизусть перечислил, элемент за элементом.

Можно было бы нашу американскую подругу туда толкнуть и посмотреть, что произойдет, но горизонтальная нить тянулась от одной схемы до другой, так, небольшой взрыв, просто оглушить и ослепить. А слева от схемы оглушения была часть каменной кладки, за которой продолжался коридор. Тут как при ограблении банка, или сейф вскрывать, или стенку выпиливать.

Стенку я выпилил, разрушать камни не стал, а вот раствор между ними в пыль превратить — пара пустяков. Пятерка быстро разобрала кладку, отверстие получилось как раз размером, чтобы человеку пролезть. Лиза не дергалась, а когда кинжал убрал, расслабилась, вроде ни с кем связаться не пыталась, так что

заработала себе немного очков жизни. Из пятерых ребят красную линию, горизонтальную, смог увидеть только Кирилл, вертикальную — никто. Кира я хвалить при всех не стал, потом это сделаю, если все нормально пройдет, и живы останемся. Наверху-то нас наверняка ждали, Лиза может и не сдала, но есть еще внутренний враг, которого держать нужно ближе, чем друзей.

— Ну что напряглись? — подбодрил я свою команду. — Волков бояться — в зоопарк не ходить. Пойдем, надерем задницы этим неумехам. Белова?

— Никаких изменений, — доложила Ира. — Главарь режет очередную жертву, все остальные на своих местах, Форрестер говорит, что как только мы с главным расправимся, начнет выводить нижние ступени, рядовые исполнители для его бойцов опасности не представляют.

— Хорошо, — кивнул я.

И проверил, на всякий случай — уже в который раз. Кота, тот отозвался, и готов был появиться в любой момент, меч — ощущение рукоятки в ладони появлялось без задержек, ядро — расту не по дням, а по месяцам. Пятерку — символы эме-галь легли вместо схем, как будто так и надо, спасибо храму основателей и Аррашу. Белову, просто для порядка, Ира была спокойна, сосредоточена, одним словом профессионал. Ашши — не нравилось мне ее возбуждение, что-то тут не то. Ну и Лизу, лу Маас-Арди уверенно вела нас в ловушку. Твердо была убеждена, что шансов у нас нет.

— Лиза — прямо за мной, дернешься, превратишься в комок черной слизи. Ашши, сможешь ее контролировать?

— Если ты дашь мне свой ножичек, дорогуша, конечно, — кровожадно улыбнулась ани. И тут же получила требуемое.

— Настя, идешь рядом с Ашши, Кир, Сема, вместе с девочками страхуете Белову. Ира, ты сама по себе, как всегда.

Белова не смогла удержаться от гордой улыбки. Хорошая девушка, если не брать в расчёт чувства и прочую дребедень, была бы для меня идеальной парой — чем-то она мне Милу напоминала. Такая же единоличница. Но и я тоже сам по себе, как всегда.

Внутри каждого яруса майя хоронили своих боссов. На шестом сверху, где мы как раз находились, мелких — менеджеров очень среднего звена, надписи на стенах, камнях и могильных плитах как раз об этом говорили. Проходы между захоронениями были не слишком широкие, так что шли мы практически цепочкой. На удивление, вокруг была чистота, до этого яруса туристы не доходили, так что антураж в виде паутин, свисающих пыльных нитей и прочей древности тут был не нужен. В углу

стоял современный стол, на нем — записи на бумаге, ежедневник в черной кожаной обложке, пустая чашка. У археологов сегодня был выходной.

На следующий ярус вел вертикальный проход, к нему уступом шла каменная лестница, забраться и протиснуться не составляло никакого труда. Пока никаких охранных схем я не видел, и людей тоже не было.

Но спецназ сюда явно заглядывал. На среднем ярусе валялись пять свежих трупов в американской форме, у всех из глаз вытекло и засохло на воздухе что-то серое, кто-то не мелочась вскипятил бойцам мозги. Ребята, до этого настоящих результатов войны не видевшие, разом вздрогнули, ну да, зрелище неприятное. Лиза — та только поморщилась, вздрагивать ей было неудобно, с черным лезвием возле шеи.

— Разведка, — пояснила она, — у старшего был передатчик, как только сигнал пропал, мы поняли, что живыми их больше не увидим.

— Старший — это он? — я кивнул на распятый на наклонной стене труп. Кисти и ступни вросли в камень, изо рта, груди и живота торчали каменные шипы. На лицо вообще лучше было не смотреть, такие мучения на нем отразились, потом месяц не уснешь, если ты обычный человек. Таких, по счастью, у нас не было.

— Зу Лхасс, — Ашши поморщилась, — его любимый семейный прием, так и предки его развлекались, Лагаш — вообще царство извращенцев.

На ребят такой вариант казни произвел сильное впечатление, это они просто не видели, что Ашши с шаманом сделала. Только Кирилл подошел, потрогал пальцем каменный шип, получил от Даши подзатыльник.

Следующий ярус был почти пуст — разбросанные зеленые узоры не в счет. Я их видел, Ашши — тоже, а вот ребята потеряли свои щиты, пытались новые наложить, девочки и Кирилл быстро справились, а Семен — нет, он прямо в центре такого узора стоял и удивлялся, почему схемы распадаются.

— Ты это специально сделал, милый? — Ашши от Лизы не отходила, но учеников своих держала под присмотром. — Погоди, ты и вправду не знаешь? Я все забываю, что по верхам нахватался. Смотри.

С ее ладони слетел зеленый клинышек, поднялся в воздух, резко расширился, и все зеленые узоры стали видны обычному глазу. Семен, как увидел, что он в такой бяке стоит, аж подпрыгнул. И резво отскочил на свободное место. Век живи, век учись. Мне показалось, или Лиза усмехнулась. Нет, не

показалось, еще и смеется надо мной. Хорошо так ей, весело, в последний раз.

В центре яруса лежала плита, мы ее обошли, уж очень она была разрисована, по углам горели свечи, а в середине клинышками была выплавлена старинная шумерская поговорка про тех, кто садится не на своего осла. Лаз на следующий ярус находился прямо над этой надписью, и затянут он был частой красной сеткой. Я прикинул расстояние до потолка, прибавил толщину перекрытия, переместиться для меня не составит никакого труда, только вот что меня там ждет? Попытки просканировать следующий этаж провалились. Схема показывала, что там вообще никого нет, но я больше верил своей интуиции, которая прямо-таки вопила об опасности.

— В стороны, — успел скомандовать.

Пятерка без вопросов кинулась врассыпную, Белова откатилась назад, к проходу на предыдущий ярус, взяв проход наверх на прицел, только я, Ашши и Лиза остались стоять на месте. Воздух ощутимо сгустился, казалось, еще чуть-чуть, и его можно будет пить. Рядом с плитой проявился силуэт, уплотнился, превращаясь в человека — низенький толстячок насмешливо смотрел прямо на меня, держа развернутую вверх ладонь возле живота. Над ней сиял белоснежный символ. Я только щиты успевал накладывать, понимая, что это без толку, от повелителей не убережешься.

— Неплохо, зу Марк Уриш, — по-русски сказал толстяк. — Громеши не особо любят рассказывать о своих, но судя по всему, ты прогрессируешь. Готов поспорить, что еще недавно и половины такого не сделал бы.

Я вопросительно поглядел на Ашши.

— Эн Телачи, — поклонилась та, все также держа кинжал у горла Лизы. — Давно не виделись.

Толстячок рассмеялся. Поднял вторую руку, развел обе чуть в стороны, стены помещения вспыхнули, по ним поползли символы эме-саль. Теперь не то что телепортироваться, даже связаться с кем-то снаружи не получалось. Кирилл попытался прикоснуться к стене, видимо, из любопытства, и его отшвырнуло метра на два.

— Какие прыткие у тебя ребята, зу Уриш, но воспитанные и умные. Очень хотят меня убить, сдерживаются. Как вас там, Настя, Кирилл, Дарья, Семен и Светлана? Это бесполезно, спросите свою уми. Убить повелителя может только другой повелитель.

Ашши кивнула. Ребята на нее глядели настороженно. А надо бы — с ненавистью. Что-то долго до них доходит.

— Обожаю иметь дело с Маас-Арди, — решил помочь им эн

Телачи. — Готовы мать родную продать, лишь бы получить свое. Ани Ашши, я готов выполнить наш договор. Ах, да.

Он шевельнул пальцами, и Лиза опустилась на пол.

— Так лучше?

— Да, — Ашши насмешливо поглядела на меня, провела пальцем по левой серьге. — Дорогуша, ты и вправду думал, что твои побрякушки смогут меня контролировать?

Я так и вправду думал, только спорить не хотел, а доказательства приводить собирался, если подопрет. И тогда одна хорошенькая головка отделится от не менее красивого тела. Два крохотных символа эме-галь это практически гарантировали.

Белова чуть опустила веки, словно глаза устали смотреть в одну точку, я слегка шевельнул головой. Нет, не сможет. Будь тут тот зу, что наверху людей, как баранов, режет, может и получилось бы. А здесь нет шансов у нее.

Толстячок и это заметил.

— И вы, милая девушка с пистолетами, отличный экземпляр. Я не про пистолеты. Удивительно, обычный зу, даже не зу, а так, насмешка над настоящими ас-ариду, и подобрал себе команду. Пять видящих и одна чувствующая, откуда только взялась. Ашши, про нее ты мне ни слова не говорила. Решила скрыть от меня что-то?

Ашши словно нехотя покачала головой.

— Не забывайся, дорогуша, — заявила она толстячку, — ты разговариваешь с Маас-Арди. Привык тут с эре забавляться, так отвыкай. Тем более что ты знаешь, сколько стоит даже слабенький псион, не забудь, когда расчет будешь производить. Я свою часть договора выполнила, дело за тобой.

— Конечно, — эн Телачи церемонно поклонился, — прости, эта реальность совсем выбила из меня из колеи. Сто пятьдесят лет кого угодно заставят приобрести новые привычки. Так что я — не виноват. А вы, друзья мои, не хотите узнать, что вас ожидает?

Кирилл было дернулся сказать, что он об этом думает, но как подкошенный рухнул на пол.

— Учить и учить, — деланно вздохнул повелитель из Лагаша. — Вот только поздно уже. Марк?

— Обожаю, когда главный злодей раскладывает все по полочкам, — признался я, — пока он треплется, появляется подмога и его убивают. Мое любимое место во всех фильмах.

— Мое — тоже, — признался в ответ эн Телачи. — Я бы с удовольствием об этом поговорил, но вам всем пора умереть. Небольшой ритуал, которому меня научил мой друг, чей браслет ты носишь, даст мне настоящие кристаллы, не эту мелочь, — он

кивнул на сережки Ашши, — а крупные такие, вот из тебя хороший получится, и не один. И тогда мы с дочкой моего лучшего друга сможем связать два мира, и перейти из этой жалкой реальности в другую, и связать их вместе, чтобы ни один посторонний из мира-ноль сюда больше не заглядывал. Потому что там сейчас такое творится, зу Уриш, что каждый ас-ариду на счету. Ты не в счет, прости. Вот и пусть себе там сражаются, а я уже навоевался.

Глава 28

Вяэь красных нитей в проходе ярко вспыхнула, и по эту сторону появился высокий блондин, тот самый, что складировал сердца в бочке наверху. Подойдя к эн Телачи, он на мгновение замешкался, обменявшись быстрыми взглядами с Ашши, потом опустился на одно колено и протянул боссу черный кинжал. От того просто фонило какой-то гадостью.

— Отлично сработано, Киас, — повелитель обрадовался, словно ребенок, — клинок заряжен, и еще осталось место для обмена энергией. Ашши, может, ты хочешь начать?

— Нет, дорогуша, — ани Маас-Арди поежилась, — я такую пакость в руки брать не собираюсь.

— Ну нет, так нет, — эн Телачи это не расстроило. — Марк, знаешь сказку по Гензель и Гретель? Про брата и сестру, которые обманули злую ведьму, и посадили ее в печь вместо себя?

Я кивнул.

— Мне иногда кажется, что именно эти сказки воспитали из немцев нацистов, — философски заметил повелитель. — Они настолько жестоки, что человеческая жизнь теряет любую ценность. Аушвиц, да. К чему это я. Думай о себе не как о жертве, а как о герое. Ты избавишь мир от злой ведьмы, ну и от меня. Так что иди, садись в печь, точнее говоря, на плиту, будет неприятно, но не больно. Я даже не стану тебе препятствовать, если ты отключишь нервные центры. Все, что мне нужно, это двадцать один красный шарик. Десять дадут твои милые ребятишки, они очаровательны, особенно вот эта девочка, но слабы. Две — от полукровки Маас-Арди, как мы и договаривались с его дочерью. Настоящей. Ты, зу Уриш, Усмиряющий, как раз сгодишься на три. Ну и вот эта хорошенькая блондинка даст еще два, она хоть и слабенький псион, но перспективный. Была..

— Семнадцать, — посчитал я, наблюдая, как эн Телачи кладет рядом с плитой какой-то лист бумаги и кубик с гранями сантиметра в три. Знакомая вещица, проклятые кости, так кажется, их Россошьев называл. — Некомплект.

— Точно, — повелитель улыбнулся, и без замаха ударил своего подручного кинжалом в живот, движением другой руки опрокидывая того на плиту. — Непорядок.

Зу Лхасс пытался сопротивляться, но две черные кляксы словно приклеили его руки к камню. Эн Телачи меж тем водил над ним ладонями, что-то пришептывая. Такое я впервые видел, обычно повелители молча расправляются с жертвами. Первое время ничего особого не происходило, за исключением того, что

зу Лхасс слегка почернел и сьежился. А потом с пальцев повелителя начали стекать серые нити, словно белая энергия смешалась с чем-то черным. Нити опутывали жертву, но не впитывались, оставаясь снаружи и постепенно меняя цвет. На синий. Наконец, когда подручный совсем растекся в желе, эн Телачи резко хлопнул в ладоши.

Нити выстрелили вверх, опутывая Ашши, не давая ей двигаться. Было видно, что она пытается, но паутина словно выкачала из ани всю силу. То, что осталось от зу Лхасса, собралось в большую черную каплю, почти мячик для тенниса, подпрыгнуло на плите, разделяясь на три части, и упало вниз тремя красными шариками поменьше, они задрожали, словно капли ртути, потекли к краю плиты, слились вниз, переместились на куб и засияли на трех вершинах.

Ашши пыталась что-то сказать, явно неприятное, но энгун только довольно улыбался. Лиза на полу открыла глаза, кряхтя и откашливаясь, оперлась на локти, тяжело подтягивая тело, встала. Ее шатало и трясло.

— Спасибо, повелитель.

— Не за что, — толстяк помахал рукой, мол, подумаешь, какие пустяки, — как договаривались. Этот говнюк хотел меня предать, смешно, да? Какой-то чувствующий решил, что с повелителями можно в игрушки играть. К тому же мне нужен двадцать один шарик, а не двадцать. Что с этими делать? А то и вправду могу уйти, будешь здесь вместо меня.

— Ну что ты, повелитель, я всего лишь эре, — Лиза опустилась на колени, дотронулась лбом до каменного пола, потом снова поднялась. — Этот мир принадлежит тебе.

— Так себе мирок, — эн Телачи поджал губы. — Но мы свяжем его с другим, вот это будет то что нужно. Тот, другой мир связан еще с одним, и у нас получится кольцо реальностей, независимое от проклятой сап-ару, и тогда… Ага, вот и он!

Я не звал кота, он появился сам. Встал рядом со мной, зашипел, словно змея. Символы на стенах потускнели, потемнело, словно приглушили свет. Вот только повелитель не испугался почему-то.

— Призрачный кот, эр-асу, гроза псионов. Проклятая богиня вечно сует своих выродков куда не следует, думает, их нельзя выдрессировать или запугать. Слава Нингирсу, мы давно с этой проблемой справились.

И рядом с ним появился еще один. Только этот, новый, был куда больше и мощнее моего. И злее, словно дворовый котяра, взращённый на обьедках и драках, встретился с изнеженным домашним котенком. На шее у нового кота тускло светился синий

ошейник, состоящий из переплетенных синих нитей.

Они стояли друг напротив друга — два порождения Системы. У обоих взъерошена шерсть, оскалены зубы, глаза горели ярко-красным светом.

— Ставлю на моего, — толстячок явно забавлялся. — У твоего, зу Уриш, что-то силенок маловато, может, ману ты его и кормил, но эр-асу надо жрать одаренных, чтобы расти. Забьем на пару монет?

Не знаю насчет сил, но часто в драке побеждает тот, у кого есть уверенность в себе. У моего кота такая уверенность была, а вот эр-асу Телачи не слишком хотел драться. И в глазах его какая-то обреченность была, словно делать он собирался что-то, что ему совсем не нравилось. А еще в глубине взгляда кота эн Телачи пряталась тоска, смертельная.

Коты прыгнули навстречу друг другу. Но не покатились по полу, вырывая клочки шерсти и мяса, а словно слились в одного. Синий ошейник растянулся, превращаясь в клетку, внутри которой стоял на месте один кот, внутри него словно шла драка, на теле образовывались выпуклости, сам он мерцал, то появляясь, то пропадая.

— Хороший котик, а станет еще лучше. Злее, — эн Телачи демонстративно повернулся ко мне спиной, словно подставляясь под удар. — Роскошный подарок ты привел мне, зу Уриш. За это умирать будешь долго и сильно мучаясь, как и полагается настоящему ас-ариду. Хоть в чем-то ты станешь на нас похож.

Я ощутил в ладони рукоять меча. Один шаг, рука вперед, кисть чуть развернуть, и клинок войдет прямо в сердце. А ведь этот говнюк из Лагаша явно ждал шага и клинка. Ну что же, не буду его разочаровывать.

Призрачный меч почти появился в моей руке, и я сделал шаг.

Только назад.

Толстяк, резво повернувшийся обратно, недоуменно на меня посмотрел, чуть отвел руку в сторону, собираясь вызвать свое оружие. И отвлекся от клетки.

Как минимум сотня светлячков вспыхнула внутри, растворяя синие прутья. Кот довольно заурчал, уплотняясь, и принимая очертания моего питомца.

В тот же момент Ашши сжала ладони в кулаки, амулет на ее груди вспыхнул, уничтожая сковывающие ее нити. А потом ударила Лизу кулаком в живот, та попыталась вздохнуть, но не смогла, сгибаясь. И уходя с линии огня.

Ира сделала три выстрела, один за другим, три светящиеся пули попали в эн Телачи, первая — выбивая кинжал из его руки, вторая — ударяя в грудь, и третья — прямо в центр лба. Черные

кляксы начали расползаться от мест поражения, от правой руки через плечо и горло к глазам.

— Кинжал, Марк, бей, — кричала Ашши, но я и сам знал, что делать.

Вот теперь два шага вперед, меч крутанулся в руке, вспарывая грудь повелителя в том месте, где у людей находится сердце. И потом — резко вверх, прямо по черной полосе, к горлу.

Эн Телачи был жив, мало того, сопротивлялся. Белые струйки текли, смывая черноту, меч вдруг стал тяжелым, словно прибавил килограмм десять, в глазах повелителя появились насмешливые искорки, еле заметное движение рукой — и Белову отбросило к стене, она переломилась, размазывая по полу кровь. Ашши схватилась за горло, словно пытаясь избавиться от сжавших его невидимых рук. Эр-шатх застрял, я не мог ни выдернуть его, ни протолкнуть дальше. Пятерка — так та вообще валялась на полу без сознания.

— Непокорные детки, — ухмыльнулся энгун. — Вас надо проучить. Скормить моему коту.

И крутанулся на месте, вырывая застрявший меч у меня из руки.

Тут же выставил вперед ладони, словно защищаясь. Кисти его окутались чернотой, слишком поздно — огромный черный леопард небрежным движением лапы швырнул эн Телачи на плиту, переместился к нему, придавил повелителя и поглядел на меня.

Ашши что-то кричала, Лиза сидела на полу и кашляла, Белова и ребята все так же валялись без признаков жизни, но это было не важно, кот требовательно заурчал. Он имел право, как-никак, именно он спас мою жизнь. Хорошо, пусть будет так, как он просит.

Я подошел к плите, поглядел на бывшего главу одной из богатейших семей царства Лагаш сверху вниз. Эн Телачи попытался освободиться, но из-под лапы кота потекли красные струйки, опутывая жертву. Да, жертву.

— Второй, Маард — слова приходили сами, я всадил первый кинжал Телачи в левый глаз, — это — твое.

Над глазом появился белоснежный символ на эме-галь. Надо же, первый раз я произнес вслух что-то на этом языке. Жаль, что не понял никто.

— А это твое, Четвертая, Инаан, — и второй кинжал вошел в правый глаз, новый символ возник в воздухе.

— Шестой, Восьмой, Десятый, Двенадцатая, — кинжалы легко входили в конечности, пригвождая бывшего уже повелителя к плите, от его ядра откалывались кусочки, и притягивались к

черным лезвиям. Четырнадцатому достался живот.

Кот, как мне показалось, ухмыльнулся, убрал лапу. Я всадил призрачный меч прямо в центр груди эн Телачи, там, где собрались остатки ядра. Нарисовал в воздухе три символа, моментально впитавшиеся в тело. Погладил кота. И уже потом повернулся к Ашши.

Та больше не кричала — ани уже подлечила Белову и одновременно приводила ребят в сознание.

— Погоди, — сказал я. — Не нужно им на это смотреть.

— Ты прав, милый, — спокойно ответила Ашши, подошла к Лизе, потянула ее вверх.

И обняла.

— Все нормально, сестренка, мы это сделали, — прошептала она, гладя Лизу по голове. — Теперь тебе никто не будет угрожать.

Лиза кивнула, всхипнула.

— Ну-ну, — продолжала Ашши, — ты ведь уже взрослая девушка, по местным меркам практически старушка. Чего тут тушь по глазам размазывать. А ты, дорогуша, мог бы сказать, что у тебя есть эр-шатх. И с эн Телачи мог бы повременить, теперь его призрачный меч нам не достать.

— У каждого из нас есть свои маленькие секреты, — резонно заметил я. И бросил две последние золотые монетки на растекающийся труп.

Ману вспыхнули, остатки повелителя — тоже, ярким холодным огнем, плита вокруг тела покрылась инеем, я поднял с пола кубик, бросил в фиолетовую жижу. От нее начали отделяться сгустки, в воздухе их поверхность сглаживалась, превращаясь в шарик, они становились красно-коричневыми, зависали над кубиком и рывком втягивались в него. Ровно восемнадцать штук. Кубик тоже вспыхнул, поднялся на уровень моих глаз. А на плите осталось еще немного субстанции, лишней, видимо. И совершенно целый на вид портальный камень. Я провел ладонью над кинжалами, помещая их в свой непонятно где карман, потянулся к кубику, чтобы убрать с глаз подальше.

— Не так быстро, дорогуша.

Я обернулся, Ашши и Лиза стояли рядом, одна из сестер целилась в меня из пистолета, вторая — гадостью какой-то собиралась кинуть, только в кота. Кроме них, в меня целились Света с Семеном. А вот Даша и Кирилл взяли на прицел своих бывших уже, наверное, однокашников. И Настя тоже, только впридачу к стволу пыталась что-то убойное изобразить. Белова сместилась за спину сестер и направила пистолеты им в затылки.

— Мне совершенно не хочется убивать тебя, милый, — продолжала ани. — Только отдай мне этот кубик и карту. И кристалл.

— Уверена?

— Конечно, тебе эти игрушки ни к чему, а вот мне — пригодятся.

Я подбросил кубик на ладони. Неприятная штука, помнится, из лже-купца на складе всего три шарика выкатились, а из повелителя лагашского — аж восемнадцать, да еще запас оставался. Поглядел на кота, тот совершенно спокойно сидел чуть поодаль, словно его все происходящее не касалось. Но нет, наблюдал, паразит.

— Хорошо. Отдам, если расскажешь, зачем тебе это нужно. Только коротко.

— Ладно, — Ашши примирительно улыбнулась. — Этот лист — карта. Нужно положить на него несколько предметов, потом бросить кубик, он свяжется с маяком, и нас перенесет в один необычный мир, там и магия есть, и люди в космосе звездные империи строят. Ты, судя по браслету твоему, там уже был.

— И зачем он тебе? — я сделал короткий шажок назад, к плите.

— Чтобы выбраться, конечно. Твой знакомый сделал тот мир нестабильным, значит, там порталы должны работать. Мы все только выиграем. Я, дорогуша, перейду в другой мир, а оттуда — в свой. Лиза получит контроль над оставшимся имуществом повелителей, считай — над этой реальностью, Маас- Арди берут ее под себя на сто лет. Но не беспокойся, планета эта нам не нужна, для экспансии уже многое готово. Ты дальше будешь здесь баб охмурять, вон, хоть сестричку мою, она ведь в твоем вкусе, да? Заодно и одаренных настрогаете.

Я хмыкнул. Лиза — нахмурилась. Видимо, я в ее вкусе не был.

— Марк, ты ведь прыгун, тебе эти кристаллы не нужны, — продолжала убеждать меня Ашши. — И вообще, мы обе тебе благодарны, Лизу ты от мучителей избавил, меня тоже спас как-то. А благодарность Маас-Арди многое значит.

— Кто-то клялся мне в любви и вечной верности, — напомнил я. — А вместо этого подставил. Чтобы от всех клятв этих освободиться, да?

Ашши только улыбнулась иронично.

— Хорошо, — решил я. — Отдам. Если кот не против.

Кот, казалось, задумался, а потом по-человечески кивнул. И для убедительности заурчал, одновременно уменьшаясь до прежних размеров.

— Одна пойдешь? — пистолеты уже были опущены. Почти все — только Ира целилась в сестричек.

— Конечно.

— А они? — я кивнул на Свету и Семена.

— Эти? Они мне не нужны, могут делать, что хотят, — Ашши фыркнула. Надменно поглядела на ошарашенных подростков. — А вы что думали, можно предать своего уми? Плесень — она в таких вот теплых и влажных от подростковых мечтаний условиях произрастает. Мис хе аиш, зу Уриш?

— Хе аиш, — подтвердил я, что не обижаюсь на ани. Обижаться — это одно, а вот припомнить в подходящее время — совсем другое. Что-то долги только копятся и копятся, пора бы уже и собирать не оправдавшие себя кредиты доверия.

Ашши подошла к плите, провела ладонью над тем, что осталось от эн Телачи — остатки слизи исчезли. Я положил на камень чистый лист пергамента, аккуратно примостил рядом игральный кубик. Ани протянула руку назад. Лиза подскочила, вложила в ладонь мешочек. Не глядя, Ашши растворила ткань, положила на один угол листа семь золотых монеток, на другой — портальный кристалл. Потом сняла с груди свой змеиный амулет, и положила по диагонали к монеткам. А на четвертый угол положила проклятый кинжал.

— Портал будет висеть столько минут, сколько выпадет на костях, — обьяснила она. — Ману потом можешь забрать себе, вон как твой эр-асу жадно на них смотрит. Ну и все остальное, что останется, тоже твое.

Кот обиженно отвернулся, и вовсе он не жадно смотрел, а так, с легким интересом.

Ашши аккуратно взяла черный кубик, подержала его над центром листа, на котором проступили очертания знакомого мне, хотя в чем-то не такого пейзажа, и отпустила. Кубик упал на лист, откатился к кинжалу и замер.

— Пять, — зачем-то сказала Ашши и уставилась в ту сторону, где амулет ее лежал.

— Может, еще раз? — предложил я, когда прошло с половину минуты, а портальный круг так и не появился.

Ани злобно на меня поглядела, бросила кубик снова. И еще. На девятой попытке до шумерской принцессы дошло, что что-то идет не так.

— Надо, чтобы фамильяр это сделал, — подсказал я. — Вот у меня ворон был, он кубик бросал. У тебя Лиза есть. Или эти два предателя.

Два предателя покраснели, как раки, и постарались сделаться

как можно незаметнее. Между одной частью пятерки и другой прямо линия разлома прошла, Кирилл, Даша и Настя чувствовали себя гораздо увереннее, но на бывших приятелей старались не смотреть. А если и поглядывали искоса, то с брезгливостью какой-то. Ну что же, каждый свой выбор сделал.

— Или Ира, — вдруг сказала Ашши. — Если у нее дара изначально не было, а потом появился, может, она призванная богиней.

Белова скептически покачала головой, но пистолеты в кобуры вложила и кубик бросила. Еще когда она тянулась к нему, тонкая белая нить выстрелила и упала на тройку. А потом исчезла. Еле заметная такая, никто и глазом не повел, похоже, только я увидел, и она сама заметила или почувствовала. Но портальный круг так и не появился.

Кубик бросали все по очереди, даже я включился в игру. Кстати, у меня шестерка выпала, то есть, если так считать, выиграл.

— Так мы до вечера будем тут развлекаться, — пресек я народную шумерскую забаву. — Ладно, есть еще один, последний вариант.

И посмотрел на кота.

Тот лениво поднялся, потянулся, всем своим недовольным видом показывая, что делает это исключительно из любви ко мне и семи монеткам ману, подошел и пихнул лапой кубик.

После того, как Белова связалась с Форрестером, спецназ быстро зачистил оставшихся на ступенях террористов и вывел заложников. Те после смерти эн Телачи и его приятеля вроде как пришли в себя, только плохо ориентировались во времени и пространстве, так что военным было не до нас. Тем более что Лиза — та как раз ориентировалась хорошо, и вывезла нас на вертолете подальше от храма, на военном аэродроме пересадила в частный самолет, не мой, другой, со свеженарисованным гербом Маас-Арди, и упорхнула по своим государственным делам, в этой реальности у нее больше пока не было конкурентов. Но подрастали, приходилось заранее тянуть их на свою сторону.

Во время перелета до Москвы мы почти не разговаривали, каждый переваривал в голове происшедшее. Ну только Белова что-то Сергею втолковывала, а тот недовольно глядел на меня, опять нотации будет читать. Пусть, такой у него семейный долг.

Набор для путешественников по мирам себя не проявил никак. Ашши отдала мне и карту, и кубик — как-никак, я их добыл, добыча это святое. Кот получил за участие свои семь ману, точнее говоря, пока все с ошарашенным видом пялились на

отсутствие результата, расплавил их и впитал. Мне даже показалось, что обожрался он золота, после такой порции черное чудовище слегка покачивало и заносило на поворотах.

Но, по большому счету, почти все добились своего. Не считая денег, их нам почему-то заплатили без возражений и затяжек, так что даже бывшие детдомовцы стали очень состоятельными людьми.

Ира залилась адреналином по макушку, а то от семейной жизни тосковать начинала.

Лиза — получила целую реальность для себя, пусть реальность об этом пока не догадывается. Но амбиции у дочки шумерского повелителя зашкаливали, будет кому одаренных возглавить в новый крестовый поход на звезды — шумеры живут долго, может, и получится что.

Ашши уничтожила эн Телачи, которого она почему-то недолюбливала, спасла сестру, а заодно сохранила мудрого и доброго диктатора еще на какое-то время. Меня.

Ну и остальные по мелочи. Кот — монетки, Сема со Светой — американское гражданство и пинок под зад, предательство к народным русским забавам не относится, а к американским очень даже. Настя, Даша и Кирилл тоже выиграли, меньше народа у уми, больше кислорода, веселых заданий и мучительных развлечений.

И я тоже не обойден призами оказался. Модуль проснулся неожиданно. Сохраняя заблокированным механизм переноса, включил таймер, отсчитывающий дни до самоликвидации, хорошо хоть — не меня, а только этого паразита. И отключить этот таймер можно было, перейдя в другой мир. Как там у какого-то древнего классика, уехать, чтобы жить? Или остаться здесь навсегда обычным человеком, без пси-способностей.

Только вот уехать никак не получалось.

«Внимание! Угроза дисбаланса. Текущая реальность временно заблокирована. Всем обладателям модулей переноса — покиньте узел переноса до истечения выделенного срока. Самоликвидация модуля произойдет через 195 часов 59 минут местного времени.»

«Вход в систему невозможен. Выбирайте альтернативные способы перемещения.»

«Портальные маяки не функционируют. Выбирайте альтернативные способы перемещения. Выбирайте реальности, находящиеся в резонансном состоянии. Список реальностей доступен в блоке переноса.»

«Блок переноса временно недоступен.»

«Элементы системы, оставшиеся в узле переноса после истечения выделенного срока, будут уничтожены. Поместите их в системное хранилище и дожидайтесь восстановления работы системы.»

«Вся информация о состоянии системы доступна в блоках переноса.»

И значок «андер констракшн» сменился на мигающий красный восклицательный знак.

ЭПИЛОГ

Два меднокожих гиганта с алебардами в руках, одетые в красные, с золотой вышивкой набедренные повязки, красные кожаные сандалии и черные безрукавки с золотыми вставками, невозмутимо смотрели на нового посетителя. Крошечный по сравнению с десятиметровыми дверями человек снял сандалии, большую часть одежды и остался стоять. Простые нуны могут ползать на коленях сколько хотят, а эгиру царства Исин это не нужно.

Двери бесшумно распахнулись, по золотому полу прокатилась легкая волна, меняя цвет плиток на черный. Эгир Ур-Наммурапи вздрогнул, и совсем не от холода, хотя температура опустилась почти до нуля.

На белоснежном троне, закинув ногу на ногу, сидел юноша с белоснежными вьющимися волосами, спускающимися до плеч, с пронзительными голубыми глазами, в черной тунике, заколотой пряжкой белого металла. Фигура юноши была прозрачной и слегка колебалась в воздухе.

Пришлось эгиру опускаться на колени и ползти, одно дело, когда на тебя смотрит энси, а другое, когда сам Нергал решил спуститься из своего ниоткуда.

Эгир почти дополз до трона, когда что-то подняло его вверх и усадило в появившееся кресло — обычное, с деревянной резной спинкой и такими же подлокотниками, мягким атласным сиденьем и изогнутыми ножками. Ур-Наммурапи дернулся, чтобы припасть к ногам повелителя, но не смог, тело словно одеревенело.

Юноша встал, подошел к эгиру, сел рядом с ним на подлокотник.

— Я решил лично поговорить с тобой, тем более что энси приболел, и скорее всего уже не выздоровеет, бедняга. Что тебя беспокоит?

— Кристаллы, — спокойно ответил Ур-Наммурапи. — Они не работают больше. Уже месяц как должен был вернуться мой племянник, и другие тоже, но никто не появился. И эр-шатх — они больше не подчиняются.

— Это плохо, — юноша кивнул. — Что еще?

— Армия в руках сторонников проклятой богини. Мы заперты в Солнечной системе, внешние миры перестали нам повиноваться, большая часть корпораций вышла из-под контроля. В моей собственной семье отступники тоже есть.

— Я знаю, — призрачная фигура улыбнулась. — Это мелочи.

Что тебя действительно тревожит, мой друг?

Эгир потер отклеившиеся ладони, поерзал на кресле.

— Почему мы им помогаем? Те, кто остался, вполне могли бы растоптать и адмирала Маас-Арди, и изменника Иту Громеша, который теперь глава семьи, и других отступников, в худшем случае — выдавить их во внешнюю сферу, а мы отдаем им в руки все. Еще немного, и точка невозврата будет пройдена. Апа-Илту, эти непонятно откуда появившиеся представители мертвой фамилии, фактически контролируют всю галактику. Без носителей, портальных маяков и кристаллов переноса все разрушится. Если вы хотите, чтобы я отдал власть, скажите, и я, и другие эгиры к этому готовы. Мы склонимся перед восьмым царством.

Юноша исчез и снова появился, на троне.

— Нет, мы этого не хотим. Эреш-кигаль не нужны подачки. Ей нужны соратники, так что ваша жертва будет напрасной. Она умеет отличать тех, кто ей верен, от тех, кому верным быть выгодно. Но сейчас это не важно. Скажи, ты сделал все так, как тебе велел энси в прошлый раз?

— Да, в точности. Прыгун был в хранилище и нашел те фигурки, которые я заменил. На следующий день. Потом мы отдали ему семью Уришей, а через несколько дней он исчез и потом появился в системе прыгающей звезды. Я говорил об этом в храме истины.

— Помню. Кристалл? Он просил тебя или умершего Громеша помочь с ним?

— Нет. Но его он тоже взял. Вместе с золотой пластиной …

Фигура юноши вдруг выросла, надвинулась на Ур-Наммурапи.

— Почему ты смолчал об этом, червь? Где са-гир, у него? Как он оказался у тебя в банке?

— Не знаю, я лично проверял тайник перед тем, как прыгун там появился. И да, скорее всего, са-гир он забрал с собой, — эгир ничуть не испугался. — Я обнаружил это только декаду назад, когда получил опись. Дочка нового нуна Громеша, которая из Уришей, передала ее в мой банк вместе со столом. Но что значат эти пластины? В моей семье их три.

— Для тебя — ничего, — фигура вновь очутилась на троне, сжалась до обычных размеров. — А вот для нашего друга Марка — могут значить очень многое. Но так даже интереснее. Ты ведь наверняка играешь в лан-ту, эгир, хоть это и запрещено? Знаешь, что такое идеальная партия?

— Когда единственный оставшийся на поле стрелок последним ходом убивает собственного жреца?

— Именно, — холодно улыбнулся бог. — Осталось подождать, когда наш стрелок объявится.

* * *

Опубликовано: Цокольный этаж, на котором есть книги: https://t.me/groundfloor. Ищущий да обрящет!